

Р. БАРТЛЕТТ
ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ
"КАРЛУКА"

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Р. БАРТЛЕТТ

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ
«КАРЛУКА»

Сокращенный перевод с английского
В. А. ДИЛЕВСКОЙ

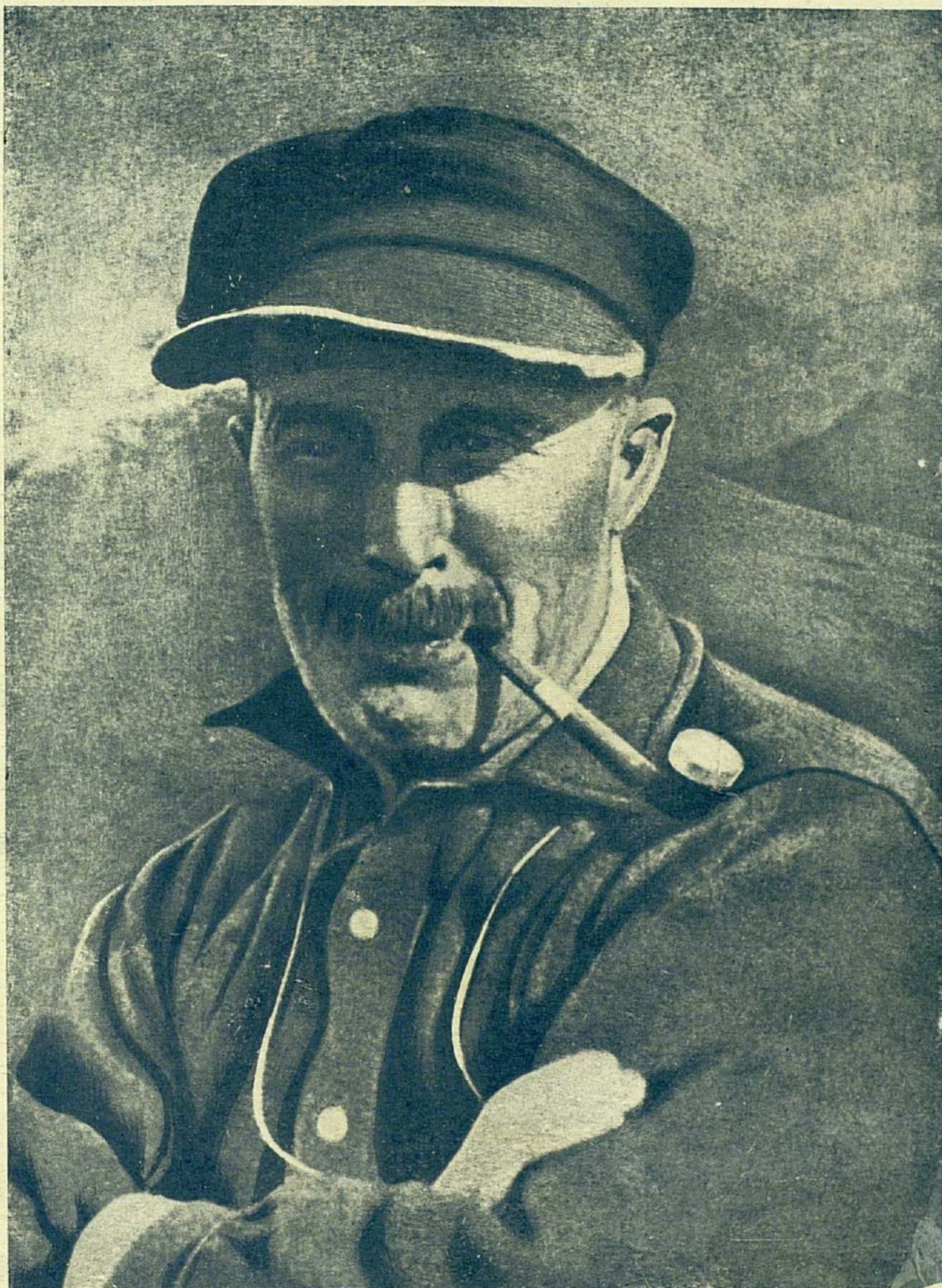
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ . ЛЕНИНГРАД . 1936

THE LAST VOYAGE
OF THE KARLUK
BY
ROBERT A. BARTLETT

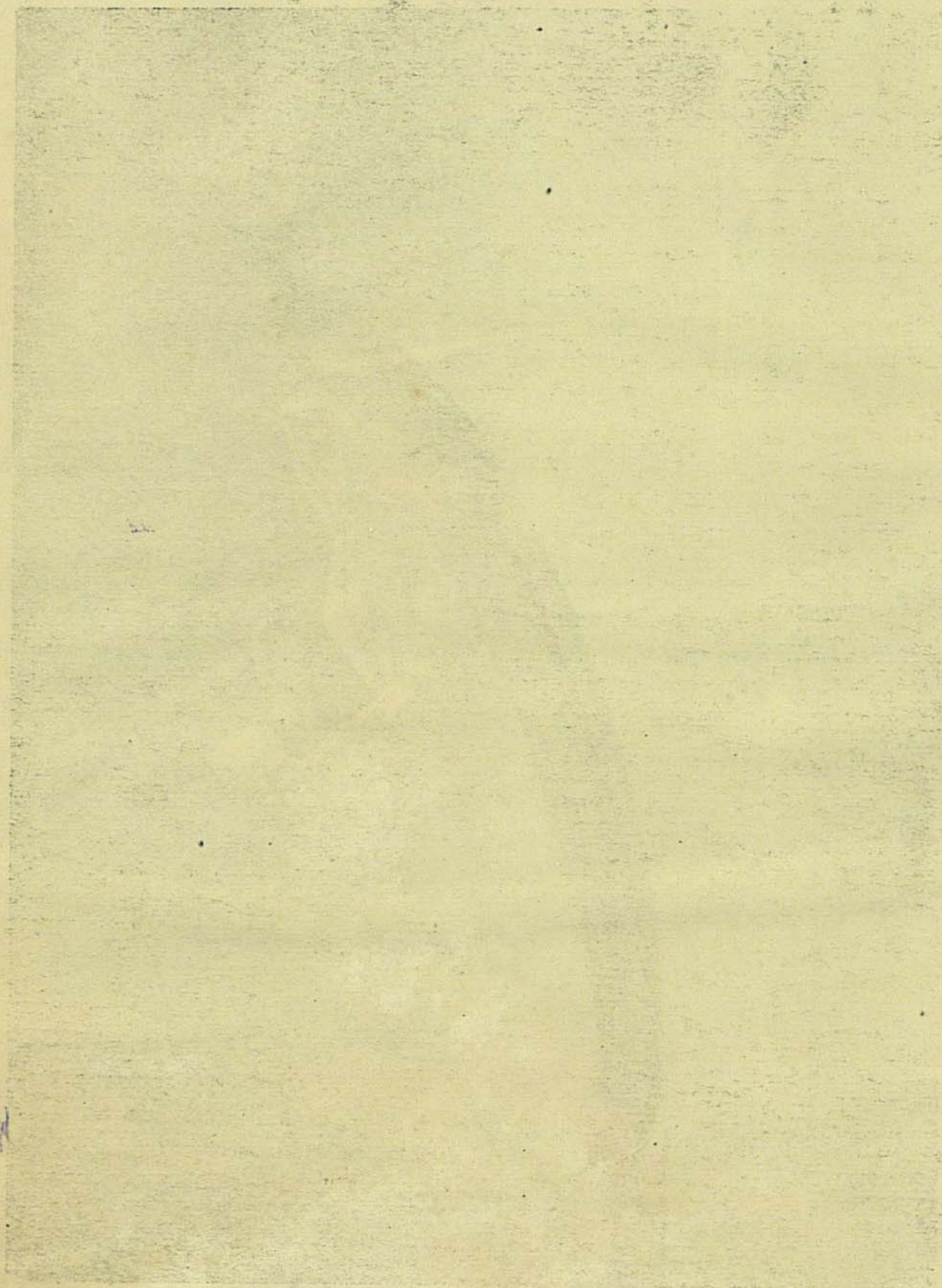
*Переплет, супер-обложка и форзац
работы художника Ю. Д. Скалдина*

Роберт Бартлетт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Роберта Бартлетта, известного полярного капитана, о судьбах экспедиции на «Карлуке» является естественным дополнением замечательной работы Вильялмура Стефанссона «Гостеприимная Арктика», выпущенной в 1935 году в русском переводе Издательством Главсевморпути.

В своей книге Стефанссон подробно рассказывает о так называемой «Канадской арктической экспедиции 1913—1918 гг.», частью которой была экспедиция на «Карлуке». История плавания этого корабля обрывается здесь в том месте, где Стефанссон теряет его из виду и оказывается вынужденным отменить свой первоначальный план и присоединиться к так называемой южной партии, которая предполагала произвести подробные научные исследования с борта двух небольших шхун около северного материкового побережья Америки.

Северный отряд должен был с помощью более сильного и крепко построенного «Карлука» направиться к «полюсу недоступности» и выполнить задания преимущественно географического характера, — среди которых главное место принадлежало решению проблемы: существует ли на пути к этому полюсу земля.

Никем непредвиденные обстоятельства превратили в ничто разработанный Стефанссоном план работ северного отряда: вместо того, чтобы идти навстречу неведомой земле, «Карлук», неожиданно подхваченный дрейфом, пошел совсем в другом направлении навстречу своей гибели, и Стефанссон и Бартлетт оказались далеко друг от друга.

Пассивный дрейф «Карлука» интересен и важен в той же степени, как интересен и важен ледовый дрейф любого ко-

рабля, с борта которого непрерывно производятся измерения глубины моря, исследования свойств воды и населяющей ее фауны и флоры.

Во время дрейфа «Карлука» были обнаружены довольно большие морские глубины, из чего следует, что так называемый склон континентальной ступени, т. е. области резкого спада уровня морского дна, приходится здесь на сравнительно невысокой широте. Многочисленные материалы, добытые экспедицией, и в том числе богатая коллекция донных животных, к сожалению, погибли вместе с судном.

Все же наука получила несомненную пользу от дрейфа «Карлука», так как он способствовал разрешению некоторых вопросов океанографии морей Бофора и Чукотского, но необходимо признать, что полученные результаты не стоят ни в каком соответствии с огромными затратами, произведенными на эту экспедицию. Бартлетт сам обращает внимание читателя на богатство и совершенство экспедиционного и научного снаряжения. Недоволен он только своим кораблем.

На первой же странице книги Бартлетт указывает, что он с самого начала предсказывал экспедиции неудачу и чуть ли не гибель. Предсказания опытного капитана сбылись: экспедиция его имела подлинно трагический конец. Но возникает вопрос: почему же Бартлетт согласился отправиться в такое рискованное плавание на корабле, который, по его мнению, не соответствовал своему назначению? Ответ прост: потому что другого корабля не было.

Еще недавно большинство полярных исследователей, несмотря на знаменитый дрейф «Фрама», считало, что нет таких кораблей, которые могли бы противиться зимнему напору льдов, и что при неблагоприятном стечении обстоятельств корабль любой конструкции и крепости будет непременно раздавлен. Бартлетт смотрел на дело несомненно так же и был готов в худшем случае потерпеть кораблекрушение, не особенно пугаясь такой перспективы, поскольку и в этом отношении он был далеко не новичком.

Читая книгу капитана Бартлетта, невольно вспоминаешь

героический поход «Челюскина». Оба судна погибли от сжатия льдов, но развязка экспедиций была различна.

Возвращение героев челюскинской эпопеи на родину — результат замечательной организованности коллектива челюскинцев и упорной борьбы всей страны за их спасение.

Этой организованности не было среди команды «Карлука», не было проявлено достаточной инициативы и при спасении людей — вот почему большинство сотрудников Канадской арктической экспедиции погибло во льдах.

В книге капитана Бартлетта мы найдем очень немного материала, важного в научном отношении, она — не более чем простой рассказ о жизни и работе участников полярной экспедиции. Автор не задался целью поставить — или тем более разрешить — какую-либо проблему изучения Арктики и дать анализ научных достижений экспедиции. Он дает прежде всего занимательную, но вместе с тем правдивую повесть — и только.

Слову, сказанному капитаном Бартлеттом, можно безусловно верить. Здесь нет прикрас. Все, что мы находим в книге о плавании и гибели «Карлука», строго соответствует истине.

Лишь по неведению допускает Бартлетт некоторые неточности в тех местах, где дело касается природы и населения Чукотского полуострова. Возникающие на этой почве недоумения разъяснены в примечаниях.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых сложных и спорных. Искусство — это не просто отражение действительности, но и ее преобразование. Оно рождается из потребности человека выразить свои чувства, мысли, переживания. Искусство — это язык, на котором человек говорит о себе и о мире. Оно имеет свою историю, свои законы, свои традиции. Искусство — это труд, требующий таланта, усилий, времени. Оно — это дар, который человек получает от жизни. Искусство — это то, что делает жизнь прекраснее, богаче, интереснее. Оно — это то, что помогает человеку понять себя и мир. Искусство — это то, что остается с нами навсегда.

ГЛАВА I

ЦЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ

Не все из нас вернулись обратно.

«Карлук», флагманское судно Канадской арктической экспедиции Вильялмура Стефанссона, вышел в море из порта Британской Колумбии Эскимо. Спустя пятнадцать месяцев таможенный катер «Медведь», который тридцать лет тому назад был одним из судов, посланных для спасения людей из экспедиции Грили,¹ оставшихся на мысе Сэбайн, доставил девятерых из нас обратно.

Вернулись девять белых из двадцати, которые с двумя эскимосами, одной эскимоской с двумя маленькими девочками и черным котом составляли население судна в тот момент, когда оно начало свой дрейф по направлению к западу, вдоль северных берегов Аляски, 23 сентября 1913 года.

События последующих пятнадцати месяцев оправдали пророчество, которое я высказал в письме к моему бостонскому другу.

— Это путешествие на северный полюс приведет к катастрофе, — писал я в день отправления из Эскимо.

В самом деле так оно и случилось, случилось по двум причинам.

---

¹ Адольф Вашингтон Грили (1844—1935) был начальником американской экспедиции в северную часть Смитова пролива, разделяющего арктический американский архипелаг и Гренландию. Здесь, в форте Конгер, Грили основал в 1881 году самую северную из тринадцати полярных станций Первого международного полярного года. Зима 1881/82 года протекала благополучно, вторая зимовка была менее благоприятной, весной 1883 года персонал покинул станцию, чтобы вернуться на родину. На этом пути Грили и его спутники подверглись ужасным опасностям и лишениям, и только немногие из них избежали смерти. Среди спасенных был Грили. Трагический конец этого предприятия в большой мере объясняется тяжелым состоянием льдов, мешавших посланным на выручку Грили кораблям — среди которых находился также упомянутый «Медведь» — проникнуть к месту зимовки.

Старинный китобоец «Карлук» не был специально приспособлен для арктических плаваний и не мог, подобно «Рузвельту»,¹ сопротивляться при сжатии льдов. Он был построен в Орегоне для ловли лососей на Алеутских островах и должен был, объезжая станции, свозить рыбу на крупные суда.

Впоследствии его перебросили на китобойную работу. Нос и борта судна были обшиты двухдюймовым австралийским твердым деревом, но «Карлук» от этого не приобрел ни силы сопротивления при сжатии льдов, ни двигательной мощности для продвижения в дрейфующих льдах.

Итак, непригодность нашего судна для арктических плаваний — первая причина катастрофы, а вторая причина — суровая зима. Зима 1913/14 года оказалась беспрецедентной в летописях Северной Аляски, она началась исключительно рано и отличалась суровостью штормов и холодов, не имевших себе равных по силе.

Но вернемся к завязке.

Весной 1913 года я приехал с тюленьей охоты в Бригус, мой старый дом в Ньюфаундленде, и застал телеграмму от Стефанссона,² приглашавшего меня примкнуть к его экспедиции и подготовить к плаванию судно «Карлук».

Я тотчас отправился в Нью-Йорк, потом на день в Оттаву для переговоров с правительством и оттуда — в Викторию.

Подготовка началась в середине мая. Работа кипела, так как необходимо было подготовиться к отплытию в июне.

Это была крупнейшая, прекрасно разработанная экспедиция. Она резко отличалась от предыдущих арктических экспедиций, снаряжавшихся с практическими, точнее с коммерческими, целями.

Собирались две партии.

Северная, под руководством Стефанссона, предполагала проверить теорию доктора Гаррисона, изложенную в «Геодези-

---

¹ Корабль знаменитого полярного исследователя Пири, находившийся под командованием капитана Бартлетта, автора этой книги.

² Вильямур Стефанссон — организатор и начальник экспедиции на «Карлуке» — принадлежит без сомнения к числу самых замечательных исследователей Арктики. Он является автором целого ряда написанных прекрасным языком книг, в которых рассказано о его многочисленных экспедициях в Арктику, о природе этой страны и о различных эпизодах из жизни эскимосов. Некоторые из этих книг переведены на русский язык. Стефанссон родился в 1879 году. В 1906—1907 годах он работал на севере Аляски. В течение следующих четырех лет он руководил экспедицией в арктическую Канаду. Едва вернувшись из этого предприятия, Стефанссон организовал новое путешествие, частью которого была экспедиция на «Карлуке».

ческом обследовании побережья Соединенных Штатов», о том, что новая земля, быть может, новый континент, должна находиться на север от моря Бофора в той части Полярного моря, которая начинается непосредственно за Северной Аляской.

— Главной работой экспедиции судна «Карлук», — говорил Стефанссон, — должно быть обследование края, расположенного на запад от архипелага Парри и, особенно, в области, лежащей на запад и северо-запад от острова Принца Патрика.¹

Южная партия на маленьких шхунах «Мэри Сакс» и «Аляска», снабженных газолиновыми моторами, должна была составить карту ранее открытых островов, на восток от реки Мэкензи, собрать коллекцию арктической флоры и фауны, обследовать каналы между островами, произвести геологические обследования берега от мыса Парри до полуострова Кэнт и острова Виктории, с севера и востока до пролива Принца Альберта, исследовать месторождения меди и изучить белых эскимосов. С ними познакомился Стефанссон в 1910 году.

Научный персонал, подобранный для экспедиции, был достаточно велик и прекрасно подготовлен. Кроме антрополога Стефанссона и зоолога доктора Андерсона штат состоял из двадцати специалистов. Канадское Геологическое Управление предоставило нашей экспедиции: Георга Маллоха, эксперта по угольным месторождениям и стратиграфии, получившего ученую степень в Яле, геолога Ж. Ж. О'Нейля, специалиста по меди, Кэннета Шипмана и Ж. Р. Кокса, — двух искусных топографов. Для изучения течений океана, приливов и отливов и сокровищ, которые могли быть подняты со дна океана, с нами ехал Джемс Меррей из Глазго — океанограф, работавший много лет с Джоном Меррей, известным мировым авторитетом среди знатоков океана. Меррей участвовал в антарктической экспедиции Эрнста Шеклтона² и работал в качестве биолога в экспедиции по исследованию южно-американской Колумбии. Для изучения рыбных богатств Северного Ледовитого океана был приглашен Фриц Йогансон, работав-

¹ См. прилагаемую карту.

² Эрнст Шеклтон (1871—1922) — известный исследователь Антарктики. В 1901—1904 годах он принимал участие в экспедиции Роберта Скотта на судне «Дисковери». В 1907—1909 годах он был начальником экспедиции, поставившей себе целью достижение Южного полюса. Он не дошел до полюса только на полтора градуса и открыл местонахождение южного магнитного полюса.

ний, как морской зоолог, вместе с Миллиусом Эриксоном в восточной Гренландии и выполнивший большую работу для департамента земледелия в Вашингтоне. Специалистом по лесу был Бьерне Мэмэн, из Христиании,¹ принимавший участие в плавании к Шпицбергену и проводивший работы в лесных районах Британской Колумбии. Так как изучение эскимосов было одной из главных целей экспедиции, у нас, естественно, кроме Стефанссона, работали еще два антрополога, — Генри Бэша из Парижа и Д. Дженнесс, оксфордский воспитанник, уроженец Новой Зеландии. Магнитологом был Виллиам Мак-Кинлей, воспитанник Глазговского университета, работавший в Канадской метеорологической обсерватории в Торонто. Фотографом — Жорж Уилкинс, новозеландец, работавший еще на Балканской войне, где он в совершенстве овладел фотоискусством. Кроме фотографического аппарата, у него был еще аппарат для киносъемок. Медицинской частью экспедиции ведал доктор Алистар Форбэс Мэккей, который по окончании Эдинбургского университета служил в британском флоте и так же, как Меррей, сопровождал Шеклтона в Антарктику. Пять из этих двенадцати человек отдали во имя науки свою жизнь.

Команда состояла из следующих лиц: Р. А. Бартлетт — капитан, Александр Андерсон — ст. помощник, Чарльс Баркер — ревизор, Джон Монро — старший механик, Роберт Виллиамсон — второй механик, Роберт Темпелманн — главный повар, Эрнест Чэф — официант, Джон Брэдди, С. Стенлей Морис, А. Кинг и Х. Виллиамс — опытные моряки и Ф. В. Морер и Г. Брэдди — пожарные.

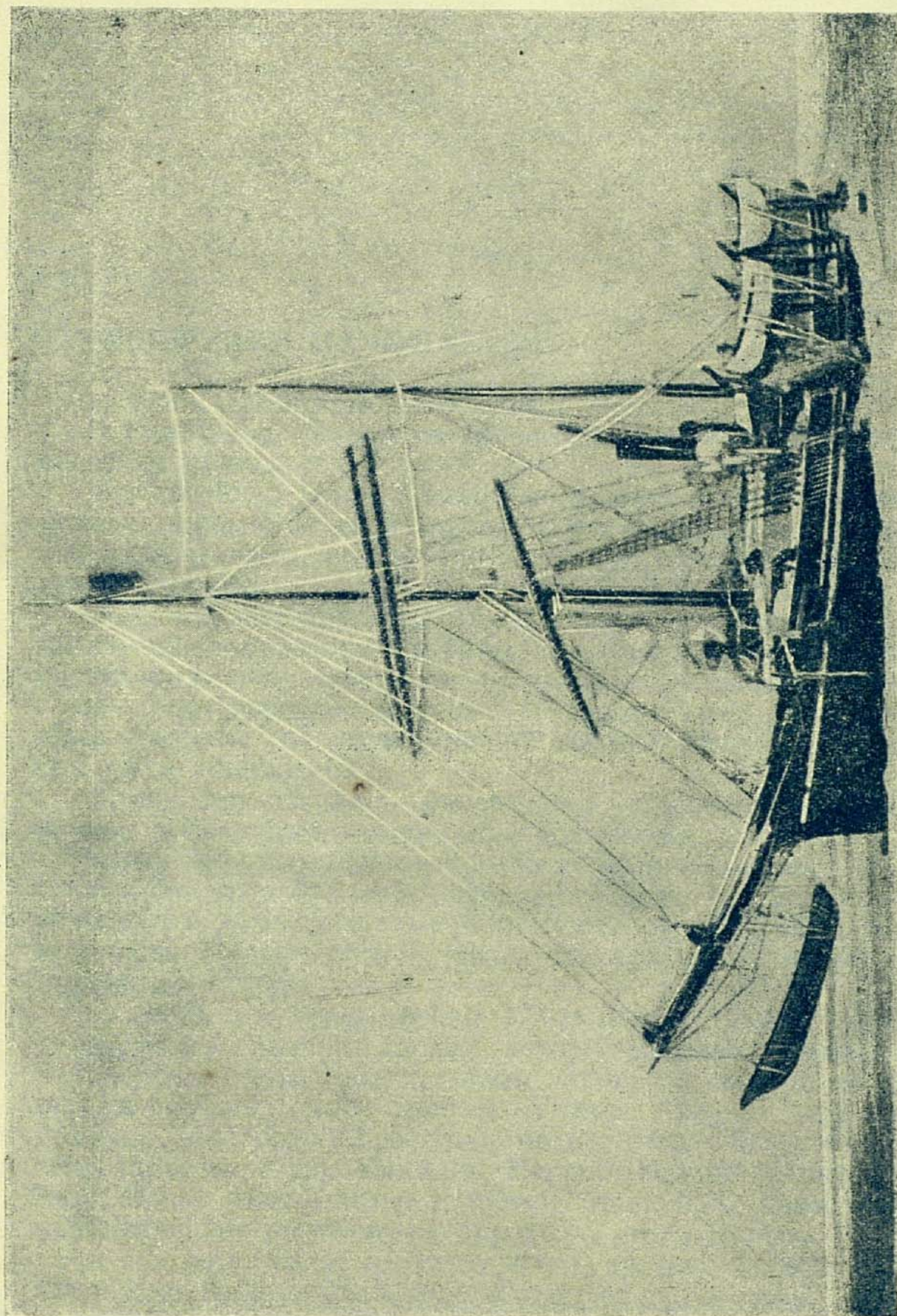
Шестеро из них — отправились в свое последнее путешествие.

Еще один член команды, Джон Хэдлей, присоединился к нам в Аляске. Он был принят плотником.

16 июня мы снарядили «Карлук» и приготовились к отплытию из порта Эскимо. Перед отплытием были сняты официальные фотографии и дан завтрак в Виктории, где сэр Ричард Мак-Брай, премьер Британской Колумбии, от имени населения штата преподнес Стефанссону изящно выгравированное серебряное блюдо. С ответной речью выступили Стефанссон, доктор Андерсон и я. Позднее городской голова и члены городского управления посетили «Карлук» и преподнесли нам флаги, которые должны были развеяться над вновь открытыми землями.

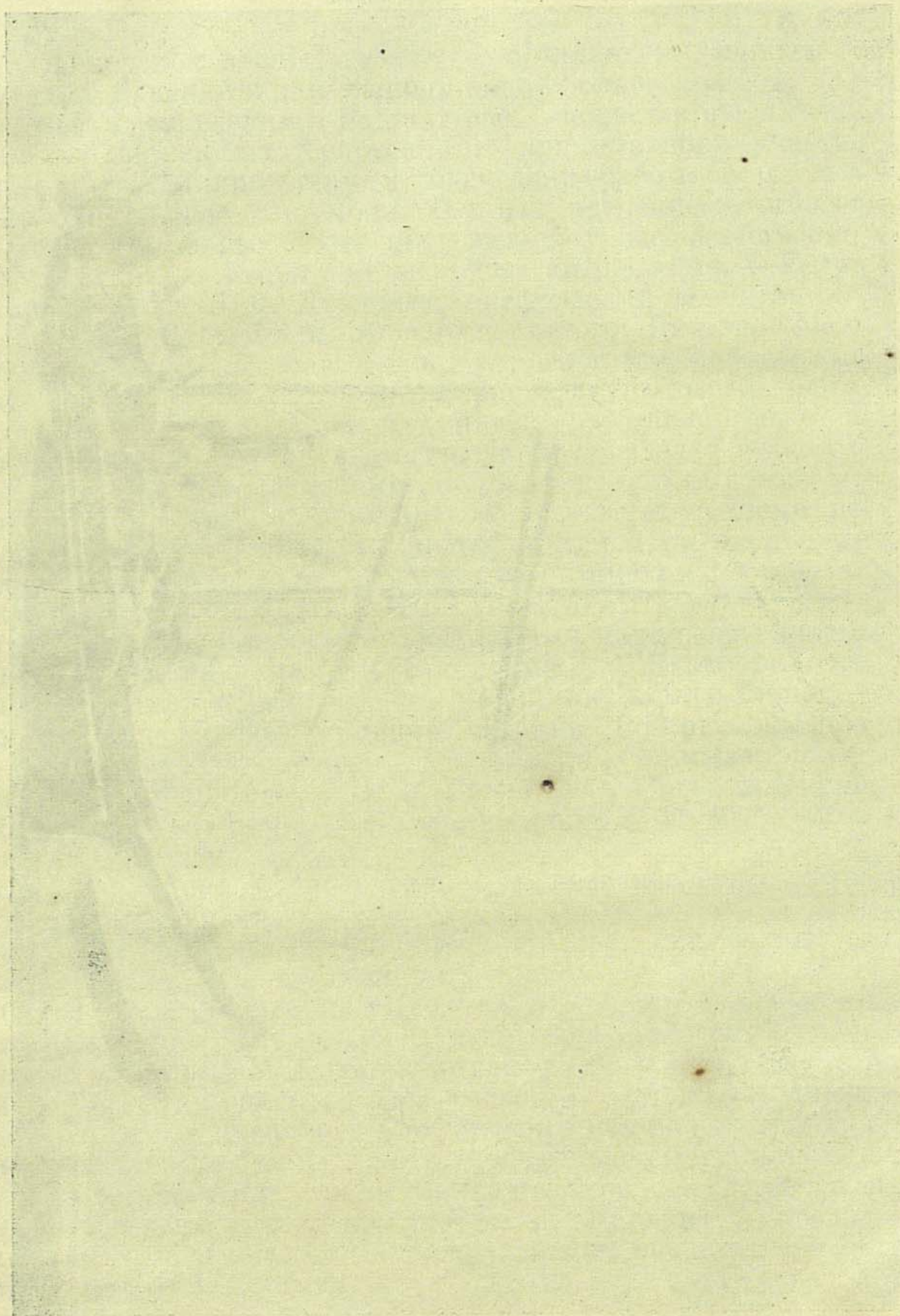
¹ Христиания — нынешнее Осло, столица Норвегии.

«Карлук» во льдах

ГЛАВА II

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

17 июня мы вышли из Эскимо в Ном.

Я никогда не бывал на побережье Аляски и наслаждался прекрасным видом.

Мы достигли Номы 7 июля, погрузили продовольственные запасы, прибывшие на почтовом судне «Виктория» из Сиеттла, и оставили часть груза для двух других судов нашего маленького флота.

13 июля, под прощальный салют стоявшего в порту «Медведя», мы направились в Порт Кларенс, куда и прибыли на следующий день. Здесь мы принялись за работу по подготовке к путешествию в Полярное море. Развели пары, проверили машины, набрали пресной воды и привели в порядок склады и снаряжение.

Стояла чрезвычайно изменчивая погода — временами хорошая, а временами ветреная и дождливая.

Часть научных работников была отправлена на берег. Они запасались травой для подстилки в сапоги. В Арктике сапоги из оленьей кожи необходимо устилать сухой травой, так как при путешествии по льду трава хорошо предохраняет от отмораживания ног.

27 июля мы были готовы к отплытию. Сделав кой-какие починки на судне «Аляска», которое прибыло с опозданием, в три часа утра мы подняли якорь и в сопровождении шхуны «Мэри Сакс» вышли в море. Кроме офицеров и команды, на борту «Карлука» находились: Стефанссон и его секретарь, Барт Мак-Коннель, Меррей, Мэмэн, Маллох, Дженнесс, Бэша, Мак-Кинлей и доктор Мэккей. С нами был еще один калор, но он покинул пароход у мыса Барроу.

В полдень, на траверсе города Тин, мы увидели приближающуюся лодку. Она плыла в миле от нас и старалась сигналами обратить на себя внимание. Мы изменили курс, чтобы

встретить лодку, и, поравнявшись, узнали, что она доставила депешу, переданную Стефанссону по телефону из Теллера в Тин. Депешу прислал летчик Фоулер, который находился со своим аэропланом в Теллере, и просил разрешения поместить машину на борт «Карлука». Вся наша палуба была завалена саями, мешками угля, оборудованием, и здесь же находились собаки, так что Стефанссон не смог удовлетворить просьбу летчика.

Около двух часов пополудни мы заметили с правой стороны мыс Принца Уэльского и переменили курс, чтобы обогнуть мель. Дул сильный западный ветер. В это время «Мэри Сакс» начала скрываться на горизонте за кормой, и мы вернулись посмотреть, все ли там благополучно. Когда наша маленькая флотилия покинула Порт Кларенс, механик, работавший на шхуне «Мэри Сакс», заболел, и временно мы поместили на шхуну нашего инженера Вилькинса.

Когда мы подошли к шхуне так близко, что могли обменяться несколькими фразами, мы узнали, что механик чувствовал себя достаточно хорошо и мог исполнять свои обязанности. Мы спустили лодку и переправили Вилькинса обратно на «Карлук».

Имея «Сакс» ближе к берегу, мы продолжали наш путь. Ветер усилился, переменив направление на северо-западное, и заставил вести судно правым галсом, по направлению к Сибирскому побережью.

Мы шли этим курсом весь день и далеко за полночь.

Потом ветер снова резко изменил направление на запад, и море стихло, но туман затянул горизонт.

28 июля в 14 часов испортилось рулевое управление. К счастью, мы скоро его отремонтировали и в 20 часов, взяв рифы, направились к американскому побережью.

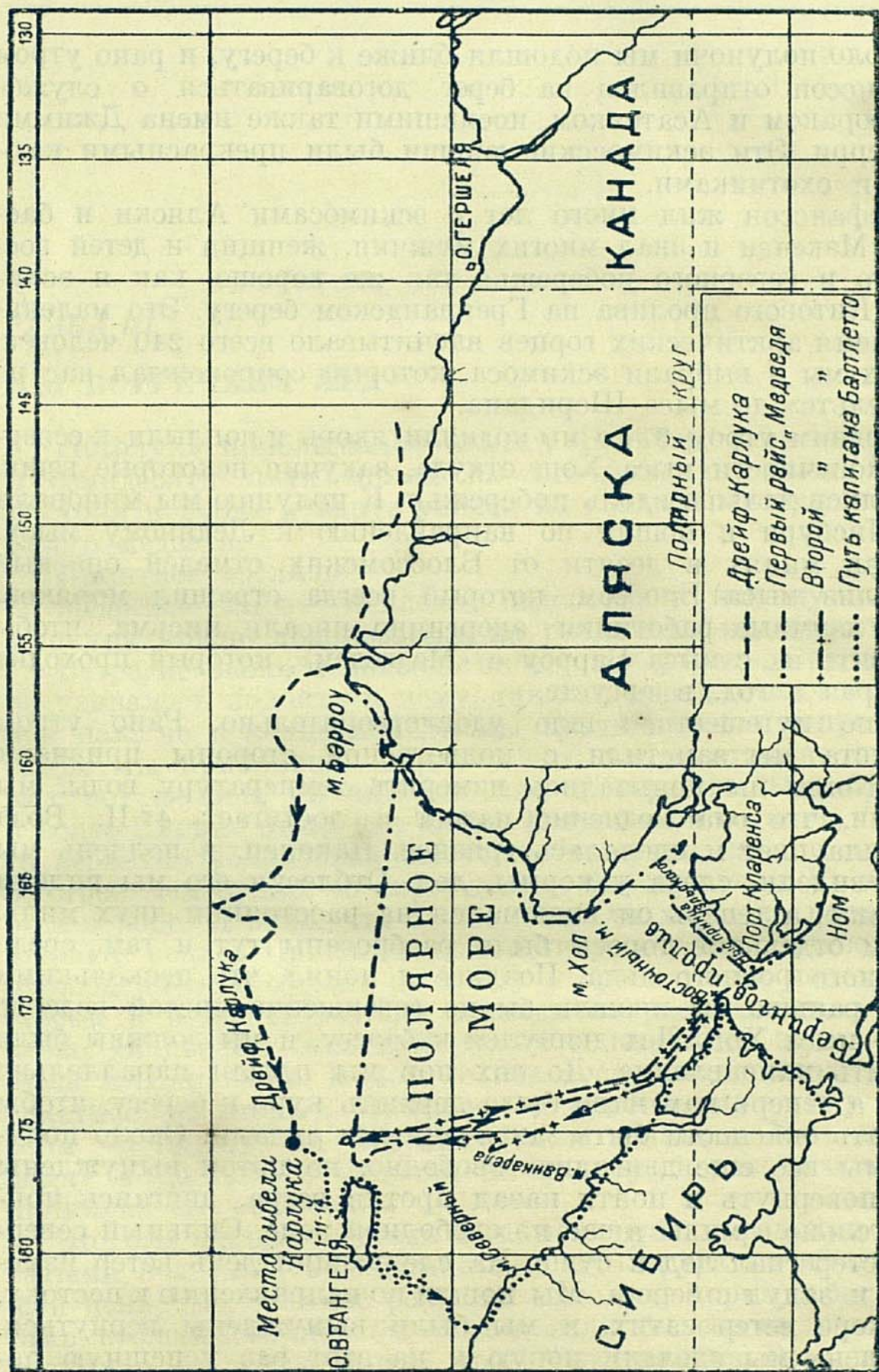
Попрежнему низко свисал тяжелый туман, но кое-где прорезывались блики солнца. Мы проходили пролив Беринга, пересекая Полярный круг, и жили при непрерывном дневном свете.

В 4 часа 30 июля туман начал подниматься. К 11 часам снова установилась ясная погода. Мы шли близ мыса Томсона и направлялись к мысу Хоп.

В 20 часов у мыса Хоп близ эскимосской деревни был брошен якорь.

В байдарках и китобойных лодках нас выехали встречать эскимосы. Они хотели продать собак, лодки, меха и тюленьи кожи.

Дрейф «Карлука»

Около полуночи мы подошли ближе к берегу, и рано утром Стефанссон отправился на берег договариваться о службе с Пайюраком и Асатсяком, носившими также имена Джимми и Джерри. Эти эскимосские юноши были прекрасными каюрами и охотниками.

Стефанссон жил много лет с эскимосами Аляски и бассейна Мэкензи и знал многих мужчин, женщин и детей восточного и северного побережья так же хорошо, как я эскимосов Китового пролива на Гренландском берегу. Это маленькое племя арктических горцев насчитывало всего 240 человек. Из них мы и выбрали эскимоса, который сопровождал нас на «Рузвельте» до мыса Шеридана.

Поздним утром 31-го мы подняли якорь и поплыли к северной оконечности мыса Хоп, откуда, закупив некоторые вещи, двинулись дальше вдоль побережья. К полудню мы миновали мыс Лисбурн и пошли по направлению к Ледяному мысу, миновав милях в десяти от Блоссомских отмелей опасный риф близ мыса Блоссом, который всегда страшил моряков. Наши научные работники энергично писали письма, чтобы отправить их с мыса Барроу с «Медведем», который проходит здесь раз в год, в августе.

Наше путешествие шло удовлетворительно. Рано утром 1 августа мы заметили с подветренной стороны признаки льда. Когда мы попытались измерить температуру воды, мы увидели, что она медленно падает и достигает 4° Ц. Вода изменила цвет и сделалась грязнее. Наконец, в полдень мы ясно увидели, слева у кормы, лед. Отблески его мы видели и раньше, а теперь он вздымался на расстоянии двух миль, причем отдельные торосы были разбросаны тут и там, среди сплошного ровного льда. Позднее я понял, что несколькими днями раньше мы прошли бы по совершенно чистой воде до самого мыса Хоп. Лед двинулся к берегу, и мы должны были изменить направление. До сих пор мы плыли параллельно земле, а теперь нам надо было держать курс к берегу, чтобы избежать опасности быть захваченными льдами. Около полуночи мы все еще двигались свободно, но потом вынуждены были повернуть и пойти назад против ветра, двигаясь приблизительно с милею в час по свободной воде. Сильный северный ветер гнал лед к суше. На следующий день ветер изменился и задул с берега. Мы пошли по направлению к востоку, но вскоре ветер зatih, и мы были вынуждены вернуться. В полдень мы сделали новую и на этот раз успешную попытку. Постепенно мы приближались к мысу Барроу.

ГЛАВА III

МЫ ВСТРЕЧАЕМ ЛЕД

«Карлук» приближался к мысу Бельчер, расположенному в семидесяти пяти милях на юго-запад от мыса Барроу. Я стоял в рубке и вдруг увидел на гладкой пловучей льдине белого медведя.

Приятное зрелище!

Медвежье мясо — неплохое подспорье к нашему питанию, а шкуру можно использовать на различные надобности.

Ветра не было, и медведь не мог нас учуять. Сначала нам не удавалось подойти к нему, так как перед ним был сплошной пак, но в конце концов мы взяли нужное направление. Когда мы приблизились к медведю на расстояние нескольких сот метров, он заметил нас и стремительно бросился в воду. Именно этого я и хотел. Если бы он остался на льду, то вероятно испробовал бы убежать, и так как он двигался быстрее, чем судно, то ему удалось бы скрыться. Но медведь был в воде. Я знал, что белые медведи хорошие пловцы, но ныряют редко. Приказав помощнику держать медведя под наблюдением, я сбегал по трапу и бросился на нос с винчестером в руке. Несколько человек из экспедиции, услышав слово «медведь», схватили ружья и кинулись за мной. Все были взволнованы. В начале казалось, что медведю удастся спастись, но вторым выстрелом я пробил ему спину, а третьим — голову. Он опрокинулся и всплыл. Мы спустили лодку и доставили медведя на палубу, после чего эскимос принялся его свежевать.

Это был старый медведь в летней шубе, с редкими желтоватыми волосами, вследствие чего его шкура не имела большой ценности. Эскимос разрезал мясо для корма собакам. Мы сами воспользовались бы мясом, если бы совсем недавно не получили большого запаса продовольствия из Нома и Порта Кларенс.

Итак, мясо старого медведя съели собаки, а его шкура имела более длинную историю.

Эскимос натянул ее на раму и повесил на такелаж. Ветер и солнце высушили шкуру. Из ее мягких частей я сшил пару штанов, а из остатков был сделан спальный мешок, в котором я проводил ночи на льду после кораблекрушения, пока не попал на Сибирское побережье. Там я променял мешок на шкуру оленя. Позднее штаны я подарил Маллоку, одному туземцу с мыса Восточного.

В Арктике шкуру белого медведя считают лучшим материалом для спальных мешков: из шкуры молодого медведя шьют штаны, которые носят очень долго, несмотря на расчесывание и выколачивание снега, который прилипает при дневных переходах.

Прошло некоторое время, и я увидел с мачты второго медведя, но мы были далеко от него и двигались довольно быстро, так что я решил оставить его в покое. Здесь же мы видели моржа, который спал на льду.

3 августа ветер снова переменял направление на юго-западное, гнал лед к берегу и усилил его сжатие настолько, что судно не могло двигаться. Мы находились, приблизительно, на расстоянии четырех миль от островов Сихорс. Здесь мы встретили восточное течение, идущее параллельно берегу, и начали дрейфовать в этом направлении. В 11 часов мы были на расстоянии двух миль от берега и двадцати пяти миль от мыса Барроу.

Ранее присутствие льда на этом побережье убеждало нас в том, что плавание на остров Гершель будет не безопасным, что заставляло нас беречь каждый час. Стефанссон решил выйти на берег и проделать путь до мыса Барроу пешком, чтобы достать для нас меховые шкуры. В 11 часов, захватив доктора, двух эскимосов и собачью упряжку, Стефанссон отправился по льду на берег.

Стояло лето. На суше не было ни снега, ни льда. Прошав ночь при непрерывном августовском свете, Стефанссон и доктор достигли мыса Барроу. Эскимосы с собачьей упряжкой вернулись после полудня.

Шестого, дрейфуя миль пять в день и временами освобождаясь от льдов, мы добрались до места, находившегося на расстоянии мили от мыса Барроу.

В полночь вернулся Стефанссон.

С ним пришли эскимосы, оставшиеся работать на судне.

В состав новых сотрудников нашей экспедиции вошли Кердрилло или Курралук, человек лет тридцати пяти, его жена — Керрук и две девочки. Мы звали их Еленой и малюткой Мугпи. Елене было семь лет, а малютке несколько больше одного года. Кроме этой семьи в нашем кругу появился эскимос Катактовик, молодой человек лет 18. Он успел овдоветь и ехал с маленькой дочкой. Последним был Джон Хэдлей, старик лет пятидесяти—шестидесяти, который пришел один. Мистер Хэдлей долгое время работал на китобойной станции Чарльса Броэра, владельца складов на мысе Барроу, и должен был организовать на Земле Бэнкса торговый пункт по скупке песцовых шкур у эскимосов. Мы шли по направлению к острову Гершель, и Хэдлей имел, таким образом, возможность прибыть на место назначения. С острова Гершель он мог попасть на «Мэри Сакс» или «Аляску» и отправиться с южной партией на Землю Бэнкса. Но мистеру Хэдлей не удалось добраться до Земли Бэнкса. Он был принят на судно плотником и оказал большую помощь экспедиции.

На мысе Смита белый каюр, сопровождавший нас от Порты Кларенс, попросил освободить его от работы и вернулся на берег. С ним мы отправили почту для пересылки на мыс Барроу. В результате нашей торговли с эскимосами мы приобрели три байдары, два каяка и много оленьих шкур для подошв. Эскимос Кердрилло привел трех собственных собак.

Между байдарой и каяком существует огромная разница. Первая похожа на обыкновенную весельную лодку и достаточно велика, чтобы вместить десять-двадцать человек. Каркас байдары обтягивается оленьими шкурами, сшитыми оленьими сухожилиями. Шкуры делают лодку непромокаемой. Байдара мало изнашивается.

Каяк — маленькая, заостренная с двух сторон лодочка, открытая только в одном месте, по середине, где сидит единственный пассажир. Каяком пользуются для охоты, он легок, мал, и его можно поместить на сани и везти по льду.

Рано утром 7 августа лед начал двигать нас на восток, потом мы столкнулись с юго-восточным течением и начали дрейфовать на северо-запад. Прошел день, и мы оказались в десяти милях от суши.

Мы не могли пользоваться машинами, так как перед нами стоял сплошной пак, взломанный постоянными столкновениями с прибрежными льдинами. Зажатые льдами, мы воспользовались возможностью наполнить баки пресной водой.

9-го рано утром путь очистился, и мы пошли в восточном направлении. В открытом море стоял сплошной пак, но у берега оставались свободные от льда пространства, и мы продвигались вперед. Плавание было затруднительно, так как мешали отмели, но мы все же шли по намеченному пути. 10-го, огибая льдину, мы сели на мель, но с помощью якорей и машин через два часа снялись и снова выбрались на глубокую воду. Дно было покрыто илом, и судно не получило повреждений. Теперь мы неуклонно двигались на восток. Лед угрожал попрежнему, но 11 августа мы достигли острова Креста.

Половина пути от мыса Барроу до острова Гершель была пройдена.

ГЛАВА IV

МЫ ЗАМЕРЗАЕМ

В этом году, следуя по прямому направлению, достигнуть новой земли на севере было невозможно. Хорошо, если нам посчастливится, и мы успеем пройти до острова Гершель, прежде чем лед прочно скует море. Это поняли все.

В полдень 11-го нам удалось достичь наиболее восточной точки. Мы пришли к Лионскому рифу и пришвартовались к льдине, чтобы проверить — можно ли продолжать дальнейшее продвижение на восток между Лионским рифом и материком. В нескольких милях от нас проходило течение, которое медленно двигало лед в различных направлениях. «Карлук» сидел слишком глубоко, и мы не могли решиться пойти по таким опасным путям, предварительно их не обследовав.

Я воспользовался остановкой, чтобы проверить состояние судна, и увидел, что под напором льда с форштевня исчезла медная обшивка и ослабли болты.

Во время нашей стоянки во льду океанограф Меррей решил опустить драгу. Он занимался драгированием все время, даже когда мы стояли у Блоссомских отмелей.

Драга напоминала прямоугольную раму с размерами два фута на три. Она была сделана из железных прутьев, сваренных по углам. К раме привязывался мешок из бичевы, сплетенной в петли. Посредине одной стороны рамы прикреплялась веревка, и, спустившись на дно моря, рама могла сохранять правильное положение.

Подготовив драгу, Меррей подошел к поручням. Ручным линейным лотом он измерил глубину воды, потом опустил драгу, забросил веревку на спину и, шагая вдоль борта, тянул драгу за собой. Опуская драгу на 40 метров, Меррей не нуждался в помощи, а когда приходилось опускать ее на большие глубины, кому-нибудь приходилось помогать нашему океанографу.

Вряд ли когда-либо в этой части Арктики производилось драгирование. Мы выгнали большое количество образцов животных, совершенно неизвестных Меррею, среди них были кораллы, которых мы не рассчитывали найти в этих местах.

Во время нашей стоянки у Лионского рифа я выслал лодку, чтобы лотом измерить глубину моря. Результат был настолько благоприятен, что утром 12 августа мы снова тронулись в путь в дрейфующих льдах, по возможности придерживаясь береговой полосы. Лед двигался по направлению и со скоростью ветра. Северо-западный ветер прибавал лед к берегу, но вскоре ветер изменил направление на юго-западное и отбросил лед к северо-востоку — за риф. Мы продвигались вперед по открытой воде, и так как у берега лед был слишком плотен, нам пришлось отойти мористее дальше, чем я хотел.

Около 20 часов мы остановились у нетронутого ледяного поля. Оно очень напоминало лед, который я видел прошлым летом в заливе Мельвиля на западном гренландском побережье. Он был похож на медовые соты с водяными дырами. Толщина льда не превышала 30 см. «Рузвельт» мог бы свободно прорезать этот лед, но «Карлук» здесь был бессилен.

Теперь мы прошли полпути по проливу Кэмден и находились пятнадцатью милями южнее Мэннинг-пост, приблизительно там, где Коллинсон провел зиму на судне «Предприятие» в 1853/54 году.¹ Мы продвинулись миль на 225 от мыса Барроу. Значительно больше половины расстояния до острова Гершель было покрыто, и мне казалось, что мы сможем пройти весь путь. Но события показали, что это была наша крайняя восточная точка. На следующий день за кормой закрылась чистая вода, лед сомкнулся вокруг нас и крепко сковал корабль. Ветер отсутствовал, и лед не двигался.

Через сутки условия не изменились. Мы попытались продвинуться к суше, но потерпели неудачу.

Оставалось одно только — ждать.

Несколько дней не наблюдалось заметной перемены ни в погоде, ни в нашем положении. Наконец, 18-го разыгралась

¹ Капитан Коллинсон был начальником одной из так называемых «Франклиновских экспедиций». Отправившись через Берингов пролив в 1850 году на поиски знаменитой экспедиции Джона Франклина, он не добился успеха. В 1853 году он возвращался из своего неудачного и трудного путешествия обратно к Берингову проливу. Все на корабле были уверены, что еще в текущем году вернутся на родину, но в море Бофора «Предприятие» встретило неожиданно тяжелые льды, и кораблю пришлось укрыться в заливе Кэмден. Здесь Коллинсон провел свою последнюю зимовку.

сильнейшая пурга. Снег распростер покрывало, а холод сцементировал лед так, что судно и льдина стали почти нераздельными частями. По окончании пурги погода стояла изумительно тихая, но такая туманная и темная, что несколько дней мы не видели берега. Наконец, 21-го наступил великолепный, ясный день, и приблизительно в тридцати милях южнее нашей стоянки мы увидели снежные вершины Романцовских и Франклинских гор, самую северную цепь скалистого хребта континента.

До 21 августа положение судна не менялось. Легкий северный ветер отодвинул льды и перетащил нас на несколько миль к западу.

На следующий день налетел с востока сильный снежный шторм, и ветер продвинул нас еще немного на запад. Много дней бушевал ветер. Мы продвигались к западу параллельно суше на расстоянии 6—7 миль от берега со скоростью одного узла. Временами мы видели чистую воду. Насколько можно было судить с того места, где мы находились, близ суши была также чистая вода.

Здесь ни одно судно не выдержит трудности пути, в каком бы направлении оно ни шло. К сожалению лед вокруг корабля был настолько мощен, что даже употребив весь наш динамит, мы пробили бы брешь лишь в четверть мили. Такой эксперимент был совершенно бесполезен.

22 августа Стефанссон решил послать Бэша и Дженнесса на берег, чтобы встретить южную часть экспедиции. Кроме двух антропологов, Мак-Кинлей и Уилкинс также могли считаться пассажирами на «Карлуке», но их аппараты были слишком тяжелы для благополучной переправы по очень слабому и неустойчивому льду.

Все занялись подготовкой к путешествию Дженнесса и Бэша. Лед однако был ненадежен, и только 29 августа в 11 часов Бэша и Дженнесс на собачьих нартах отправились на берег. Их сопровождала вспомогательная партия, состоявшая из Уилкинса, Мак-Коннеля, доктора и трех эскимосов. Последние везли на санях байдару, на которой Бэша и Дженнесс могли перебраться на остров Гершель, где рассчитывали получить большое количество продовольствия, независимо от того, удастся ли встретить «Аляску» или «Сакс». Едва партия прошла милю, как сани натолкнулись на торосистые льды, и байдара получила повреждение. Когда Стефанссон был извещен об этом, он приказал всей партии вернуться на корабль.

ГЛАВА V

МЫ НАЧИНАЕМ ДРЕЙФОВАТЬ НА ЗАПАД

Зима наступила неожиданно.

Раньше мы надеялись попасть на остров Гершель, но теперь, когда нам пришлось плыть довольно значительное расстояние в обратном направлении, стало очевидным, что вряд ли мы пройдем остальную часть пути до вскрытия льда, т. е. до следующего лета.

Раннее наступление зимы отложило разрешение задач нашей экспедиции на год и заставило подумать о заготовке мяса к зиме для тридцати одного человека и собак, находившихся на борту «Карлука». Отсутствие свежего мяса грозило цынгой, которой болели многие исследователи Арктики. Последним экспедициям, особенно под руководством Пири,¹ удалось предотвратить заболевание хорошо организованной охотой на местную дичь.

Наши эскимосы проделывали систематические вылазки к полыньям, чтобы пострелять тюленей, но их охота редко бывала удачной, так как тюлени в этих местах были большой редкостью. Случайно при перелете птиц через чистую воду на юг, на зимовку, нам удалось поохотиться на уток.

Во вторник, 11 сентября, Уилкинс, Мэмэн и я отправились на охоту. Перетащив на санях лодку, мы остановились на краю прогалины, заварили чай, слегка позавтракали, после чего занялись поисками уток. Мы тихо гребли, медленно двигаясь вперед по прогалине, и вдруг увидели несколько тюленей и выстрелили в одного из них, но он успел скрыться в воде.

---

¹ Роберт Пири родился в 1856 году. Уже в 1886 году он сделал попытку проникнуть через льды, покрывавшие Гренландию. В 1891 году он исследовал северное побережье Гренландии и доказал, что она — остров. В 1898 году Пири сделал первую попытку добраться до полюса, но достиг только $84^{\circ}14'27''$. В 1905 г. он повторил попытку и на этот раз достиг $80^{\circ}6'$. В 1909 году Пири открыл Северный полюс. Участником двух последних экспедиций был капитан Бартлетт.

Руководители и научный персонал перед отплытием из Номы

FROM AN EXAMINATION OF THE MANUSCRIPTS OF THE

Вскоре мы увидели птиц, летавших вдоль прибрежной кромки льда.

Я спрятался за естественным заграждением из торосистого льда, а Мэмэн и Уилкинс тихо поплыли к концу прогалины. По пути они встретили вновь образовавшийся лед и, продвигаясь вперед, разбивали его веслами. В конце прогалины оказалось большое количество птиц, но треск льда так встревожил их, что наши охотники решили повернуть обратно. Приближаясь ко мне, они подобрали несколько уток, которых я успел подстрелить.

Постепенно ветер изменился, воду начало сковывать, и тонкий лед превратился в маленькие льдинки, так что нам пришлось поторопиться, чтобы не быть захваченными льдами. Стоял великолепный, солнечный день, и поверхность воды была так чиста и гладка, что в прогалине отражались снасти «Карлука», стоявшего на расстоянии двух миль от нас. В этот день был красный закат, и белый лед казался розовым кварцем.

Вернувшись на судно, мы узнали, что многие члены экспедиции тоже занимались охотой. На палубе лежало пятьдесят уток. Первый день охоты увенчался успехом.

Во время этого путешествия я впервые понял преимущество норвежских лыж. Уроженец Норвегии, Мэмэн был знаменитым лыжником и получил множество призов. Я знал, что Нансен, плававший на «Фраме» на Дальний Север и Землю Франца-Иосифа, и Амундсен во время путешествия на Южный полюс ходили на норвежских лыжах. Мы с Пири пользовались маленькими лыжами, и я ни разу не надевал норвежских. Мэмэн убедил меня испытать норвежские лыжи, и я пришел к заключению, что они весьма удобны. Недалеко от корабля мы устроили из обломков льда лыжную гору, покрыли ее снегом и облили водой. Она замерзла, и поверхность горы сделалась очень гладкой. Здесь мы учились ходить на норвежских лыжах, и Мэмэн показал мне, как делать телемарковские прыжки.

15-го мы снова вышли на охоту, увидели уток, но образовавшийся в прогалинах лед мешал к ним подойти. Отколов большую льдину, мы стали на нее и как на пароме, отталкиваясь лыжами, добрались к птицам.

Соленая вода не замерзает так быстро, как пресная, но лед из соленой воды значительно эластичнее и не так ломок; он трещит и прогибается под тяжестью, но держит вас, в то время как лед из пресной воды легко может проломиться.

Наши охоты часто повторялись. Иногда лед бывал очень торосистый, и мы с трудом пробирались в нем. Однажды торосистость льда была так велика, что мы не могли продвигаться вперед и решили вернуться и спустить лодку. Эти переезды заняли не мало времени, и, подойдя к полынье, мы обнаружили, что чайки съели убитых нами уток.

Все это время мы поддерживали обычный судовой режим. Сумерки начинались тотчас после полудня, и, с 17 сентября, в 18 часов, во время ужина, нам приходилось уже зажигать лампу. 14-го мы поставили в каюте печку. Дни стояли холодные, машинное отделение и кухня не согревали кают, но во время наших лыжных вылазок мы все еще ходили в резиновых сапогах, свитерах и рабочих брюках.

ГЛАВА VI

ОТЪЕЗД СТЕФАНССОНА

Погода стояла спокойная.

Судно оставалось неподвижным, так как лед не подавал признаков движения.

Эскимосы возвращались с тюленьей охоты с большой добычей и пополняли запасы свежего мяса, которое хранили в естественном холодильнике — в яме, выбитой во льду, недалеко от корабля.

— Очевидно, «Карлук» прочно стал на зиму, — говорили все, и Стефанссон решил заняться заготовкой дичи.

Этот вопрос обсуждался 18 сентября. Среди эскимосов только Кердрилло имел небольшой опыт в охоте на оленей и хорошо знал страну, лежавшую позади нас. Я убил немало канадских оленей на земле Гранта¹ и в Ньюфаундленде, вследствие чего также вызвался пойти на промысел, но только Стефанссон в совершенстве знал и охоту на канадских оленей и лежащую перед нами страну.

В 1908—1909 годах вдоль побережья от мыса Халькетт до острова Флаксман он охотился на канадских оленей и познакомился не только с охотничьими местами и западнями эскимосов, но и с каждым эскимосом в отдельности. Кроме того Стефанссон мог договориться с несколькими эскимосскими семьями об участии в нашей экспедиции. Нам нужны были мужчины-охотники и женщины, которые сумеют шить одежду для судовой команды. Стефанссон слышал на мысе Барроу, что вдоль берега Гаррисонова залива плавают две китовые туши, являющиеся прекрасной пищей для наших собак.

— Погода благоприятная. Пора двинуться на берег, — говорил он и решил 20-го отправиться в путь.

В то время мы стояли близ устья реки Колвиль.

---

¹ Земля Гранта — наиболее северный из островов американского Арктического архипелага.

20-го я встал рано утром и собрал вещи для отправки партии на берег. Кроме Стефанссона ехали Дженнесс, Мак-Коннелль и Уилкинс и два эскимоса с мыса Хоп — Джимми и Джерри. Эта маленькая экспедиция захватила две пары саней и 12 собак, две непромокаемые палатки, печку с трубой, два топора, дюжину свечей, четыре галлона спирта, ящик галет, шесть жестянок прессованных чайных таблеток, десять фунтов сахара, запас спичек, три спальных мешка, спальную одежду из овечьей шкуры, два куска парусины для палаток, десять фунтов сала, сто двадцать фунтов рыбы, двадцать фунтов риса, ящик мясных консервов, пять фунтов соли, ящик пеммикана (у нас было два сорта пеммикана, один для людей, другой для собак, оба очень питательные), пятнадцать фунтов шоколада, ящик печенья, винтовку и охотничье ружье со всеми принадлежностями, шесть тюленьих поплавков и походную кухню.

Мы позавтракали вместе, как всегда. Стефанссон собирался вернуться обратно дней через десять, и не было причины предполагать, что корабль не останется на том месте, где он находился, до тех пор, пока лето не взломает лед и не освободит его.

Прежде чем тронуться в путь, Стефанссон оставил мне следующее инструктивное письмо:

Капитану судна «Карлук»

20 сентября 1913 года

Многоуважаемый капитан Бартлетт.

В предпринимаемом мною путешествии, ради которого я покидаю «Карлук», я предполагаю достигнуть суши с западной стороны острова Джонса. Если лед достаточно крепок, я проберусь к острову Бичи, с тем, чтобы поохотиться на канадских оленей, и потом направлюсь к устью реки Иткулик, известной эскимосам под названием Иткильпэ, чтобы выяснить, можно ли получить рыбу у туземцев. Если «Карлук» за время нашего отсутствия сдвинется с занимаемого им места, будет хорошо, если вы, как только судно остановится вновь и будет безопасно выслать партию на берег, установите два или три маяка, которые будут сигнализировать о месте пребывания судна. Если судно пойдет на восток, маяки должны быть установлены на ближайших островах, если на запад, то на мысах Халькетт, Пит или Симсон, для того чтобы возвращающейся с берега партии или охотникам, застигнутым непогодой вдали от корабля, облегчить нахождение судна.

в тумане или снежной буре. Хорошо было бы установить четыре ряда маяков в четырех основных направлениях, по возможности на далеких расстояниях от корабля. Нужно устроить так, чтобы маяки указывали, в каком направлении находится судно от каждого из них. Маяки эти не должны быть велики, но расставить их надо не более чем в ста метрах от судна, на случай пурги. Флаги или иные развевающиеся предметы не могут быть использованы, так как они пугают медведей. В дни, когда будет дуть береговой ветер, было бы желательно, чтобы доктор Мэккей протянул лотлинии в разных направлениях от корабля. С целью разведок практичнее всего выслать Маллоха или Мэмэна. Мак-Кинлей должен сопровождать их для установки магнитных станций, следуя указаниям Маллоха, который будет определять для них места. Эскимосской женщине Керрук продолжать шить обувь из оленьей кожи.

Если ничего особенного не случится, можно думать, что мы вернемся на судно через десять дней.

В. Стефанссон

20 сентября в половине второго партия Стефанссона тронулась в путь. На следующий день, выполняя распоряжение Стефанссона, мы начали готовиться к отправке Маллоха и Мэмэна. Мы сшили палатку и привели в порядок меховую одежду, в которой не было нужды до последнего времени.

Это был «табачный день» — день, когда мы выдавали по фунту табаку на человека. В те времена мы бережно относились к запасам, и «табачный день» бывал один раз в месяц.

Так как судно плотно стояло во льду, я предложил Меррею установить измеритель течений. Он отнесся доброжелательно к моему предложению и приступил к работе. Мак-Кинлей решил измерить скорость ветра и укрепил свой анемометр на вершине мачты. Провода спускались вниз и через палубу проходили в каюту Мак-Кинлея, где помещался регистратор.

ГЛАВА VII

ГОНИМЫЕ ШТОРМОМ

21 и 22 сентября стояла хмурая и облачная погода. Барометр падал, и я не удивился, когда 23 сентября ветер задул с востока со скоростью 40 миль в час. Анемометр начал энергично работать. Я заметил, что эскимос беспокоится и часто проверяет отверстие, которым мы обычно пользовались при измерении лотом движений льда. После завтрака я сам начал наблюдать за отверстием. Без четверти десять я еще не заметил дрейфа, а в десять, когда я взял в руки лот, он начал двигаться. Кердрилло и Катактовик стояли около меня. Передав лот, я спросил, что они чувствуют, и они ответили, что мы двигаемся.

Я немедленно поднял на палубу все, что мы выбросили на лед, включая сани и лодку, которой мы пользовались для охоты; нам казалось, что лед должен окончательно взломаться. К полудню пошел снег и разыгралась снежная буря.

24-го шторм немного утих, и на короткое время показалось солнце. Температура держалась умеренная, и на северо-востоке были заметны значительные пространства чистой воды. Эскимосы возобновили охоту и убили трех тюленей. Скорость течения достигла двух миль в час и усилилась к полудню, когда посвежел ветер.

На следующий день, 25 сентября, шторм снова возобновился и бушевал с прежней свирепостью. Воздух заполнился снегом. Близились дни непрерывной темноты, и теперь уже большую часть суток было темно. Ночи стояли безлунные и беззвездные, воздух потемнел от снега.

Лед ломался. Мы непрерывно слышали треск. Судно дрейфовало по сравнительно мелкой воде, и нам грозила опасность не только от больших обломков льда, но главным образом от более тяжелых пловучих льдин, которые появлялись то тут, то там с торчащими зубцами и то поднимались, то скрывались, как длинные поднятые руки, вырвавшиеся из «Тита-

ника». ¹ «Карлуку» грозила опасность быть вышвырнутым на одну из тяжелых льдин и погибнуть, как пароходу, потерпевшему крушение, или вдребезги разбиться о лед, подобно кораблю, разбитому ветром и волнами о скалу. Каждое мгновение пловучая льдина могла треснуть и раздавить судно осколками. Мы спали не раздеваясь, если вообще спали, и держали лодки с продовольствием готовыми к спуску по первому приказу.

Дрейф «Карлука» был значительно бóльшим испытанием, чем плавание «Рузвельта» через канал Кеннеди из бассейна Кэна в Полярное море. «Карлук» был менее устойчив, чем «Рузвельт», его конструкция слабей, и машины менее мощны.

Итак, лед сковал корабль, и нашей главной опасностью были его сильные сжатия.

Мы были недалеко от суши. Еще днем я заметил с мачты очертания, напоминающие мыс Фалькетт.

На следующий день шторм ослаб, условия немного улучшились, но дрейф продолжался, и по карте мы находились теперь недалеко от мыса Барроу. Эскимосы вышли на охоту и принесли трех тюленей.

В самом начале дрейфа мы подняли собак на палубу. Они сидели на цепи на расстоянии полуметра друг от друга. Мы избежали собачьих потасовок, но избавиться от лая нам не удалось. На палубе было 40 собак, и они лаяли и день и ночь беспрерывно.

Я не могу сравнить наших собак с теми, которые были у нас во время путешествий с Пири. Не знаю, — возможно, собак испортила цивилизация, но несомненно наши лучшие собаки были хуже тех, которых мы имели при путешествиях на Северный полюс. Они требовали больше пищи и не могли так хорошо бороться с усталостью, хотя были крупнее, чем собаки северной Гренландии.

Впоследствии я убедился, что собак пугает и сердит треск льда. Когда молодой лед подламывается, они, вместо того чтобы бежать врассыпную, беспорядочно толпятся, пытаясь найти защиту друг у друга, и не слушаются окриков и кнута каюра.

Вести эскимосских собак — тяжелая работа.

Эскимосы северной Гренландии впрягают собак в сани веерообразно, каждая собака имеет отдельную постромку, при-

¹ Автор вспоминает катастрофу океанского парохода «Титаник», случившуюся в 1912 году. Причиной ее было столкновение с айсбергом, а результатом — гибель нескольких сотен людей.

крепленную к саням, а аляскинские эскимосы привязывают собак гуськом с обеих сторон потяга. В обоих случаях собаки запутывают упряжку и тогда, не обращая внимания на кнут, сидят, смотрят на погонщика, точно обвиняя его в жестоком обращении с животными, жуют упряжку и, если не помешать им, быстро разрывают ее на мелкие клочья.

На «Карлуке» мы кормили собак сушеной лососиной, смешанной с рисом, овсом и индейской мукой, сваренными вместе.

Днем, пока у нас бывал пар в кипятильнике, мы варили собачью кормежку, пропуская струю пара через кишку в боченок, наполненный этой смесью; ночью, когда кипятильник остывал, собачью пицу варили в печи судовой кухни. Мы всегда давали собакам горячую пицу, достаточно хорошую даже для человека. За варкой собачьей пицы наблюдал Хэдлей. Лучшего человека для этой цели трудно было найти. Он понимал не только, как нужно кормить собак, но и как важно заботиться о них. По возможности мы держали собак на льду — им полезна некоторая свобода, но даже здесь, чтобы предупредить драки, мы сажали их на цепь.

Совершенно ошибочно думать, что в Арктике всегда одинаково холодно. Наоборот, температура резко меняется ежедневно, и из года в год эти смены становятся резче. Мы испытали исключительно раннюю и суровую зиму, но вдруг погода стала мягкой, весенней, и температура дошла до точки замерзания. Это не значит, что наступила внезапная оттепель: снег падал с перерывами и небо оставалось облачным, но ветер был не так резок, как во время нашего дальнейшего дрейфа.

Эскимоска Керрук начала шить для нас одежду. Егеровское белье¹ было запаковано в большие парусиновые мешки и находилось в таком месте, откуда их легче всего достать. Китобойные лодки мы снарядили на 8 человек каждую, а подготовленное на 20 дней продовольствие поместили на палубу, чтобы сбросить его при первой необходимости. В устроенной нами столярной мастерской Хэдлей занялся постройкой саней Пири.

Такими санями я пользовался в многочисленных путешествиях с Пири. Имея большой опыт работы в Арктике, Пири сконструировал сани, которые значительно удобнее

---

¹ Этот вид белья, рекомендованный доктором Егером, предохраняет от простудных заболеваний и, прежде всего, от ревматизма.

эскимосских саней; множество мелких и крупных приспособлений было в них усовершенствовано. У нас не было материала для точного изготовления таких саней, но мы сделали все, что могли. Сани Пири имеют тридцать футов длины, полозья сделаны из цельного куска орехового или ясеневоего дерева в три дюйма длины и около полутора дюймов толщины. Они согнуты паром с двух концов и подбиты во всю длину стальной набойкой, как бы шиной колеса. Передняя часть имеет длинный низкий наклон, а задняя приподнята, чтобы легче было регулировать управление, когда сани скользят. Оглобли из дуба скреплены ремнем из тюленьей кожи, а ложе сделано из мягкого дерева и скреплено с оглоблями. При нагрузке саней Пири мы всегда помещали большую часть груза на середину, а концы оставляли легкими, сохраняя наклон спереди и сзади, чтобы сани могли вертеться, как на стержне, попадая в такое положение, когда невозможно двигаться ни вперед, ни назад. Таким образом, сани можно пустить даже кормой, не поднимая их. Если, например, сани Пири неожиданно попадают в трещину льда, их можно повернуть кругом или направить в сторону.* Сконструированные на ремнях, вместо болтов, они более гибки и приспособлены для трудного передвижения по морскому льду. Когда они проваливаются в тонкий лед, их легко вытащить с помощью веревки.

ГЛАВА VIII

МЫ УДАЛЯЕМСЯ ОТ СУШИ

В последний день сентября мы заметили еще кусочек земли. Вдали ясно вырисовывался низкий берег острова Купера, с домиками эскимосов. Мы все еще находились с восточной стороны мыса Барроу и медленно двигались в массе дрейфующего льда.

Захватив Мэмэна и доктора, я отправился к лыжной горе, попробовал сделать прыжок выше обыкновенного, перекувырнулся и, вместо того чтобы стать на лыжи, полетел вниз и ушиб бок. Я не сказал доктору о сильной боли, которую испытывал. Не хотелось показать, какой я простофиля, но я не мог поднять руки в течение нескольких дней даже для того, чтобы причесаться.

Пришел октябрь с пургами, сильным северо-восточным ветром и погнал нас быстро вперед.

Утром 1 октября во льду появилась трещина около фута шириной, протянувшаяся на восток и запад, на расстоянии двух миль от парохода. Она была слишком далека от нас, и мы не могли проложить к ней дорогу, даже если бы динамит пробил достаточно широкую для продвижения полынью.

2-го и 3-го мы снова заметили признаки земли. 3 октября шторм, который разрушил часть города Нома, отбросил нас на северо-запад. По временам мы видели чистую воду, но она была слишком далеко от нас.

4-го и 5-го стояла великолепная погода.

5-го я, Мэмэн и Маллох отправились упражняться в лыжных прыжках и чудесно провели день.

Теперь мы быстро дрейфовали на северо-восток на некотором расстоянии от мыса Барроу. Здесь средняя глубина моря достигает 240 метров. Потом нас понесло на север по еще более глубоким местам. Мы укрепили драгу и начали

добывать флору и фауну с глубины моря. Измерения глубины моря показывали, что мы скользим вдали от материковых мелей по морским глубинам. Драгирование и измерения производились через отверстие во льду, пробуравленное у кормы корабля.

Пири первый научил меня добывать верные сведения в Арктике. Он первый научил меня ощущать восторг от измерений и драгирования, от распознавания океанских недр вдали от материковых мелей. Это и открытие новых земель в широтах, где никогда не ступала человеческая нога, чрезвычайно увлекало меня. Назовите это любовью к авантюре. Мне кажется, что жизнь зовет к этому всякого человека, у которого в венах течет красная кровь. Посудите сами: если есть хоть одна миля неисследованной земли, человек должен распознать этот клочок и поведать миру о своих открытиях.

Плавание нашего «Карлука» глубоко интересовало меня, ведь мы стремились попасть в ту обширную область, где никогда не бывал человек. Мы изучали океанские течения и влияние ветров и почти ежедневно добывали странные экземпляры животных со дна моря. Я чувствовал уверенность в том, что мы благополучно вернемся в мир цивилизации.

В течение нескольких дней мы продолжали двигаться вдали от берега. Ветер гнал наше судно временами на север, временами на восток, а потом снова на север и северо-запад, пока, наконец, 10-го мы оказались в 35 милях от мыса Барроу и начали двигаться так быстро, что Меррей не мог производить работ.

9-го после полудня мы с Мэмэном катались на лыжах. Вдруг между нами и судном появилась трещина. К счастью, я предвидел возможность их образования и, как только заметил черную полоску воды на белой поверхности льда, приблизительно в ста метрах от вершины нашей лыжной горы, мы бросились к трещине. С нами была собака, но она убежала. Дул ветер, падал снег, наступила ночь. Мы перебросили мост через трещину и перебрались во-время. Не прошло и минуты как льдина оторвалась и поплыла; на ней сидела собака. Вернувшись на судно, я сбросил тяжелые лыжные сапоги и взобрался на мачту. Шторм продолжался, и на далеком расстоянии ничего не было видно. Трещина во льду находилась в полумиле от нас, и мне удалось рассмотреть, что она закрылась.

Я решил, что мы попали в весьма незавидное положение, так как лед вокруг судна имел уже толщину от 90 до 120 см и в случае его взлома неминуемо раздавил бы корабль.

Я отправил всех работать на лыжную гору. Некоторое время мы занимались переброской запасов на крепкую льдину, расположенную недалеко от судна, куда еще раньше мы сложили запас продовольствия на несколько месяцев.

Когда трещина закрылась, за кормой, метров на 150 справа, раскололся лед, открыв проход метров в 60 ширины.

Термометр показывал около -17° , в воздухе чувствовалось повышение влажности, показывающее на близость открытого моря.

Мы тронулись в путь, и я полагал, что, если к утру с наступлением света условия не изменятся, мы выясним, что произошло. Я пытался вывести судно в открытое море, чтобы потом снова подойти ближе к суше. Утром я увидел, что все трещины закрылись и при чистом морозном воздухе не было заметно ни кусочка открытого моря.

Температура упала до -25° . Лот Томсона не достал дна на глубине 494 метров. Мы выпустили лотинь до 900 метров и снова не встретили дна. Тогда пришлось использовать глубомер Люкаса, установив его около проруби для драги. Этот прибор 11 октября дал нам глубину в 1820 метров.

Собака, уплывшая накануне, вернулась. Это очень обрадовало меня, так как сейчас собаки были особенно ценны, а эта породистая собака, по кличке Молли, должна была скоро принести щенят. Все собаки были снова спущены на лед, так как трещины закрылись и опасность, казалось, миновала.

Наша швея, эскимоска Керрук, усердно работала и готовила 15 пар зимних сапог из кожи северного оленя, убитого в конце зимы, когда он ходил в зимней шкуре. Каждая пара сапог была сделана из четырех или пяти полос оленьей шкуры, сшитых меховой стороной внутрь. По форме эта обувь напоминала гамашу. Подошва шилась из кожи тюленя. Кроме того, Керрук занималась шитьем меховой одежды. Она постоянно кроила и шила; некоторые мужчины, умевшие шить, деятельно ей помогали.

Мы дрейфовали на запад до 22 октября, после чего ветер немного изменился и начал относить нас то на юг, то на восток, пока мы снова не двинулись в восточном направлении. В то время мы находились на 25 миль южнее того места, где должна была находиться земля Кэннана. Мы убедились

Вытаскивание драги

1880-1881

в этом по карте арктической области, начерченной губернатором Джильбертом, директором и издателем журнала Национального географического общества, для книги Пири «Северный полюс», экземпляр которой находился на корабле. Казалось, мы были настолько близко от земли Кэннана, что в ясный день могли бы видеть в подзорную трубу ее очертания, но наши наблюдения нам не помогли, и мы не видели ни одного признака земли.

Мы продолжали добывать большое количество тюленей. Большинство из них убил один из эскимосов, владевший охотничьим искусством лучше всех членов экспедиции. Мы ели свежее тюленьё мясо, а кожей и внутренностями кормили собак. В Арктике тюлень — незаменимое животное. Конечно, его мясо неприятно, оно имеет обычно рыбный запах, которым отличается вся пища, приготовленная из тюленя.

Мы продолжали наше приготовление к длительной стоянке на льду. Теперь судно стояло на 60 см выше, чем в середине августа, когда оно впервые застряло во льду. Мы перенесли уголь, сухари, мясо, пеммикан и множество других вещей с палубы на крепкую льдину, о которой я уже упоминал. Льдина эта была величиной около одного га и толщиной в девять метров, из голубого льда, способного выдержать множество ударов, прежде чем разрушиться.

Придется ли нам остаться во льдах, или удастся вырваться в открытое море, — все равно было необходимо сохранить запасный склад на льду, так как каждому морскому судну грозит опасность пожара. Когда «Рузвельт» прибыл на мыс Шеридан, мы разгрузили его, перенесли запасы на землю, построили дом из ящиков с сухарями, и если бы судно сгорело, мы могли бы вернуться и, располагая запасами, ждать спасательного судна. Я учел этот опыт.

На «Карлуке» были размещены печи в различных местах: в салоне, в каюте научных работников, в моей каюте, в кухне, в столярной мастерской Хэдлея и, конечно, в машинном отделении. На палубе, в помещении эскимосов, были каменные печи, отапливаемые ворванью.

Большое количество печей было опасно в пожарном отношении. Для борьбы с пожарами мы захватили химические огнетушители, и кроме того около пятидесяти снежных комьев было разбросано в разных местах парохода, а в кухне находился котел, который постоянно подогревался, чтобы вода не замерзала. Кроме того, мы организовали пожарные

бригады. Каждый человек знал, что он должен делать в случае пожара, и, если бы он вспыхнул, тотчас зазвонил бы колокол, каждый схватил бы снежный ком, огнетушитель или ведро у водохранилища и все принялись бы за работу.

Сначала мы оставили свои запасы на прежнем месте, на большой льдине. Позднее, как только появилась возможность, мы построили постоянный дом со стенами, сооруженными из ящиков для угля, упаковочного материала из-под сухарей, бочек и других крупных предметов; из досок, которые были разбросаны на полкилометра вокруг судна, был настлан пол и частично крыша; вся постройка была покрыта судорными парусами. Чтобы не проникал холод, мы покрыли дом снегом.

Позднее к этому ящичному домику была пристроена большая снежная хижина.

14-го мы впервые нарушили привычный морской распорядок — от вахты до вахты, и, вместо того чтобы, как обычно, назначить дневного и ночного вахтенных, за работу принялись все.

Теперь мы имели новую драгу, сооруженную Монро. Она была больше и лучше первой, и с ее помощью мы могли производить исследования на глубине 2000 метров. Мы подняли хрупкую морскую звезду и существо шарообразной формы, от $1\frac{1}{2}$ до 1 метра в диаметре, неизвестное Меррею. Меррей имел лабораторию, построенную нами на палубе. Эта лаборатория скоро превратилась в своеобразный музей.

В середине месяца у каждого из нас была готова меховая одежда: всю оставшуюся кожу я запаковал в парусиновые мешки. Матросы сложили пеммикан в 19-килограммовые пакеты и зашили их в парусину, которую в дальнейшем мы употребляли для собачьей упряжки, так как парусину собаки не жуют.

20-го мы увидели вблизи от корабля медвежьи следы. Курьезно, что собаки, привязанные в разных местах на льду, не почуяли медведя.

На некотором расстоянии от «Карлука» появились трещины и полосы чистой воды; эскимосы с большим успехом занимались тюленьей охотой.

Там, где встречаются тюлени, можно всегда найти охотящихся на них медведей. В 1910 году, когда я охотился вместе с Полем Рэйни и Гарри Уитни в проливе Ланкастера — в этом историческом проходе к островам и к морю с западной

стороны Баффиновой земли,¹ я однажды заметил медведя, очень осторожно пробиравшегося по льду. Он был так занят, что не заметил меня, а я стал в сторону и наблюдал, как он подкрадывался к уснувшему на льду тюленю. Он подходил все ближе и ближе, наконец сделал прыжок и навалился на свою добычу. Тюленю больше не суждено было проснуться.

Иногда трещины сковывало льдом или портилась погода, небо покрывалось облаками, и нашим эскимосам не удавалось добывать тюленей. Но когда лед взламывался, открывались водные пространства и воздух был прозрачен, — тюлени подплывали к краям льдины, поднимали лапы, выползали на лед и грелись на солнце. Через некоторое время, когда солнце исчезало и поднимался свежий ветер, они соскальзывали обратно в воду. На Ньюфаундлендском побережье я видел тюленей, настолько обожженных солнцем, что они, попав в воду, кричали от боли и тотчас снова выползали на лед.²

¹ Пролив Ланкастера действительно заслуживает название «исторического прохода». Прежде всего он составляет одно из основных звеньев Северо-западного прохода, т. е. морского пути вокруг Северной Америки из Атлантического океана в Тихий. Этим путем прошла в 1845 году экспедиция Джона Франклина, через этот пролив проходили все суда восточных поисковых партий, наконец, этим же путем проник в архипелаг арктической Америки действительный победитель Северо-западного прохода — Руал Амундсен.

² Повидимому, здесь имеет место недоразумение. Нет ничего невероятного в наблюдении Бартлетта, будто тюлень, испытывая боль, издавал «крик», но причиной боли едва ли могло быть солнце. Объясняется это явление тем, что в период линьки — совпадающей, кстати, с летним солнечным временем — свежий слой эпидермиса тюленьей кожи обладает большой чувствительностью. В этот период тюлени неохотно идут в воду, которая при соприкосновении с молодыми клетками эпидермиса сильно раздражает их.

ГЛАВА IX

ЗИМНЯЯ СТОЯНКА

28 октября мы установили новый распорядок дня: завтрак в девять часов, обед в половине пятого, а чай можно было получать в час. Ночью, перед сном, желающие могли получить чай, кофе или шоколад по выбору. Назначенный в этот день вахтенный был на своем посту с 18 до 6 часов. Он следил за огнем и светом и оберегал воду в водохранилищах от замерзания. Все огни, кроме фонаря вахтенного, гасились в полночь. В 6 часов вахтенный будил повара, спавшего в каюте рядом с кухней, и сам после завтрака шел спать, а дневной вахтенный занимал его место с 6 до 18 часов.

Мы пытались разнообразить стол. На завтрак мы получали овсянку со сгущенным молоком, а потом на столе появлялись яйца, ветчина, грудинка, треска и, конечно, кофе. На обед нам подавали консервированных устриц или ракушки, треску из Ньюфаундленда, картофель, морковь, пастернак, пшеницу, пикули, спаржу, бобы, кукурузу, томаты. У нас всегда было свежее мясо, по крайней мере раз в день. Теперь мы ели тюленей, несколько позднее появилось медвежье мясо. На десерт нам давали разных сортов мороженое, шербет, пироги, пудинги, разные кексы, а в начале путешествия — дыни и арбузы. На пароходе был большой запас консервированных фруктов. Одним словом, кухня работала образцово, и мы располагали всем необходимым.

В это время мы перевели часы назад, чтобы использовать дневной свет. Люди не хотели вставать до завтрака, но в 10 часов они уже были готовы к работе. Они спивали парусину, перетаскивали ящики и вещи на льдину, наполняли лари углем, подносили лед из пресной воды для растапливания в баках и работали около драги.

У нас было большое количество мыла, бритв и нижнего белья, и мы могли поддерживать чистоту. Как правило, мы

брились по крайней мере три раза, а мылись не реже раза в неделю. Эскимосы принимали ванну наравне с нами.

В Номе и С. Майкале у эскимосов есть баня, где они могут мыться за 25 центов. Они любят бывать в бане.

На «Карлуке» было очень много ванных кабинок.

27-го мы спустили пары, выключили машины и выкачали воду из труб.

28-го в 20 часов мы собрались в кают-компании, одни занялись чтением, другие — шахматами. Вдруг вошел вахтенный и сообщил, что у самого носа судна появилась трещина. Я вышел и при свете фонаря увидел, что лед треснул у самого форштевня. Вторая трещина образовалась в пятидесяти метрах с левой стороны парохода, а в восточном направлении открылось приблизительно метровое разводье. Трещина отделила собак от парохода. Мы боялись, что лед может растрескаться вокруг всего судна, и поспешили вернуть их на борт.

Всю ночь я провел на палубе, сотрудники экспедиции также не ложились спать, но больше ничего не случилось, и на следующее утро, при сильном ветре, нагнавшем снег на ледяную поверхность, и температуре -31° , мы увидели, что трещины закрылись. Два раза за этот день лед вскрывался и снова закрывался, но трещины были не более 5 см ширины.

Начался ноябрь, и снова жестокие штормы понесли нас на северо-запад. Мы выкачивали воду из трюма. Пока сохранялись пары в кипятильнике, воду выкачивали паром, но теперь, когда пары были спущены, мы начали качать ручным способом с палубы. Холод мешал людям, и мы решили, что с большим успехом сможем качать воду насосом из машинного отделения, в котором топилась печь и температура поддерживалась на точке замерзания. Для Маллоха мы построили обсерваторию. Он без усталости определял наше местоположение, чем значительно облегчал мою работу.

В понедельник, 20 ноября, погода немного прояснилась, и мы наблюдали замечательное зрелище — утреннюю зарю, одну из немногих за долгие месяцы нашего плавания.

Во время снеговой бури, которая держалась весь день, мы подняли драгу и разделили лотлинь, чтобы часть его прикрепить к новой драге. На следующий день мы вытащили много различных образцов животных, в том числе большое количество морских звезд. Наши глубомеры показывали, что мы двигаемся по сравнительно мелким местам сначала на глубине 195, а потом на глубине 66 метров.

4 ноября мы отыскиали в драге новое животное; как показал глубомер, оно было извлечено с глубины в 51 метр.

Ветер свирепствовал весь день и порою превращался в сильный шторм со снегом.

7-го, в двух милях от парохода, показалось открытое море. Эскимосы вышли на охоту и убили десять тюленей. Я ходил с эскимосами, тюленей было множество, но они держались слишком далеко от нас.

10 ноября необыкновенно красивый день. Свежий южный ветер, температура поднялась до -5° . Стоял почти весенний день. В трех милях от корабля эскимосы убили шесть тюленей. Здесь же, впервые за время нашего дрейфа, им удалось убить молодого медведя. Шкура этого трех-четырёхлетнего медведя была хороша, и я хотел отдать ее в новый дом Бостонского клуба, но она понадобилась нам для штанов и варежек.

Чтобы в каютах и служебных помещениях было тепло, мы покрыли палубу слоем снега на полметра. Когда верхний слой загрязнялся, мы снимали несколько сантиметров грязного снега и заменяли его чистым. Наружная часть корабля была так же засыпана снегом, и мы устроили спуск с палубы на лед, вылепив из комьев снега ступеньки.

11 ноября солнце нас покинуло. Теперь нам суждено жить без солнца круглые сутки в течение 71 дня. Несколько недель тому назад молодой эскимос Катактовик попросил у меня книгу для чтения. Через две недели он вернул книгу и попросил журнал. У нас было много журналов с интересными иллюстрациями, и я с радостью дал один из них Катактову. Как-то 12 ноября он вошел ко мне в каюту и увидел, что я пишу вечным пером. Он не решился прямо попросить перо и сказал:

— Мне хотелось бы написать письма друзьям.

Я предложил ему карандаш, но он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил, не хочет ли он взять перо, и он ответил: «да». Я дал ему перо, так как знал, что у нас их было много, и подумал: «что сказал бы Пири?» Он не поверил бы, что эскимос хочет писать. В его представлении жители льдов — эскимосы — не были способны к умственной деятельности.¹

¹ Такой взгляд на способности людей, принадлежащих к «цветным» народностям, весьма распространен в среде ученых капиталистических государств. Ложность его доказана на тысячах примеров, но ярче всего она выступает на примере национальной политики Советского Союза, в короткий срок приобщившей к подлинной культуре

У нас был большой запас тетрадей, и время от времени я дарил тетради Катактову.

На следующий день мы снова любовались изумительной утренней зарей с прекрасным лунным светом, освещавшим нашу панораму несколько дней. Днем на одно мгновение мы заметили краешек солнца. Наша широта была слишком северной, чтобы видеть настоящее солнце, мы видели его искаженным, как бы мираж в пустыне.

Помню, когда я мальчиком учился в Академии в Бригусе, управляющий Англо-американского телеграфа С. Джонс однажды рассказал нам, что как-то на мысе Рейс, где он жил в молодости, ожидался пароход из Европы. Пароход запаздывал. Вдруг они увидели его, спустили лодки, выехали встречать, достигли места, где он должен был находиться, но парохода не оказалось. Он пришел на десять часов позже. Его кажущееся присутствие было просто особенностью морского горизонта, рефракцией или искажением.

Эскимосы сообщили о песцовых следах, замеченных в нескольких милях от парохода, и я дал им песцовые силки. Песцы чисто белого цвета, часто их шкуры белее белого меда, окраска которого чуть отливает желтым цветом. Эскимосы расставили силки в различных местах по льду, крепко привязали их, чтобы песцы не могли утащить их с собой, и семнадцатого поймали одного очень маленького песца.

Хэдлей заканчивал сооружение вторых саней Пири.

17-го мы снова опустили драги и выловили несколько образцов для Меррея.

Температура держалась не ниже — 23°, но было так холодно, как бывает только на атлантическом побережье. Вокруг нас было много чистой воды, но она находилась на расстоянии многих миль от корабля.

Во время наших полярных путешествий бывала значительно более низкая температура, чем сегодня, но мороз чувствовался меньше, потому что неделями стоял на одном уровне и влажность не усиливалась, так как прогалин было значительно меньше, чем теперь.

19-го у нас испортились драга и глубомер Томсона. Проволока запуталась и разорвалась, и нам пришлось установить

даже наиболее отсталые народности. Благотворное влияние этой политики на в прошлом полудикое население северных окраин Союза одновременно доказало полную восприимчивость этих народностей к культурным благам.

другую драгу. Это был типичный день мыса Шеридан: почти безветренный с температурой — 27° .

В дымоходе моей каюты накопилась сажа, и огонь не разгорался. Я долго думал, как избавиться от сажи, и наконец решил всыпать в печку порошок из фальшфейера, который быстро вспыхивал и должен был выбросить сажу.

20-го я приступил к работе — и нечаянно бросил в печку слишком много порошка.

Вспышка!

Дверца печки отскочила и пролетела мимо моей головы. Если бы она зацепила меня, я был бы убит. От печки отскочила и перегородка, она с треском ударилась о стенку каюты, но особых повреждений не сделала. Так я очистил дымоход от сажи.

Меррей нашел в драге маленького осьминога. Наш океанограф работал неугомонно, — он ежедневно поднимал с морского дна камни и экземпляры ранее неизвестных живых существ. Очень жалко, что нам не удалось спасти его коллекцию.

15 ноября мы добрались до 73° северной широты. Это оказалось нашей крайней точкой на Севере. Потом, в течение месяца, ветры гнали нас на юг и юго-запад, а при дальнейшем дрейфе, — снова на запад.

Наступил маленький отдых от непрерывного ветра, который нес резкий холод в течение нескольких дней.

24-го наступили сумерки, и без фонаря Маллох не мог работать в обсерватории.

Температура стояла — 29° , но воздух был так сух, что можно было выходить на мороз в американской одежде.

Около полуночи барометр упал, указывая на приближение шторма, и весь день 25-го выходить из каюты было не слишком приятно. Работать однако было надо и нам и эскимосам, которые заваливали снегом штирборт,¹ чтобы насколько возможно отоплить судно.

27-го я проснулся рано, задыхаясь в сернистом дыме, который пробрался из столовой в мою каюту. Там дымила печь, и столовая и каюта наполнились отвратительным запахом. Я приказал официанту вытащить печку, и он немедленно выполнил мое приказание.

---

¹ Штирборт — правая сторона судна.

ГЛАВА X

НОЧЬ В АРКТИКЕ

В первые декабрьские дни было холодно, бушевали шторм и очень резкий ветер. У меня промелькнула мысль, что мы находимся в том месте, где фабрикуется дурная погода и откуда она распространяется в Чикаго, Бостон и другие южные места.

В ясные дни от 10 часов до 14 бывал сумеречный свет, и, работая на воздухе, люди могли видеть, что они делают. Во время дрейфа здоровье участников экспедиции было великолепное. Все занимались спортом и крепко спали, хотя ветер был круглые сутки.

В начале месяца на расстоянии мили от парохода произошло довольно сильное сжатие льда, нагромоздившее торосы, но на палубе мы этого не почувствовали. 10 декабря приблизительно в 100 метрах от корабля показалась полоска воды сантиметров в 30 шириной, она то открывалась, то закрывалась в течение нескольких дней. Становилось очень холодно, температура упала до -34° , но большую часть времени воздух был сух, и мы чувствовали себя не плохо даже в американской одежде. 11-го Хэдлей кончил строить третьи сани Пири. В этот же день эскимосы соорудили на льдине большую снежную хижину, где мы устроили склад и запасное жилище для себя и для собак.

16 декабря эскимосы откопали тюленьё мясо, которое хранилось в ледниках около парохода, и перенесли его на палубу, чтобы иметь под рукой, если растрескается лед. Кроме того, мне хотелось знать, каков наш запас. Я подсчитал, что у нас имеется 41 тюлень, около 640 кило мяса на 25 человек; такого количества вполне хватит на 67 дней. В эти дни Мэмэн занимался составлением списка вещей, которые понадобятся бы, если бы нам еще раз пришлось отправиться в Арктику.

18-го Меррей снова утопил свою драгу, и старший механик начал сооружать новую.

21 декабря — арктическая полночь. Мы с нетерпением ждали ее — ведь с этого времени солнце появляется ежедневно и день становится все длиннее и длиннее. Конечно, настоящего дневного света не было, но полдень напоминал сумерки, и этого было достаточно для работы на воздухе.

22-го большую часть сумерек мы использовали для расчистки огромных валов снега, нанесенных вокруг корабля. В этот день заканчивался шахматный турнир. Мы играли давно, и теперь Мэмэн, выигравший большую часть партий, получил первый приз — ящик с 50 сигарами, а мой помощник Андерсон занял второе место и получил второй приз — ящик с 25 сигарами.

23-го собаки, которых мы держали в ящичном домике, порвали цепи, и некоторые из них начали драться. Наша лучшая собака Джек была сильно искусана и не могла ходить. Я взял ее на борт, отнес в столярную мастерскую, и Хэдлей зашил рану хирургической иглой и шелковой ниткой. Бедный Джек находился в плохом состоянии и отказывался от пищи. В упряжку он не мог пойти до второй половины февраля.

Драка, в которой пострадал Джек, привела нас к мысли, что много собак нельзя держать в одном месте, и я приказал эскимосам построить несколько снежных конур в большой снежной стене у парохода. Они насыпали на пол золы, и девять наиболее драчливых собак были посажены на цепь в отдельных конурах.

С приближением рождества все занялись подготовкой к этому старому празднику. День был великолепный, и мы разоделись в американские костюмы и свитера. Перед рождеством несколько дней бушевал шторм, дул сильный ветер, обнаживший ледяные гребни от снега, и гребни эти напоминали вспаханное поле.

Обед, как всегда, начался в половине пятого. Каюсь, я чувствовал тоску по дому. Это было четвертое рождество в Арктике. В 1898 году я был на мысе д'Урвил на судне «Виндгарде», а в 1905 и 1908 годах на мысе Шеридан на «Рузвельте».

Но теперь наше положение носило несколько необычный характер. Я нес ответственность за жизнь и судьбу каждого мужчины, каждой женщины и ребенка, находившихся на борту «Карлука».

В половине пятого мы собрались в столовой, где на обеденном столе лежало меню, напечатанное Мак-Кинлеем:

Разные пикули	Сладкие пикули
Суп из устриц	Омар
Жареный медведь	
Бычий язык	
Картофель	Зеленый горошек
Спаржа под сливочным соусом	
Мясной пирог	Пудинг из слив
Орехи	
Чай	Кекс
Клубника	

Обед сопровождался концертом на виктреле, преподнесенной кораблю сэром Ричард Мак-Брэйд. Мы переиграли все пьесы, и классические и популярные, вокальные и инструментальные, и развлекались пением до позднего вечера.

Маллох написал на нескольких страницах поздравительное письмо своему отцу, но этому письму не суждено было быть отправленным.

В пятницу, 26-го, во льду появилась трещина, протянувшаяся от шкафута до кормы и на сто метров с правой стороны носа. Трещина не раскрывалась, но в первую минуту дрейфа мы почувствовали легкое колебание судна. Через час — новое колебание. Я проследил трещину на расстоянии ста метров от парохода, потом я потерял ее из виду.

Начал дуть свежий северо-восточный ветер, он стих к концу дня, но погода, казалось, должна была ухудшиться, хотя барометр стоял неподвижно. На следующий день мы начали готовиться к разгрузке корабля.

Наши измерительные приборы показывали глубину около 46 метров, несоответствующую нашим картам. Вероятно хронометр слегка отстал, и мы шли западнее, чем нам казалось. Перед нами простиралось ясное небо с очень заметными отблесками сумерек на юге.

28 декабря мы снова изменили пароходный режим, чтобы использовать все увеличивающиеся сумерки.

Молли принесла девять щенят. Если она их не съест и путешествие продлится до будущего года, они подрастут и будут полезными «сотрудниками экспедиции».

29-го с появлением света, я вышел на палубу и заметил в юго-западном направлении голубое облако, поднявшееся над горизонтом.

Согласно показаниям измерителей, мы находились ближе к острову Врангеля, чем к острову Геральда. Но мне показалось, что я вижу остров Геральда. Однако, проверив наше положение, я установил, что остров Геральда находится шестьюдесятью милями южнее. Потом я понял, что наши наблюдения были правильны, а разметки на карте неверны.

Ночью несколько раз трескался лед. В ста метрах от корабля раскрылась полоска воды шириной в 25 сантиметров. Утром сильно растрескался молодой лед. Бокового движения льда не было.

Следующий день был последним днем 1913 года. Наше время отставало на 6 часов 36 минут от ньюиоркского и бостонского, и так как день угасал — было 5 часов 24 минуты, я сообразил, что на Тремонт-стрите и Бродвее теперь полночь, и представил себе друзей, которые провожают старый год и встречают новый. Я хотел знать, что они думают о «Карлуке» и удалось ли Стефанссону известить их о нашем непредвиденном дрейфе. «Карлук» тоже по-своему праздновал новый год — день был безветренный, мы сшили мяч из тюленьего пузыря, смазали швы хирургическим клеем и затеяли игру в футбол на льду.

Пожарный Брэдли и Монро были отличными футболистами, хорошо играли эскимосы, хотя они имели небольшой опыт. Керрук, одетую, как всегда, в платье и штаны, мы избрали судьей. Игроки вышли на поле в кожаных сапогах и обыкновенных американских ботинках. Я забыл многие правила игры и освежил их в памяти по энциклопедии, взятой из пароходной библиотеки. Читая словарь, я узнал, что холод очень опасен при пользовании свистком, который может примерзнуть к губам, и начал давать сигналы словесно.

Игра продолжалась до половины двенадцатого.

ГЛАВА XI

ГИБЕЛЬ «КАРЛУКА»

Новогодней ночью мы в каютах слышали грохот и шум, напоминавший гул телеграфных столбов на деревенской дороге. На палубе шум не был слышен. Я понял, что где-то происходило сильное сжатие, хотя непосредственно у судна признаков сжатия не было заметно.

В субботу, при свежем северном ветре, который не сдвинул с места корабля и льдины, во внутренних помещениях снова раздался грохочущий шум.

В воскресенье восточный ветер медленно потащил нас на запад. Очевидно, движению на юг мешало сжатие льдов, но когда ветер переменял направление на запад и север, опасность миновала. В этот день, как и предполагалось, мы играли в футбол, играли с увлечением, но старший механик повредил ногу, и мы прекратили игру.

Восточный ветер продолжался несколько дней, временами его сопровождал сильный снежный шторм, временами небо было ясным, безоблачным. Барометр стоял низко. Температура поднялась до -27° .

По моему распоряжению механики занялись изготовлением жестянок для керосина и чайников, которые можно согревать на примусах. Каждый чайник вмещал около галлона чаю. Жестянки и чайники были очень удобны для перевозки на санях.

7-го и 8-го погода часто менялась, но барометр попрежнему стоял низко, а термометр высоко.

7 января последнее наблюдение, сделанное на борту корабля, определило, что мы находимся на 72° северной широты и $174^{\circ}36''$ западной долготы.

9-го температура упала. Небо, еще чистое утром, после полудня начало покрываться облаками, и ветер изменил направление с юго-востока на юго-запад. Мы приблизились

к суше, сжатие льдов усилилось, местами лед избороздился торосами так сильно, что я не на шутку начал тревожиться за судно. Работа кипела: запасы были собраны в одном месте, и при первой необходимости мы могли их сбросить на лед. Патроны крупного калибра и чайные таблетки мы укладывали в жестянки, сделанные нашими механиками, а малокалиберные патроны были завернуты в парусину, по пятьдесят штук в свертке.

В 5 часов 10 января я проснулся точно от ружейного выстрела. Мне показалось, что по судну пробежала какая-то дрожь. Вскоре я был на палубе.

Вахтенный, которым в ту ночь был Брэдди, стоял на льду. Я встретился с ним, когда он поднимался по ледяному спуску, чтобы рассказать мне о случившемся.

— Справа от носа появилась маленькая трещина, — сообщил он.

Я рассмотрел полосу воды: она имела северо-западное направление и тянулась на двести метров.

В течение полчаса мало заметная трещина увеличилась до 30 сантиметров, а к утру ее ширина достигла уже 60 сантиметров.

В 10 часов образовался узкий канал. Он тянулся от кормы до носа. Теперь судно совершенно освободилось, но вскоре оно снова вмерзло. Нос был обращен на юго-запад. Судя по тому, как раскололся лед, «Карлук» находился в своеобразном мешке.

Ветер, слабый, северный в начале дня, изменил к полудню направление на северо-запад и перешел в шторм с ослепляющим снежным вихрем, а ледяная стена с правой стороны начала наступать на корму. Судно не испытывало сжатия, открытые концы мешка защищали его от надвигающихся льдин, особенно со стороны кормы, корпус еще был свободен, но легкие толчки повторялись все чаще и чаще.

Я понял, что, как только движущийся лед сломает наше естественное ограждение, ледяные стены, точно ореховые щипцы, зажмут нас и раздавят «Карлук».

Все указывало на то, что скоро мы будем вынуждены покинуть корабль.

Я отдал приказание очистить палубу, люки и наружные стены кают от снега, чтобы облегчить судно. Часть людей была послана в ящичный домик, чтобы освободить все еще привязанных собак и оставить их на свободе на льду, а дом приготовить на случай, если нам придется там поселиться.

Они очистили дом, набросали доски на пол и подготовили топливо в печке.

Люди работали в хорошем настроении и казались совсем спокойными. Я занял их, насколько это было возможно, обычной дневной работой, а приготовления в ящичном домике были вполне естественны.

Если бы края льда остались нетронутыми, судно было бы спасено. В течение дрейфа мы видели много трещин, на время они оставались открытыми, а потом снова закрывались, но ни одна из них не подходила к судну так близко.

Трудно было видеть, что происходит вокруг нас, — небо затянулось облаками, и темнота была так густа, что, фигурально выражаясь, ее можно было резать ножом. Свирепый снежный вихрь взлетал и кружился под напором ветра, усиливая тревожную неизвестность того, что могло случиться с минуты на минуту. Вечером, около 18½ часов, мне пришлось остановиться у двери машинного отделения. Там горела лампа. После обеда закончилась дневная работа, люди шили, играли в карты, все шло как обычно. Вдруг, совершенно неожиданно, я услышал треск и шум внизу, спустился в машинное отделение и встретил старшего механика. Мы слышали, как вода хлынула в трюм, и при свете фонаря видели, как она вливается с левой стороны судна.

Такой исход не был неожиданностью, лед за кормой взломался или растрескался, и стена, надвигавшаяся с левой стороны, ударилась о судно и накренила его на три или четыре градуса влево. Острие льда, с левой стороны, врезалось в обшивку балки машинного отделения, распорол обшивку и вывело насосы из строя.

Сооружать новый насос бесполезно, так как повреждение было непоправимо.

Я снова отправился на палубу и отдал приказание: всем покинуть судно.

Тотчас мы погасили огни, выключили все лампы и вооружились штормовыми фонарями, чтобы осмотреться, что делается кругом.

Переполоха не было. Люди работали с большой энергией, они перебрасывали заготовленные запасы через борт: 300 килограммов пеммикана, меха, одежду, ружья и патроны. Эскимоску с детьми я послал в ящичный домик развести огонь в печке. Официант остался на кухне, чтобы люди могли получать кофе и горячую пищу.

Около 22 часов 45 минут вода в машинном отделении

поднялась до 3 метров. В это время льды, сжимая корабль с двух сторон, удерживали его и он не тонул. Не прошло и часа, как мы выбросили все запасы на лед. Мы могли спасти все, что находилось на судне, но не заботились о предметах роскоши и сувенирах — нам казалось неосторожным отягощать сани во время предстоящего путешествия по льду.

Когда количество запасов, выброшенных на лед, мне показалось достаточно основательным, я отдал распоряжение перевозить вещи на санях на большую льдину. Здесь, как вы помните, мы не так давно соорудили в дополнение к ящичному домику большую снежную хижину. Ветры испортили ее, но люди подправили, и теперь здесь можно было не только хранить запасы, но и жить.

В этот вечер команда проделала хорошую работу. Я отметил это и сказал:

— Тотчас после переправки саней вы можете отправляться в ящичный домик и в снежную хижину на отдых.

В 1 час 50 мин. 11 января работа закончилась и все пошли спать. В ящичном домике поместились Мак-Кинлей, Мэмэн, Бэша, Меррей, доктор Мэккей, Виллиамс, Кинг, Чэф, Катактовик и Кердрилло с семьей. А в снежной хижине — Монро, Виллиамсон, Брэди, Хэдлей, Темплеманн, Морер, Андерсон, Баркер, Маллох и я.

Все покинули судно, а я остался на борту, я решил дожидаться конца. Некоторое время со мной оставались старший механик и Хэдлей.

В кухне горел большой огонь, и мы перетаскивали туда виктролу, чтобы скоротать время.

После первого резкого грохота и передвижки льда сжатие было незначительным, и утром и даже после полудня положение судна мало изменилось. Вода не прибывала.

Я проиграл несколько пьес, их у нас было 150, а потом решил выйти и прогуляться по палубе.

К полудню небо немножко очистилось, и некоторое время держался сумеречный свет. Снегопад продолжался. Проигранные пьесы я бросил в печку, случайно нашел похоронный марш Шопена и, проиграв, отложил его в сторону. Почувствовав голод, я поел и выпил большое количество кофе.

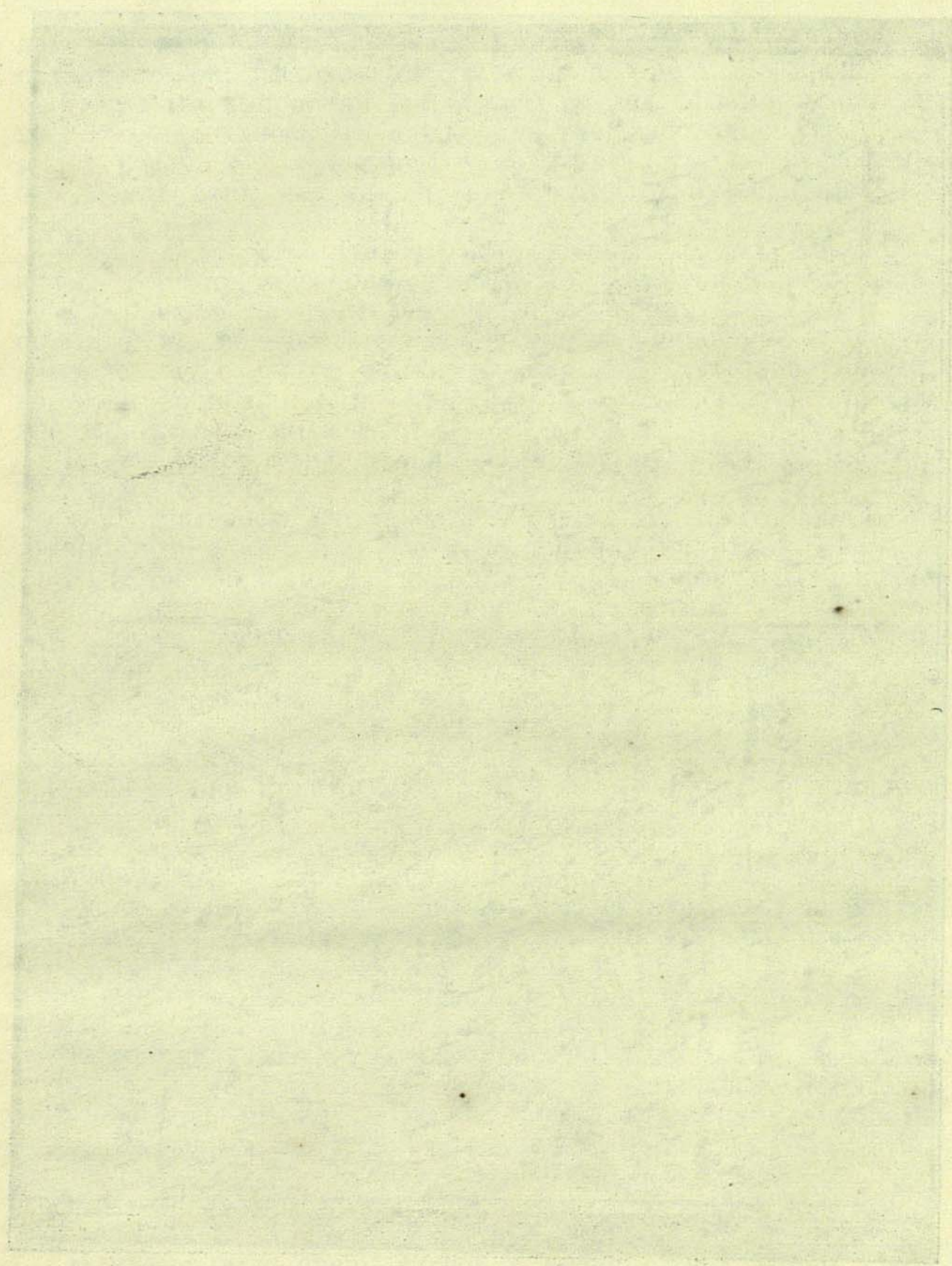
Мои товарищи отправились на льдину и оставались там до утра.

В кухне было очень уютно, я отпер чулан, нашел уголь и все время поддерживал огонь. Временами я осторожно за-

REPRODUCED FROM THE
MANUSCRIPT OF THE
HISTORICAL RECORDS OF THE
CITY OF NEW YORK

глядывал в машинное отделение, стараясь быть поближе к выходу. Вода уже почти подошла к палубе.

В 15 часов 15 минут лед взломался, судно начало погружаться в воду. Потом лед снова сошелся и на некоторое время задержал бугшприт и корму. Около половины третьего судно начало резко опускаться, и через несколько минут палубы были залиты водой.

Поставив похоронный марш Шопена, я завел виктролу.

Вода побежала по палубе и хлынула в люки.

Я взобрался на поручни и, когда их края сравнялись со льдом, соскочил.

Это случилось в 16 часов 11 января 1914 года.

Синий флаг канадского правительства взвился на верхушке главной мачты, рассек воду, и судно скрылось. Оставшаяся в кухне виктрола звуками похоронного марша Шопена возвестила о том, что «Карлук» затонул, опустившись носом, на глубине 69,5 метров.

Я обнажил голову и сказал:

— Прощай, «Карлук»!

Было достаточно светло, и все вышли из ящичного домика и снежной хижины. Через минуту судно опустилось, рей прорезали лед. «Карлук» исчез, скрывшись в маленькой полоске воды.

Судно было нашим домом многие месяцы, теперь его нет; сделалось тяжело, как бывает, когда теряешь доброго, старого друга.

Дважды я пережил кораблекрушение, и оба раза на южном берегу Ньюфаундленда. Кораблекрушение не было для меня новостью, я не отчаивался; у нас было удобное крепкое жилище на льдине, достаточно пищи и топлива, была и настойчивость, и мужество, и надежда на счастливую жизнь, и мы могли когда-нибудь добраться домой.

ГЛАВА XII

НАШ ДОМ В ЛАГЕРЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

«Карлук» затонул поблизости от того места, где «Жаннета» с экспедицией Де-Лонга замерзла во льдах и откуда она начала свой западный дрейф на остров Генриеты, где была раздавлена так же, как «Карлук», сжатием льда и затонула 12 июня 1881 года.¹

Изучая карту полярной области, я увидел, что мы дрейфовали от точки, расположенной близ 145 меридиана до точки близ 175 меридиана западной долготы. «Жаннета» дрейфовала от 175 меридиана западной долготы до 155 меридиана восточной долготы, «Фрам» близ 140 меридиана восточной долготы. Сумма этих трех дрейфов охватывает больше половины расстояния вокруг континентальной периферии. Установив это, я невольно пришел к заключению, что идея рискованного и аварийного дрейфа через полюс, по водам Аляски и Сибири в Гренландское море не увенчается успехом.

Обломки «Жаннеты», выброшенные на южный берег Гренландии в 1884 году, внушили доктору Нансену мысль, которую он положил в основу своей экспедиции на «Фраме». Нансен пришел к убеждению, что судно, которому будет суждено замерзнуть во льдах севернее Новосибирских остро-

---

¹ «Жаннета» вышла через Берингов пролив в 1879 году под начальством Джорджа Вашингтона Де-Лонга (1844—1881) навстречу Норденшельду. 31 августа Де-Лонг посетил место зимовки корабля Норденшельда «Веги» на северном берегу Чукотского полуострова и был таким образом первым, кто узнал о победе, одержанной шведским путешественником. Дальше «Жаннета» отправилась к острову Врангеля. Близ острова Геральда ее затерло льдами. Отсюда начался ее знаменитый дрейф. Экипаж покинул корабль и через лед добрался до устья реки Лены. Здесь часть его — и в том числе Де-Лонг — погибла, а часть была спасена туземцами.

вов, близ того места, где затонула «Жаннета», будет отброшено течением в дрейф через северный полюс.

Сам Нансен покинул «Фрам» во время дрейфа и совершил путешествие по льду. Он пытался пешком добраться к полюсу и достиг $86^{\circ}34'$ северной широты, «Фрам» достиг почти того же градуса. Теории о возможности дрейфа через северный полюс не подтвердились.

Я полагаю, что дрейф в основном следует по линии берега, с востока на запад, по периферийной части Полярного моря, и что судно, построенное подобно «Рузвельту», но меньшего размера, с судовой командой в восемь человек, которая одновременно является и командой и научным персоналом, может вынести этот дрейф с начала до конца и в течение трех-четырех лет пройти значительную часть Северного Ледовитого океана.

Такая экспедиция могла бы способствовать научному освоению Арктики, изучению океанских течений, исследованию морского дна, добыче точных сведений для составления карт, собиранию сведений о воздушных течениях для изучающих авиацию, собиранию метеорологических данных, за время плавания, для бюро погоды и, быть может, открыла бы новые страны в обширной неисследованной области Северной Сибири.

Англия и Норвегия переключили внимание на изучение Антарктики, Америка должна заняться освоением Арктики, над которым так много, в течение нескольких столетий, работали англо-саксонские исследователи.¹

Сообщая свой план экспедиции на «Фраме», Нансен сказал:

— Возможно, существуют еще люди, которые не придают значения исследованию неизвестной полярной области. Это, безусловно, показатель невежества. Научное значение арктических плаваний очень велико, они расширяют круг наших знаний. Нужно ли доказывать пользу знаний? Нет, она несомненна. Человек хочет знать, и когда он перестает познавать — он больше не человек.

Как только «Карлук» затонул, я вошел в хижину.

Пора было хорошенько выспаться, так как я ведь проснулся в пять часов десятого января, а сейчас уже двенадцатое января.

---

¹ Автор не мог предвидеть, что наибольшего размаха изучение Арктики получит в Евразии, а не в Америке, и что нищая некультурная Россия, преобразованная в полный сил Союз Советских Социалистических Республик, возьмет на себя инициативу освоения Арктики и развернет там исследовательскую и практическую работу в невиданном масштабе.

Я лег спать и проснулся в полдень. Небо было чисто, но свежий северо-западный ветер кружил снег надо льдом и только в середине дня появился сумеречный свет.

Хотя при таком полусвете видно плохо, мы могли работать, и я приказал собрать остатки пеммикана, мехов и патронов, разбросанных по льду, и построить палатку для хранения запасов.

Палатка была построена. Сюда разрешалось входить только мне и Мак-Кинлею, которому была поручена роль эконома. Вот список запасов, хранившихся в палатке, показывающий, что мы были прекрасно снабжены всем необходимым для жизни в Арктике.

70 комплектов егерского белья.
6 свитеров.
3 дюжины шерстяных рубашек.
200 пар чулок.
6 шерстяных костюмов.
4 непромокаемых охотничьих костюма.
50 егеровских одеял.
20 матрасов.

2 больших мешка оленьих камусов.
2 больших мешка непромокаемых сапог (сапоги из тюленьей кожи, не пропускающие влаги).
100 кож лани.
1 дюжина тюленьих кож.
20 оленьих кож.
6 больших зимних шкур канадского оленя.

На льду находились и должны были быть приведены в порядок:

1622 кг андервудовского пеммикана.
1288 кг пеммикана с Гудзонова залива.
3 бочки каменноугольной смолы.
15 ящиков каменноугольной смолы.
2 ящика чая.

200 жестянок молока.
100 кг сахара.
2 ящика шоколада.
2 ящика масла.
1 ящик какао.
Свечи и спички.

Кроме этих складов, в ящичном домике на льдине до кораблекрушения были сложены запасы угля, одежды, аммуниции, пеммикана, молока, чая и т. п. Вот краткий список:

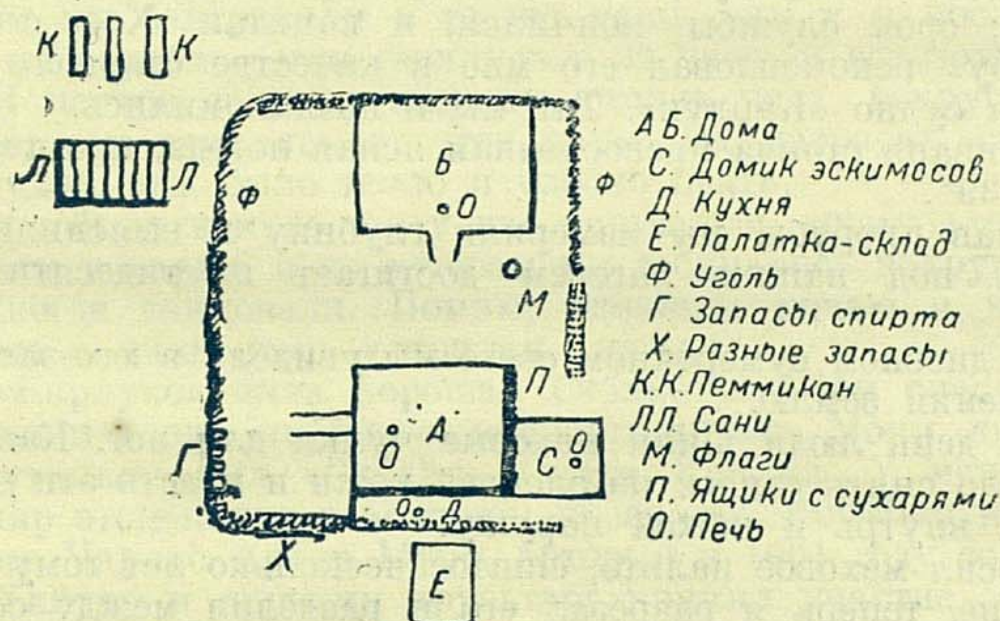
250 мешков угля.
33 ящика газаolina.
1 ящик трески.
3 больших ящика трескового мяса.
5 ящиков спирта.
4 ящика сушеных яиц.
114 ящиков флотского хлеба (в каждом — 20 кг хлеба в маленьких жестянках).

5 бочек мяса.
9 саней, грузоподъемностью по 240—280 кг.
2000 футов строевого леса.
3 угольных печи.
2 дровяных печи.
90 футов печных труб.
1 запасной комплект парусов.
2 Питерборовских лодки.

Снежная хижина имела $4\frac{1}{2}$ метра длины и $3\frac{1}{2}$ метра ширины, пол — дощатый, крыша — парусиновая. Размеры ящичного домика были несколько больше: в длину он занимал $7\frac{1}{2}$, а в ширину $5\frac{1}{2}$ метров. Мы положили вокруг домика много снегу, отделили часть домика для кухни и поставили большую печь, у повара свой собственный уголок.

Другой дом мы построили для эскимосов. Впоследствии Мак-Кинлей начертил план «Лагеря кораблекрушения», как мы называли нашу льдину. В плане подробно указано, как были устроены наши «дома» и склады.

План Лагеря кораблекрушения (10 января 1914 г.)

Итак, мы поселились здесь, как швейцарская семья Робинзонов, прекрасно обеспеченная для комфортабельной жизни, и ждали того дня, когда солнце принесет дневной свет, достаточно яркий для работы и путешествий по льду. Честно говоря, такое путешествие было очень опасным, мы не решились предпринять его в темноте, и я считал неразумным тратить энергию людей и собак, не привыкших путешествовать по льду, прежде чем появится достаточно сильный свет, при котором можно рассчитывать на успешность перехода.

Место, где затонуло судно, уже замерзло. Лед вскрылся, но ненадолго, трещины давно исчезли.

13-го мы начали шить, занимались этим целый день и кроме того соорудили из легкой парусины палатки и покрывала для саней.

Многое было сшито на корабле, но все знали, что нам необходимо достаточное количество меховой одежды и сапог и мы должны сшить столько, сколько сможем.

Меховая одежда была так тяжела, что ее приходилось шить руками, но многие работы выполнялись на швейных машинах. На льдине были две швейных машины: одна в ящичном домике, другая — в снежной хижине.

Керрук работала на одной машине, Монро — на другой. Монро был мастером в этой области, как и во многих других. Когда-то он служил младшим офицером на британском военном судне «Рейнбоу», потом его перевели на канадскую службу; срок службы кончился, и капитан Хоз с судна «Рейнбоу» рекомендовал его мне в качестве старшего механика на судно «Карлук». Так мы и познакомились.

14 января стояла превосходная ясная погода, при температуре — 39°.

Сделав прорубь, мы измерили глубину и выяснили, что глубина под нашим лагерем достигает шестидесяти двух метров.

При дневном сумеречном свете мы увидели в юго-западном направлении землю.

Весь день люди шили меховые чулки для ног. Как приятно было снять сапоги из оленьей кожи и надеть эти чулки, с мехом внутрь и кожей наружу!

Я носил меховое пальто, сшитое несколько лет тому назад в Бостоне, теперь я разрезал его и разделил между сотрудниками и командой. Из пальто были сшиты чулки. Кроме того, я распорядился заготовить для каждого человека, по крайней мере, по четыре пары чулок из бараньего или оленьего меха и по три пары сапог из оленьей кожи.

Для шитья одежды и сапог мы раскраивали кожу на куски ножами и ножницами. Эскимосы пользовались месяцеобразным инструментом, напоминавшим мясорубку. Они работали очень ловко и прекрасно кроили одежду. Предварительно кожу надо было размягчить. Эту задачу мы выполняли, соскабливая мездру железом, а некоторые эскимоски размягчали кожу зубами.

Мы продолжали придерживаться порядка, установленного в последние месяцы нашего дрейфа: вели записи скорости ветра и состояния погоды и отмечали температуру, которая держалась на — 34° уже много дней. Широтой мы не интересовались, так как перед нами на расстоянии 60—80 миль была суша, не особенно отчетливо видимая в сумерки, но в ясные

дни, при ярком свете, она хорошо вырисовывалась. Свет, разумеется, приходил с юга, и суша, находившаяся в том же направлении, озарялась сумеречным пламенем. Солнце из дня в день подходило все ближе и ближе к горизонту.

Мы спасли хронометр, но обо что-то ударили его при переноске в лагерь и полагаться на него не могли. У меня были часы, которые я носил много лет, и я тщательно следил, чтобы они не остановились.

В каждом доме был вахтенный, который нес постоянные дежурства и поддерживал огонь. В шесть часов утра вахтенный будил повара.

Утром мы завтракали в те же часы, как и в последние месяцы на корабле. Огни гасились в 22 часа, и все ложились спать. В центре каждого жилища стояла печь, вокруг печи с трех сторон тянулись от стен нары. На матрасах, спасенных с судна, нам было тепло и удобно спать.

Работы было немало, но у нас оставалось время для игры в шахматы и карты, и по вечерам мы собирались вокруг огня, пели, иногда танцевали. Помню, однажды ночью я кого-то подхватил и, вальсируя, ударился о печку.

На «Карлуке» была хорошая библиотека. Мы спасли немало книг и теперь имели возможность читать. Моим постоянным спутником был «Рубайя» Омара Кайяма. У меня был экземпляр этой книги в кожаном переплете. Когда-то мне подарил его Чарльс Артур Мурро, который в 1901 году со мной, Гарри Уайтни и другими друзьями принял участие в охотничьем путешествии по Гудзоновой реке на судне «Алджерина». С тех пор я возил эту книгу повсюду, и если бы я не склеил ее во многих местах хирургическим пластырем, она разлетелась бы на куски. Я всегда с увлечением читал эту книгу, она была моим спутником во время путешествия в Южную Америку и другие чужеземные страны, на парусных судах, в годы моего ученья, когда я не имел еще звания капитана. Она дважды сопровождала меня в путешествии с Пири в Европу на судне «Рузвельт» и летом 1910 года принимала участие в охотничьем путешествии на «Боэтике» в Арктику, откуда мы привезли в Нью-Йорк, в Бронкский зоологический сад, мускусных быков и белого медведя — «Серебряного Короля». Я перечитывал книгу вновь и вновь, и казалось, что мне она никогда не надоест.

В ночь на 14-е собаки подрались, и одна из них была убита. Меня очень огорчила эта потеря, так как теперь собаки имели для нас особенно большое значение.

15, 16 и 17 января небо было покрыто облаками, ветер дул с севера и северо-востока, температура — 40° Ц.

Мы продолжали усердно шить меховую одежду, отремонтировали два шведские примуса и восемь примусов Лаветтовского образца и подсчитали, что на английском галлоне нефти, который вмещается в примусе, можно кипятить чай в течение четырнадцати дней, дважды в день.

ГЛАВА XIII

ПУТЕШЕСТВИЕ НА САНЯХ

17 января я решил отправить на сушу группу из четырех человек, чтобы выследить дичь, посмотреть, нет ли сплавного леса с острова Врангеля, сообщить о положении льда и проложить путь. Эта вылазка избавляла людей от вынужденного безделья, а некоторых от естественной тревоги, которую я не хотел поддерживать. Кроме того, она была очень полезна для нашего дальнейшего продвижения. Я не хотел отправлять всю партию до предварительной переброски запасов, которые обеспечили бы нас, по крайней мере, на четыре месяца.

И наконец, — долгое время люди жили на судне, они не привыкли к холоду и не имели опыта путешествий по арктическому льду, путешествий при низкой температуре и кратковременном, слабом свете; перевозка запасов на остров могла быть хорошей практикой.

Путешествие по морскому льду в любое время отличается, во всех отношениях, от путешествия по суше. На морском льду большую часть времени вы тратите на отыскивание хороших мест для прокладки санной дороги, годной для перевозки запасов, потому что лед непрерывно трескается, перемещается и, когда закрываются трещины, поднимается от сжатия, в форме фантастических хребтов.

Близ берега, где мы находились, поверхность льда была значительно хуже, чем кристальные равнины озер или прудов, по которым катаются на коньках.

За прошедшую неделю я заметил, что мы дрейфуем очень медленно, и решил, что, прежде чем мы начнем отодвигаться от суши, нужно воспользоваться увеличением дня, перевести достаточное количество запасов на берег и обеспечить партию до той поры, когда вскрыется лед и вернутся птицы. Если бы можно было отправлять людей маленькими

партиями для переброски запасов на остров, мы основали бы лагерь на берегу. Здесь люди могли бы сунуть обувь, перед путешествием по льду в Лагерь кораблекрушения за остальными запасами, особенно, если бы оправдались мои надежды и мы нашли достаточное количество сплавного леса на острове Врангеля. В лагере топлива было достаточно на целый год. По пути люди могли сооружать снежные хижины и отдыхать, и, если бы дорога на остров была проложена, при внимательном отношении и постоянной работе, все повреждения пути могли быть легко исправлены.

Во время этих подготовительных прогулок, как я называл их, люди должны были привыкнуть к путешествию по льду, и в конце концов вся партия с запасами переправилась бы на берег.

В первую партию были назначены: Андерсон, Баркер и матросы Кинг и Брэдли. Они отправлялись на остров с тремя санями и восемнадцатью собаками, в сопровождении Мэмэна и двух эскимосов; эта дополнительная партия должна была вернуться назад с собаками и санями.

18-го снова стоял дурной день с сильным северо-восточным ветром и ослепляющим снегопадом. Часть людей была занята погрузкой саней для партии, а другую часть я выслал вперед. Они должны были проложить кирками дорогу и помочь основной партии сняться с места. Но погода была так плоха, что люди были вынуждены вернуться в лагерь, едва пройдя две-три мили. Они сообщили, что видели на льду следы медведя, а в открытой полынье тюленей. У нас было достаточное количество тюленьего мяса, и мы решили на этот раз не выходить на охоту.

20-го мы с Андерсоном и Мак-Кинлеем проверили три упряжки и нашли все в полном порядке для путешествия, которое должно было начаться на другой день утром.

Бурная погода не унималась. Вахтенный разбудил меня в 4 часа, я вышел из палатки: бушевал сильный западный ветер, сопровождавшийся пургой.

Партия не вышла.

Днем шторм притих, в полночь небо очистилось, и воздух оставался спокойным, но холодным.

На следующий день, в среду, 21-го, условия были более благоприятны, и партия тронулась в путь.

Кроме устных наставлений о состоянии льда и необходимости вернуться в лагерь, если встретится полынья, я передал помощнику следующий письменный приказ:

Лагерь кораблекрушения, Полярное море

20 января 1914 года.

Дорогой мистер Андерсон.

Завтра утром с мистером Баркером, Мэмэном, матросами Кингом и Брэдди, с двумя эскимосами и тремя запряжками вы отправляетесь на берег. Сани нагружены пеммиканом, сухарями и нефтью. Список предметов прилагаю. Когда вы достигнете мыса Бэрри на острове Врангеля, возьмите запасы на свое попечение и уделите особое внимание их распределению. Днем рацион следующий: 400 гр. пеммикана и 400 гр. сухарей с чаем. Одного галлона нефти должно хватить на десять дней. Мэмэн оставит одни сани и палатку и захватит достаточное количество продовольствия для обратного путешествия в лагерь. Постарайтесь найти на острове дичь и собирайте весь сплавной лес, который вам попадется.

Преданный вам *Р. А. Бартлетт.*

Список вещей, отправленных на санях, поможет читателю определить, в чем нуждается путешественник по Арктике.

На первых санях лежали:

4 ящика пеммикана для людей.
1 жестянка пеммикана с Гудзонова залива.
10 галлонов каменноугольной смолы.
2400 чайных таблеток.

1 палатка.
1 примус.
500 патронов.
1 ружье.
Свечи, кирки, спички.
1 покрывало для саней.

На вторых санях:

10 кг сахара.
4 ящика собачьего пеммикана.
7 жестянок пеммикана с Гудзонова залива.
2 ящика сухарей.
12 жестянок молока.

1 примус.
1 винчестер (30×30).
500 патронов (30×30).
Свечи, спички, кирки, топоры.
1 покрывало для саней.

На третьих санях:

2 ящика собачьего пеммикана.
4 ящика пеммикана для людей.
7 жестянок пеммикана с Гудзонова залива.
1 ружье.
250 патронов.
1 жестянка каменноугольной смолы.

2 бутылки спирта.
Кирки, топоры, лопаты, веревка.
Спальные мешки и личное обмундирование.
1 пара норвежских лыж.
1 пара коротких лыж.
1 покрывало для саней.

Кров, топливо и пища, вот что необходимо для путешествий по льду и жизни на льдине. Снаряжая партию, мы снабдили ее всем необходимым. Количества запасов было достаточно на три месяца.

Мэмэну я дал короткое инструктивное письмо:

«Если вы потеряете дорогу и вам не удастся связаться с нашим лагерем, возвращайтесь на остров Врангеля и ждите моего прибытия».

Утром в 9 часов 30 минут партия тронулась в путь.

Все хотели облегчить хотя бы начало путешествия и сопровождали партию около пяти миль.

Дул сильный восточный ветер, дорогу замело снегом, но днем погода прояснилась. Теперь свет держался часа четыре.

Кроме пометки на карте, у нас было мало сведений об острове Врангеля. Основным источником информации служила небольшая американская «Люция», в которой имелась следующая заметка: «Этот остров впервые заметила научно-исследовательская партия, которой руководил русский адмирал Врангель.¹ Руководитель партии сомневался в существовании острова, но все же его назвали именем Врангеля. Юго-западная оконечность острова расположена в 109 милях от мыса Северного. Он должен быть известен китоловам, которые с 1849 года начали пробираться в это море и в течение многих лет побывали там не один раз. Люди с «Жаннетты» также видели его несколько дней, во время их памятного путешествия на северо-запад. Но первым, кто побывал на острове в 1881 году и кого мы хорошо знаем, был лейтенант Хуппер с американского судна «Корвин». Позднее, в том же году, остров был обследован партией американского судна «Роджерс». Эти два судна были посланы на поиски «Жаннетты», команда которой погибла в дельте Лены в то самое время, когда обследовался остров Врангеля. Остров Врангеля имеет 75 миль в длину и 25—30 миль в ширину. С северной стороны острова, миль на 12 от берега, тянутся обширные песчаные косы, и еще более обширные косы расположены на западной оконечности острова. Цепь высоких холмов проходит по всему побережью, а более низкая цепь пересекает центр острова с востока на запад. Весь остров состоит из ряда холмов, остроконечных вершин и долин. Высшая

¹ Фердинанд Петрович Врангель (1796—1870) — один из крупнейших русских полярников. В 1820—1824 годах он состоял начальником Колымской экспедиции. Острова, названного впоследствии его именем, он не видел, но предполагал о его существовании.

точка, ка будто, пик Бэрри; она поднимается в центре острова на 750 метров».

22 января я послал Чэфа и Виллиамса размечать путь к суше пустыми коробками от пеммикана. Пеммикан — основная пища полярных экспедиций. Как-то 120 дней я питался пеммиканом, сухарями и чаем и был вполне удовлетворен. В нашем лагере было два сорта пеммикана. Один для нас, состоявший из мяса, винограда, сахара и почечного жира, сваренных вместе, спрессованных и запакованных в голубые жестянки. И другой — для собак, без винограда и сахара, в красных жестянках.

В жестянки помещалось $2\frac{1}{2}$ кг пеммикана; он так запакован, что без труда вы можете вытащить 400 граммов. 400 г пеммикана, 400 г сухарей и чай — обычная порция на день.

Эти жестянки имеют около 35 см длины, 15 см — ширины и 10 см — толщины. Мы открывали жестянку с одной стороны и вынимали содержимое, потом открывали с другой и растягивали ее в плоский лист. Эту пластинку мы прикрепляли к ледяной глыбе, и она указывала дорогу, ее повреждение или близость воды. Красные и синие жестянки хорошо выделялись на белой поверхности льда и были видны на расстоянии двух-трех миль. Указывать дорогу жестянками от пеммикана я научился во времена моих путешествий с Пири.

Маллох получил инструкцию расставлять по пути значки, чтобы он мог найти обратную дорогу от лагеря к суше.

23 января. Погода напоминала типичную зимнюю оттепель в Новой Англии. Воздух казался почти весенним. Милях в двух от нас открылась полынья.

Вечером я сидел в палатке, как вдруг услышал шум на кухне и вышел.

Парусиновая крыша кухни и часть балок пылали в огне. Дымовая труба, выходившая через дыру из крыши, была окружена жестяными кольцами и асбестом. Повар перегрел печь, парусина высохла и вспыхнула. Ожесточенно размахивая руками, повар пытался потушить огонь. Он колотил все, что ему попадалось по пути, но огонь разгорался. Вскоре комья снега полетели на крышу, и огненные языки исчезли.

Следующий день мы посвятили ремонту ящичного дома и оборудовали его более комфортабельно.

Мак-Кинлей нашел ящик какао и разыграл с нами шутку.

Когда во время аварии мы выбрасывали за борт запасы, я отдал распоряжение не спасать табак. Я знал, что мы не

захотим обременять себя табаком во время путешествия на санях, и решил приучить команду обходиться без табака. Тем не менее, покидая судно, многие захватили табак и теперь раскуривали остатки.

Во время кораблекрушения большое количество табака случайно попало под снег и кому-то пришла в голову мысль разыскать его. Вот почему Мак-Кинлей пошел на разведки. Через некоторое время он вернулся, ничего не говоря, но делая вид, что ему что-то известно.

Все ждали, что он принесет табак или скажет, где он находится, и наконец заставили его провести нас к тому месту, которое он осматривал.

Он привел нас к ящику, торчащему из-под снега. Мы откопали ящик и начали открывать, страстно мечтая покурить. Но, увы, это оказался ящик с какао.

Мак-Кинлей позабавился, и мы посмеялись вместе с ним.

Чтобы утешить себя и других, я зашел в палатку, взял остаток табака, разделил его на маленькие порции и роздал людям.

Позднее, днем, вернулись Чэф и Виллиамс и сообщили, что на пути, по которому они прошли, никаких перемен не произошло.

ГЛАВА XIV

СОЛНЦЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

25 января — день радости. Вернулось солнце!

Вернулось после семидесяти одного дня тьмы и полусвета.

В полдень надо льдом с южной стороны поднялся его полудиск.

В четвертый раз в Арктике я видел возвращение солнца и на этот раз обрадовался ему особенно сильно, ведь успех нашего путешествия зависел от хорошего дневного света.

Вечером мы отпраздновали появление солнца. У нас на палубе стояли два ящика консервированных устриц. Во время аварии я выбросил их за борт. Они разбились и коробки с устрицами рассыпались, их замело снегом, потом мы раскопали снег, и наши сокровища были найдены.

В день появления солнца мы ели суп из устриц.

Наступила ночь. Прекрасная ясная ночь, с незначительным ветром. На юго-западе виднелась суша. Температура колебалась от -34° до -40° Ц.

Собравшись вокруг печки в ящичном домике, мы разыграли импровизированную программу: пели и декламировали. Кто-то прочел «Матрос». Монро продекламировал поэму Бэрнса. Мы спели все любимые популярные песенки — старые и новые. Эскимоска пела гимны, а маленькая девочка — колыбельные песни.

Трудно поверить, но мы веселились в те дни. Мы чувствовали себя хорошо, имели достаточно пищи и тепла.

Приходилось много работать, все были заняты, и не оставалось времени предаваться унынию и давать волю жалобам.

После трудового дня сон наступал быстро. У каждого из нас не было отдельной комнаты и ванны, но наши постели были очень удобны. На таких мягких постелях мне не приходилось ночевать ни в одном отеле. С каждым днем приготовления к сухопутному путешествию продвигались вперед.

27-го над горизонтом появилось солнце, и мы ясно увидели сушу.

При полусвете предыдущих дней величина суши менялась, мы рассматривали призрачные очертания и называли их островом Врангеля. Но теперь мы точно установили по карте, что перед нами был остров Геральда. В американском справочнике я нашел несколько слов об этом острове.

«Остров Геральда, высочайшая точка которого находится в 38 милях от острова Врангеля, был открыт капитаном Келлет, путешествовавшим на судне «Геральд» в 1849 году. Он имеет четыре с половиной мили в длину с северо-запада на юго-восток и состоит из плотной массы гранита, около 900 футов высоты. Остров почти неприступен. Лейтенант Хуппер с американского судна «Корвин» сходил на его берег в 1881 году и по барометру определил самую высокую точку на юго-востоке в 400 метров».

Мы с Хэдлеем держали пари, не помню о чем, на хороший обед в Виктории. Я проиграл пари, но до сих пор не выплатил его. Много месяцев спустя мы оба попали в Викторию, но о пари позабыли. Мистер Хэдлей, англичанин по рождению, покинувший родину юношей и объездивший весь свет в разных должностях, перечисленных в списках американского флота, был ценнейшим сотрудником нашей экспедиции.

28-го я послал трех человек проверить путь, проложенный партией моего помощника и Мэмэна. Они вернулись к концу дня и сообщили:

— Путь испорчен, мы не могли его исправить.

На следующий день я послал их с мистером Хэдлеем. Они успешно восстановили путь и добрались до первой стоянки Мэмэна, находившейся в 20 милях от нашего главного лагеря.

Перед уходом Мэмэна я сказал ему:

— Ко времени вашего возвращения, чтобы указать вам путь, я разведу близ Лагеря кораблекрушения костры, один до наступления, а другой после наступления темноты.

Мы развели костры, употребив тридцать мешков угля, китоловную лодку и десять жестянок газolina. Поднялся сильный дым. Ночью мы открыли бутылку спирта, зажгли лодку и три ящика, облитые газoliном.

30 января — прекрасный день, температура — немного ниже нуля. Чэф, Виллиамс и Морер направились во второй лагерь и в 15 часов 30 минут, меньше чем через полтора часа, вернулись и сообщили, что путь в порядке. Они воткнули флаг в том месте, где повернули обратно.

Отправляясь в недалекие прогулки, люди брали с собой запасы и раскладывали их на пути, для будущего пользования.

На следующий день рано утром я предполагал выслать партию Хэдлея к третьему привалу Маллоха, но они выбрались только к десяти часам. Ушли Хэдлей, Виллиамс, Морер и Брэдди. К шести часам они вернулись и сообщили, что до третьей стоянки не дошли, состояние пути нашли хорошим и предполагали, что путь благоприятен и дальше. Между Лагерем кораблекрушения и лагерем Мэмэна лед слегка переместился. По их словам, наш костер был виден на расстоянии четырех миль от лагеря. Я начал беспокоиться о Мэмэне и 27-го утром решил организовать тщательные поиски.

Когда партия Хэдлея вернулась, ко мне пришли доктор и Меррей и попросили выдать для похода на сушу сани и паек на 5—10 дней на четырех человек. У них нехватало терпения. Я советовал не торопиться и подождать, пока условия, которые по мере усиления света улучшались с каждым днем, будут вполне хорошими для отправки всей партии.

Они отнеслись с недоверием к моим словам и решили идти своим путем. В конце концов я сказал:

— Если вы подпишете договор, освобождающий меня от ответственности, я дам согласие. Кроме того, — добавил я, — если кто-нибудь из вас захочет вернуться в лагерь и присоединиться к остальной партии и если вам понадобится помощь, я сделаю все, что будет в моих силах.

Партия состояла из четырех человек: доктора, Меррея, Бэша и матроса Морриса. Моррис отправлялся по собственному желанию и явился ко мне за разрешением. Это был молодой работоспособный человек, лет двадцати шести, я знал, что он будет полезен партии, и дал согласие.

Я предложил партии доктора взять пропорциональную долю собак, как только последние вернутся с Мэмэном, но они отклонили мое предложение.

— Мы предпочитаем тащить сани руками, — заявил доктор.

Партия тотчас принялась за подготовку к отъезду, под наблюдением Мак-Кинлея, который помог проверить и запаковать запасы.

В то же время Чэф и Виллиамс собирались отправиться на санях Пири с четырьмя собаками в упряжке, чтобы подвезти запасы, по пути Мэмэна, поближе к суше.

ГЛАВА XV

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЭМЭНА И ОТЪЕЗД ПАРТИИ ДОКТОРА

3 февраля был великолепный ясный рассвет. Близ Лагерь кораблекрушения появилось несколько узких прогалин. Вокруг нас то тут, то там беспрерывно трещал лед. Ветер переменил направление и скорость, и мы продолжали дрейфовать при бесконечном треске и сверлящем шуме. Наша льдина оставалась нетронутой, но по краям выступала свободная вода, она покрылась тонким льдом, недостаточно крепким, чтобы выдержать постоянное сжатие.

В 7 часов 30 минут Чэф и Виллиамс с санями Пири и четырьмя собаками отправились в четвертый лагерь Мэмэна, захватив для него следующие запасы: 8 жестянок собачьего пеммикана с Гудзонова залива, ящик собачьего андервудовского пеммикана, 2 ящика сухарей, ящик каменноугольной смолы, запас продовольствия для людей и собак на 70 дней, лагерное оборудование и пустые банки от пеммикана, чтобы отмечать путь.

Весь день мы ждали Мэмэна и двух эскимосов.

В 30 метрах от лагеря возвышался высокий гребень, который мы использовали в качестве наблюдательного пункта. При дневном свете мы часто направлялись туда. Керрук очень беспокоилась о муже. У нее было хорошее зрение, и я часто просил ее осматривать путь Мэмэна.

Перед наступлением темноты, т. е. около 16 часов, когда большинство из нас сидело в хижине за питьем, вошел Брэдди и сообщил:

— Кажется, идет Мэмэн.

Все стремительно выбежали.

Керрук стояла на гребне, но было слишком темно и плохо видно.

Вдруг я услышал лай собак и голос гнавшего их Катактовика.

Я выбежал на дорогу и встретил партию, возвращавшуюся быстрым шагом.

— Да здравствует Норвегия! — закричал я, пожимая руку Мэмэна и хлопая его по спине.

Они вошли в лагерь, раздавались радостные восклицания. Мы повели путников в дом и напоили горячим кофе с печеньем. Приближалось обеденное время, но мы отложили обед почти на полчаса. Собаки тоже были голодны, и, приготовив для них пеммикан и нарезанное накануне тюленьё мясо, я сам накормил их.

До обеда не было разговоров о путешествии. Потом Мэмэн сообщил нам о своих испытаниях. Они сделали одиннадцать привалов, пока не остановились перед полыньей в трех милях от суши. Выслушав рассказы о земле, которую они видели, я еще раз пришел к заключению, что это был остров Геральда, а не Врангеля. Мои первые предположения подтвердились.

Партия совершила прекрасный поход, не встретив ни полыньи ни торосов, с которыми мы сталкивались во время нашего дальнейшего путешествия.

31 января они добрались до полыньи. В пути убежала одна собака, а Кинг отморозил себе пятку. Особых приключений не было. Мэмэн и эскимосы провели с береговой партией день и 1 февраля тронулись обратно в Лагерь кораблекрушения.

Они сообщили нам, что Андерсон решил переправиться на берег, как только закроется полынья. Это меня очень беспокоило. Я знал, что мой помощник и его партия мало осведомлены в путешествиях по молодому льду, знал, что остров Геральда представляет собой неприступное и обрывистое место, и, согласно отчетам американского правительства, на его берегах нет сплавного леса. В сущности говоря, там и берега не было. Вряд ли можно назвать берегом чрезвычайно узенькую полоску земли. Небольшой скалистый островок был очень неудобен для расположения партии. Когда уходил Мэмэн, не было возможности пройти на берег острова, и Мэмэн был твердо уверен, что партии не удастся перебраться на сушу. Я надеялся, что они отправятся на остров Врангеля и выполнят все наши задания.

Путешествие Мэмэна в лагерь прошло значительно быстрее, чем путешествие на берег, так как было больше света, и партия могла спать в ранее построенных хижинах. В последний день они сделали великолепный переход. Покинув хижину утром, они шли весь день, ни разу не остановились и, сменяя друг друга, поочередно вели собак.

Как только одежда высохла, я решил послать Мэмэна к эскимосам обратно на остров, чтобы определить местонахождение партии моего помощника. В то же время они могли забросить по пути запасы. Теперь, по проложенной дороге, продвижение должно было быть легче.

4 февраля в 21 час Меррей, Бэша и Моррис отправились в путь, потащив нагруженную запасами упряжку.

Немного позже вернулись Чэф и Виллиамс. Они благополучно перебросили запасы на четвертую стоянку и с нашей помощью принялись сушить одежду, готовясь к новому путешествию на берег.

На обратном пути они встретили доктора и его спутников.

Перед отъездом партия доктора вручила мне следующее письмо:

Канадская арктическая экспедиция.

Воскресенье, 1 февраля 1914 года.

Капитану Роберту Бартлетт.

Сэр!

Мы, нижеподписавшиеся, принимая во внимание создавшееся критическое положение, хотим сделать попытку добраться до берега и просим вашего разрешения снабдить нас из общих складов упряжкой и лагерным снаряжением для предстоящего путешествия. Полагаем, что, сделав это, вы будете выдавать нам пропорциональную долю продовольствия во время нашего пребывания в лагере, если мы будем вынуждены вернуться. Мы принимаем путешествие на свой собственный риск и освобождаем вас от ответственности, что бы с нами ни случилось.

*А. Форбс Мэккей, Х. Бэша,
Джеймс Меррей, Моррис.*

Их снаряжение состояло из следующих вещей: 1 упряжка, 1 непромокаемая палатки, 38 кг андервудовского пеммикана, 44 кг пеммикана с Гудзонова залива, 56 кг сухарей, 4 жестянки сушеного молока, 12 кг сахара, 4 коробки чайных таблеток, 16 банок какао, 52 шоколадных кекса, 6 галлонов каменноугольной смолы, четверть спирта, 1 примус, 4 кружки, 4 ложки, 1 лопата, 1 пешня, 1 топор, 1 ружье, 100 патронов, 20 метров веревки, 2 дюжины свечей, пачка спичек, 2 кг масла, пол для палатки и план острова Врангеля. Этих запасов было достаточно на 50 дней.

7 февраля повар встал в 4 часа, и мы завтракали в 5 час. 30 минут.

В 7 часов 15 минут, Чэф и Виллиамс отправились в лагерь, нагрузив сани следующими запасами: 38 кг андервудовского пеммикана, 32 кг пеммикана с Гудзонова залива, бак с керосином, семидневный паек для них и собак и лагерное оборудование.

Они приготовили достаточное количество запасов для четвертого лагеря, сложив на трех санях груз, весом в 720 кг.

Им предстояло отправиться на розыски партии помощника, оставить одну упряжку и часть запасов в самом дальнем пункте, который им удастся достичь, и взять обратно двое, освободившихся саней. Мэмэн должен был сообщить о состоянии пути и выполнить основную часть моего плана по доставке запасов на берег до прибытия всей партии. Если ему не удалось бы найти партию помощника, надо было предполагать, что она отправилась на остров Врангеля.

В 14 часов Мэмэн вернулся в лагерь. В пути он вывихнул коленную чашечку, уже однажды вывихнутую при лыжном прыжке в Норвегии. Несмотря на случившееся, он пытался ехать вперед, но встретил Чэфа и Виллиамса. В четырех милях от лагеря Виллиамс провалился сквозь тонкий лед и решил вернуться, чтобы высушить одежду. Мэмэн рассказал о вывихе, после чего было решено, что он и Виллиамс вернутся в лагерь, а Чэф возьмет на себя командование партией Мэмэна и отправится на остров.

Я был занят лагерными делами, но когда они вернулись, понял, что что-то случилось, и пошел их встречать. Мэмэн ехал на санях, а Виллиамс бежал — он хотел согреться: было очень холодно, а наш путешественник промок основательно.

Мы зашли в ящичный домик, Виллиамсу дали горячего чая и переменяли одежду. Потом я послал его с старшим механиком догонять Чэфа и продолжать путешествие на берег.

Второй механик Виллиамсон обследовал колено Мэмэна, промассировал его и вправил коленную чашечку. Операция была не так проста, так как чашечка выскочила из впадины, ее надо было подтянуть и поставить на место. Мэмэн долго хромал, вывих был очень болезненным.

В воскресенье, 8-го, я подсчитал запасы и выяснил, что в лагере осталось 1972 кг пеммикана и 2000 кг были переправлены в лагерные стоянки. Здесь мы не ели пеммикана, а собак кормили преимущественно тюленьим мясом. Большинство собак было разослано в разные точки, в лагере оставались только самые малосильные.

9-го после полудня вернулись Монро и Виллиамс. Они натолкнулись на полынью между второй и третьей стоянкой и не могли добраться до партии Чэфа.

На следующий день они снова отправились в поход, хотели дойти до полыньи, но днем лед затянулся, и они дошли до пятой стоянки. Здесь им не удалось найти достаточно устойчивой льдины, чтобы устроить убежище, и они вернулись и сгрузили все запасы на четвертой стоянке, расположенной на крепкой льдине, в идеальном месте для убежища.

11-го рано утром Монро с Маллохом снова покинули лагерь. На четырех собаках они везли семь ящиков пеммикана, лагерное снаряжение и запас продовольствия на семь дней. Они собирались дойти до пятой стоянки и оставить пеммикан в более безопасном месте. Температура стояла —39° Ц, держалась замечательно ясная погода.

На следующий день погода изменилась. Небо было мрачным и облачным, дул свежий северо-восточный ветер. Барометр упал. Казалось, хорошей погоде пришел конец, и я боялся, что снежный буран застигнет партии, находившиеся в пути.

К ночи поднялся сильный восточный ветер, он свирепо шумел и на следующий день, а я с грустью наблюдал за ним. Если бы ветер продолжался еще дольше, мы продвинулись бы на запад. Но следующий день оказался великолепным, с чистым и морозным воздухом и совсем незначительным ветром. Земля отчетливо вырисовывалась, и мне казалось, что на юго-западе виден остров Врангеля.

Около полудня вернулся Маллох со старшим механиком. Им пришлось провести очень тяжелую ночь. В конце дня, чтобы сэкономить время, они пошли по тонкому льду, и Монро провалился. Сани начали тонуть. К счастью, Монро удалось выбраться. Они вытащили сани, но пеммикан погиб, одежда и лагерное снаряжение промокли, а печка сломалась, им нигде было согреться, и, чтобы не замерзнуть, они всю ночь бродили по льду.

Тотчас мы позаботились о теплой одежде для Маллоха и старшего механика, очистили сани и нагрузили их снова для Брэди и Морера, которые на следующий день отправлялись на четвертую стоянку.

На следующую ночь наступила моя очередь быть вахтенным, и я провел большую часть времени за картой. От нашей теперешней стоянки остров Геральда находился как будто в шестидесяти милях.

15-го Брэди и Морер отправились на четвертую стоянку с семью ящиками пеммикана.

На другой день в 16 часов пришли Чэф и эскимосы. Их очень сердечно приветствовали. Чэф сообщил, что ему удалось добраться до места, находившегося в трех милях от острова Геральда, как вдруг его отрезала полынья. В сущности говоря, в течение двух дней его партия дрейфовала на маленьком клочке льда по трехмильной полынье. Они подошли достаточно близко к берегу, чтобы отчетливо видеть землю, но, наблюдая в бинокль, не видели ни людей, ни палатки.

Выслушав их рассказ, я пришел к заключению, что помощник и его партия выполнили приказ и отправились на остров Врангеля — это предположение казалось очень вероятным.

Во время перехода эскимосы занялись охотой, и им удалось добыть четырех тюленей.

На обратном пути дорогу замело, и партия с трудом разыскала ее. В двадцати милях от острова Геральда они встретили партию Мэккея, направлявшуюся к берегу. Мэккей, Меррей и Моррис тащили сани. Бэша, с отмороженными руками и ногами, в состоянии полупомешательства от страданий, отстал от них на полмили. Моррис отрезал ему левую руку ножом, у него началось заражение крови, и, по мнению Чэфа, к ночи Бэша суждено было умереть.

Перед отправкой партия Мэккея вытащила весь пеммикан и уложила его в мешок. При переходе по тонкому льду сани провалились в воду, и мешок с пеммиканом подмок.

Все они были в плохом состоянии. Чэф предложил им помощь, но от нее отказались, заявив, что намерены достичь острова Врангеля, и взяли только немного тюленьего мяса, которое имелось у Чэфа.

Вскоре после возвращения Чэфа явились Морер и Брэди. Они доложили о благополучной доставке груза на четвертую стоянку. Кроме четырех людей из партии помощника и четырех из партии доктора, все снова собрались в Лагере кораблекрушения.

Неизвестность положения партии помощника очень тревожила меня. Я думал, что они, быть может, вернутся с Чэфом и примут участие в нашем общем походе на остров, который я решил предпринять как можно скорее.

Северо-восточный ветер, начавшийся 17-го, продолжался несколько дней. 17-го и 18-го все были заняты тяжелой работой, мы сушили одежду и готовили к походу упряжки и снаряжение. Начался резко выраженный дрейф на запад, а 18-го нас отнесло от острова Геральда на юго-восток.

ГЛАВА XVI

ЧЕРЕЗ ЛЬДЫ К ОСТРОВУ ВРАНГЕЛЯ

Утром 19 февраля я разбудил повара в 4 часа, чтобы передовой отряд мог перед выступлением пораньше позавтракать.

Собрались две партии, — каждая получила сани, четырех собак и людскую упряжку, которая в случае необходимости должна была помогать собакам.

Участниками первой партии были: Маллох, Хэдлей, Виллиамсон и Брэдди; второй: Монро, Морер, Виллиамс и Чэф.

На сани первой партии погрузили 6 ящиков пеммикана для людей, 2 ящика сухарей, 2 галлона керосина, 84 жестянки молока, 2400 таблеток чая в герметически закупоренных жестянках, одно ружье, 1 примус, 1 галлон спирта, 500 патронов 22-калиберных, 1 винчестер, 1 пару лыж, спички, кирку, топоры, палатку и спальные мешки.

На другие сани: 5 ящиков пеммикана для людей, два ящика сухарей, 84 жестянки молока, 2 галлона керосина и один галлон спирта, 2400 таблеток чая, 1 примус, 1 ружье, спички, кирку, топоры, палатки, лыжи и карту острова Врангеля.

Каждый человек получил смену егоровского белья.

В пути партии должны были собирать запасы и замещать ими израсходованные во время похода, чтобы притти на берег с полной нагрузкой.

Этот поход должен был привести восемь человек на остров Врангеля. Они попрощались с Лагерем кораблекрушения навсегда.

В 8 часов партия выступила.

На одних санях ехал пассажир. В Эскимо при посадке на пароход какой-то человек подарил нам кота, черного как пиковый туз. Сначала он жил в баке, потом вылез, Хэдлей заинтересовался нашим спутником и начал обучать его различным трюкам.

После аварии, когда мы бросали вещи с борта корабля, я распорядился положить кота в корзинку и отнести в ящичный домик. Там он чувствовал себя превосходно. Как-то у него произошло столкновение с собакой, она вошла в ящичный домик, и кот внезапно впился в собачий нос. Собака освободилась и попыталась отомстить. Мы спасли кота, и с тех пор он не трогал собак.

Теперь, когда передовой отряд тронулся в путь, Хэдлей и Морер изготовили олений мешок для перевозки кота, и он с достоинством путешествовал в нем. Пища кота состояла главным образом из остатков пеммикана.

Я предполагал двинуться с последней партией, через день после отъезда передового отряда, но Кердрилло не был в состоянии идти. Он повредил себе спину во время похода на остров Геральда и так мучился, что было благоразумнее выждать, пока ему станет лучше. У нас были две больных собаки,—задержка в лагере дала и им возможность поправиться.

Путешествие по льду так же трудно для собаки, как и для человека. К тому же, собаки вечно дерутся между собой, если за ними строго не наблюдать. Во время драки одной из собак так искусили ногу, что Мэмэну пришлось наложить девять швов хирургической иглой и шелковой ниткой. Кроме Нелли, у которой были щенята, в лагере оставалось двенадцать собак. Для Нелли и щенят мы построили снежный дом, но так как нам было ясно, что щенята не смогут сейчас служить нам, мы убили их, чтобы сохранить Нелли силы.

В течение нескольких дней дул сильный восточный ветер, который намет снежные сугробы.

Мне хотелось очень знать, как продвигается передовой отряд и что он думает о положении оставшихся.

Ежедневно я растирал спину бедному Кердрилло, клал компрессы, но поправлялся он медленно.

Болезнь Кердрилло была не единственным препятствием к нашему немедленному отъезду. Стояла слишком плохая погода, и переждать в лагере было значительно разумней, чем расходовать запасы топлива в снежной хижине, скрываясь от шторма.

Мы кормили собак тюленьим мясом и пеммиканом, которого у нас все еще было достаточно. Я давал собакам столько кормежки, сколько они могли съесть, чтобы сохранить их силы для последнего похода.

Нам предстояло длительное путешествие и много бессонных ночей...

Эскимосы занялись сооружением гарпунов и крючьев на случай, если вещи упадут в полынью и нам придется вытаскивать их. Кроме того они привели в порядок лыжи и приспособили рукоятки кирок, чтобы легче было владеть ими при разрезывании снежных комьев для постройки хижин.

Запасную палатку засыпало снегом. Раскопав ее, я смог извлечь несколько полезных вещей. Все мы выбрились, выкупались и переменили белье. Свою гребенку я подарил Керрук и теперь причесал волосы с помощью вилки.

У нас осталось очень мало табаку. Мэмэн нашел щепотку жевательного и заложил его за щеку. Керрук, которую мы называли «тетушкой», сохранила немножко табаку, и когда мне захотелось курить, я попросил у нее щепотку для трубки.

23 февраля шторм стих.

Огромные валы снега высоко громоздились вокруг лагеря. Две хромые собаки сидели вместе с нами в ящичном домике. Остальные находились в снежной хижине, которую раньше занимали люди, ушедшие на берег.

23-го нам пришлось потратить почти весь день, чтобы сквозь снег проложить дорогу из ящичного домика в снежную хижину. Проложив дорогу, мы накормили собак, потом откопали палатку и начали готовиться к отъезду. Мы бодрствовали всю ночь и привели в окончательный порядок нашу одежду.

24 февраля в 4 часа, выпив кофе, мы начали грузить сани. Как только сани Кердрилло были нагружены, я отправил их. С Кердрилло пошла его жена, двое детей и повар Темплеманн.

Керрук несла на спине маленькую Мугпи, — старшая девочка шла пепком и порой помогала отцу управлять санями.

У Кердрилло было пять собак. На его сани были нагружены 4 ящика пеммикана, 48 жестянок молока, 2 ящика сухарей, жестянка керосина, 2400 таблеток чая в герметически закупоренных жестянках, 1 винчестер (30 × 30), аммуниция, палатка, примус, топор, две кирки, свечи, галлон спирта, спички, снежные ножи и спальные мешки.

У остальных были двое саней, одни с тремя собаками в упряжке, управляемые Катактовиком, другие с четырьмя собаками, управляемые мною.

На сани Катактовика нагрузили 3 ящика пеммикана, 36 жестянок молока, 2 ящика сухарей, 10 галлонов керосина и 2400 таблеток чая. На моих санях находились 4 ящика пеммикана, 2 ящика сухарей, 36 ящиков молока, 12 жестянок

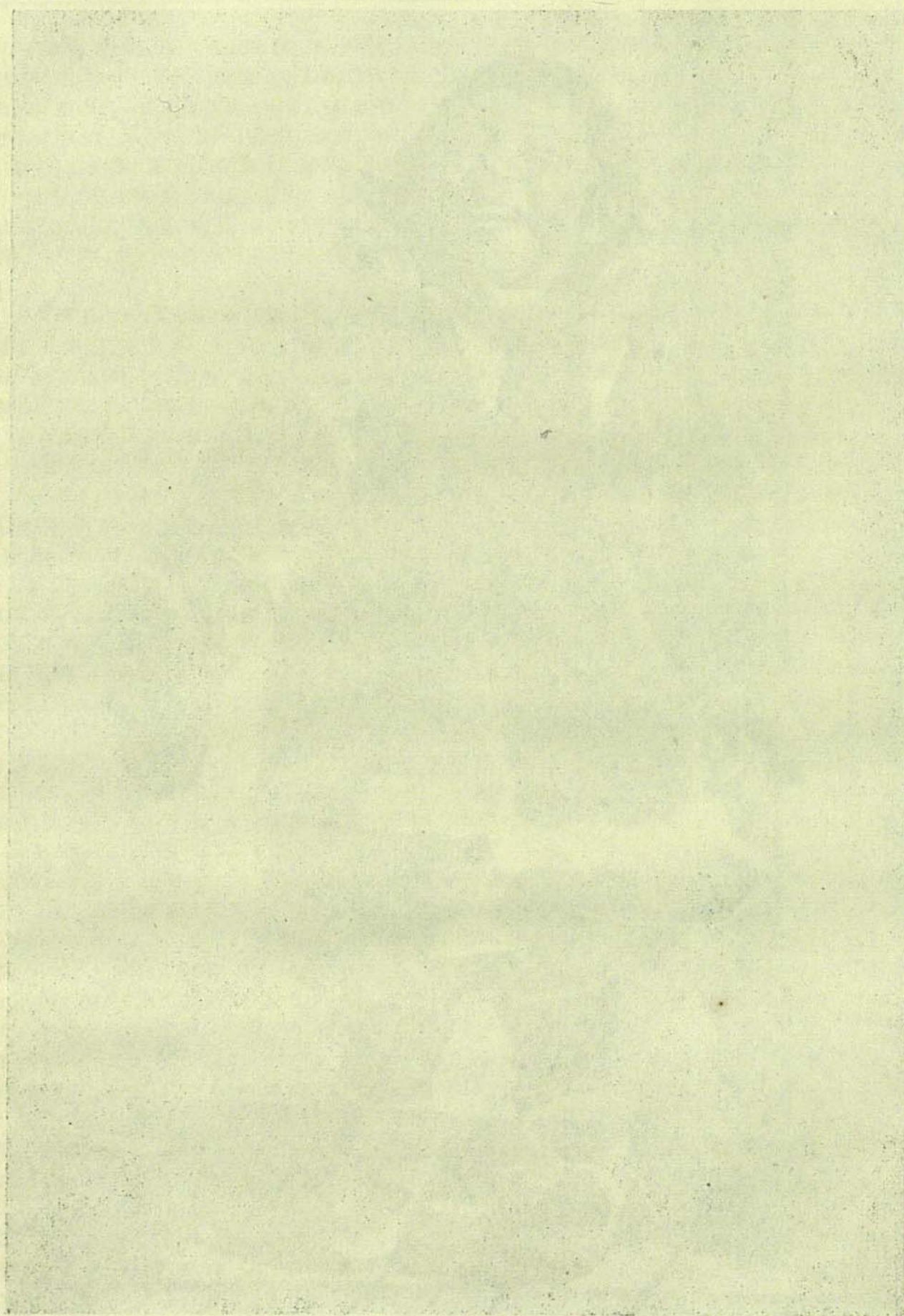

Маленькая Мугли

THAT

UNITED STATES

каменноугольной смолы, 2400 чайных таблеток, палатка, примус, спички, топор, 2 кирки, свечи, 1 короткие лыжи, галлон спирта, пара норвежских лыж, Манлихеровское ружье, кольт, спальные мешки, веревка и запасная упряжка. Не имея достаточного количества собак для упряжки, мы были вынуждены оставить сани Пири в лагере. Наши трое саней с грузом в 160 кг были слишком тяжелы для собак, среди которых были больные.

Около полудня Катактовик, Мак-Кинлей, Мэмэн и я наконец выбрались из лагеря.

Мак-Кинлей тянул упряжку, помогал тащить сани, а я правил собаками. Вывихнутая коленная чашечка попрежнему беспокоила Мэмэна. Он не мог помогать Катактову толкать сани и прихрамывая шел сзади. Его раздражала временная бездеятельность, но я подбодрял его, напоминая о том, какую важную работу он выполнил.

В медном баке на льду мы оставили записку, она сообщала о том, где и когда погибло судно и когда мы покинули лагерь; перечисляя имена участников различных партий, я сохранил порядок, в котором они отправлялись в путь.

В лагере и на льду мы оставили два склада, здесь находилось около 1200 кг пеммикана, 80 ящичков сухарей, 200 мешков угля, 10 жестянок газolina, 2 бочки каменноугольной смолы и различные остатки.

Над лагерем мы повесили британский флаг.

Карты я взял с собой.

В день ухода, когда небо внезапно прояснилось и снег перестал падать, я впервые ясно рассмотрел остров Врангеля.

К ночи мы добрались до второй стоянки, и я объявил привал. Мы предполагали дойти до третьей стоянки, но было очень темно. Мы не спали прошлую ночь, тяжело работали весь день и очень устали.

Раскинув палатку, мы легли спать и провели неприятную ночь под парусиной. Палатка была недостаточно велика, но все же все четверо уместились под крышей. В первый день похода собаки бежали очень лениво, так как за время вынужденного пребывания в лагере они были чрезмерно перекормлены.

На следующее утро, приветствуемые дневным светом, мы встали в 4 часа и, после обычного чаепития с сухарями и пеммиканом, тронулись в путь.

Все с радостью покинули лагерь, собаки работали лучше, чем вчера, и нам удалось сделать большой переход. Во многих

местах шторм испортил дорогу, и работа разведочной партии принесла нам небольшую пользу. Иногда мы могли идти по проторенному пути, но большею частью вынуждены были прокладывать новый, руководясь расставленными пустыми банками от пеммикана, оставшимися нетронутыми флагами и островом Врангеля, видневшимся на юго-западе.

Мы старались придерживаться общего направления и двигаться от привала к привалу, хотя часто это отнимало много времени и заставляло вновь изучать путь.

На четвертой стоянке я нашел записку Монро. Он писал, что партия была задержана здесь полынью и сильным ветром, очевидно, тем, который задержал нас в Лагере кораблекрушения, и что поблизости они убили белого медведя. Я узнал об этом до прочтения записки, когда зашел в хижину и увидел большой кусок медвежьего мяса, оставленного для нас. Они не могли захватить весь пеммикан, но и мы взяли только несколько жестянок, так как сани были основательно перегружены.

Далее записка Монро гласила о том, что впереди дорога занесена. В пути мы встретили много препятствий, но меня беспокоило положение передового отряда, я хотел догнать Кердрилло, и мы старались идти по возможности быстро.

В 15 часов 30 минут мы добрались до шестого привала.

Стоянки были расположены на расстоянии от 4 до 10 миль друг от друга. На шестом привале мы нашли пять галлонов керосина, немного спирта, три ящика пеммикана и четыре ящика сухарей, оставленные передовой партией.

Поблизости должно было быть еще одно убежище, но лед заторосился под влиянием последнего шторма, разрушил убежище и погубил большое количество сухарей, пеммикана и галлонов двенадцать керосина.

В 15 часов 30 минут, мы, наконец, соединились с партией Кердрилло. Нам удалось пройти 30 миль от Лагеря кораблекрушения до шестого привала за два дня — 12 в первый день и 18 во второй. На этой стоянке хижину уже занял Кердрилло с женой, и мы себе построили другую.

При постройке снежной хижины прежде всего необходимо найти ровное место на прочном льду. Конечно, не всегда можно найти идеальное место, приходится довольствоваться самым плотным снегом, какой удастся найти, и попытаться счастья. Снег должен быть твердым и плотно слежавшимся. Снежные комья режут снеговым ножом, — инструмент со стальным лезвием, около 45 см длины и 5 см ширины.

с деревянной ручкой. Мы удлиннили ручки наших снеговых ножей, прикрепив к ним рукоятки топоров, и могли работать обеими руками. Иногда мы резали снежные комья не ножом, а обыкновенной ручной пилой.

В далеком прошлом для этой цели эскимосы пользовались ножом из камня или кости.

Величина снежных комьев берется различная. Для нижней части хижины употребляются самые большие снежные комья, для верхней — комья поменьше. Настоящая законченная хижина имеет круглую форму с остроконечной крышей. Соорудить крышу не так просто. Эта работа требует большой ловкости и практики. У эскимосов укладка крыши отнимала много времени. Нам крышу заменяла палатка, а лыжи мы ставили в виде подпорок.

Посреди хижины мы делали нары; они были достаточно велики, и все мы могли улечься на них. Накрыв нары мехами, мы укладывались спать. Спали одетыми, ничем не покрываясь. На морском льду не безопасно употреблять спальные мешки. Лед треснет, они могут связать по ногам и рукам, и вы погибли.¹

Мы никогда не простуживались. Простуда и воспаление легких не существуют в Арктике.²

Закончив постройку и просверлив с одной стороны полукруглое отверстие, мы заползали в хижину, потом закрывали дыру снежным комом и так прижимали его, что воздух не проникал. Для вентиляции просверливались маленькие дырочки в стенах.

Внутри, при свете свечи, мы разжигали примус, кипятили чай, ели сухари и пеммикан и ложились спать.

Мы не страдали бессонницей, но иногда невольно бодрствовали. Например, в ночь на 25-е между 22 и 23 часами поблизости от нашего лагеря начал трескаться лед, и время от времени в нашей хижине чувствовались толчки, точно от землетрясения. Через снежные стены я слышал шаги эскимоса.

¹ Известен замечательный случай, когда два человека, спавшие в одном спальном мешке, проснулись от падения в воду с высоты тороса (или айсберга), расколовшегося как раз в месте, где лежали люди. С большим трудом удалось им спастись. Эти двое были: штурман Альбанов и матрос Линник — единственные спасшиеся с русского корабля «Св. Анна», пытавшегося в 1912 году пройти Северовосточным проходом.

² Это не совсем верно. Эти болезни случаются также и в Арктике, но лишь очень редко. Зато они протекают в арктических условиях обычно довольно тяжело.

Катактовик вышел на лед, чтобы узнать, что случилось, и тотчас вернулся обратно. В хижине Кердрилло, — она находилась в пяти метрах от нас, — появилась трещина до одного метра шириной. Керрук чуть не потеряла ребенка, но, к счастью, все своевременно выбежали на льдину.

Вокруг нас всю ночь продолжал ломаться лед, но наша хижина осталась невредимой, и Керрук с детьми остаток ночи провела в ней, а мы бродили взад и вперед в ожидании дневного света.

Было не особенно темно, звезды ослепительно сверкали, температура стояла — 40°.

С появлением дневного света я послал Мак-Кинлея и Катактовика со всеми собаками и пустыми санями обратно в Лагерь кораблекрушения за оставшимися там тридцатью галлонами нефти. В их распоряжении были три упряжки, и они могли быстро обернуться.

После ухода Мак-Кинлея и Катактовика мы с Кердрилло отправились на разведку — осмотреть, в каком состоянии находится путь. Шторм уничтожил старую трассу, а новая, проложенная партией Монро-Хэдлея, уже испортилась, правда, пока не очень сильно.

Во время нашей разведки Кердрилло поймал в бинокль силуэты двух людей из передового отряда, едва видимые на горизонте, на вершине тороса, милях в восьми от нас.

Вернувшись в лагерь, я приказал Кердрилло построить другую хижину для его партии. В течение дня лед снова сомкнулся.

На следующий день около 14 часов 30 минут из Лагеря кораблекрушения вернулись Мак-Кинлей и Катактовик, они привезли 30 галлонов керосина, 2 фляги спирта, 12 тюленьих кож, несколько кож лани и 6000 таблеток чаю. Мак-Кинлей сообщил, что на всем протяжении путь исправен. Очевидно, движение льда произошло только на месте шестого лагеря, где мы находились.

ГЛАВА XVII

ПО ТОРОСИСТЫМ ЛЬДАМ

На рассвете 28 февраля, оставив на шестой стоянке несколько ящиков сухарей, спирта и каменноугольной смолы, мы снова направились к берегу, следуя по пути, проложенному передовым отрядом. В 13 часов мы присоединились к нему. Их задержало огромное скопление развороченного льда, вышвырнутого штормом, который задержал и нас в Лагере кораблекрушения. Торосы были от восьми до тридцати метров высоты, они пересекали наш путь, шли параллельно суше и простирались во всех направлениях. Куда ни помотришь, везде были торосы. Ясно, что обойти их невозможно. Нам предстояла тяжелая работа — проложить через торосы дорогу, годную для саней.

Мне приходилось видеть непроходимые льды во время наших полярных экспедиций, но такие льды я видел впервые.

В 15 часов я приказал всем приняться за постройку хижин и сообщил, что завтра мы начнем кирками пробивать дорогу через торосы.

Пока строилась хижина, я изучал торосы. Моя разведка заняла много времени, и я вернулся, когда уже стемнело.

У нас не было термометра, и мы не могли точно определить температуру, но, судя по состоянию каменноугольной смолы, густой и вязкой, было от -42° до -45° .

Стояла великолепная погода для санной езды, ясная и спокойная, — но дорога!... дорога никуда не годилась.

1 марта, при дневном свете, я послал Чэфа и Мэмэна с пустыми санями и десятью собаками за нефтью, сухарями и спиртом, оставшимися в шестом лагере. Они явились к концу дня с сильно перегруженными санями.

Днем я обнаружил, что Маллох и Морер отморозили ноги. Оба мучились, сильно хромали и до выздоровления могли передвигаться с большим трудом. К счастью, они сказали

о случившемся достаточно своевременно, и мы имели возможность предупредить серьезные осложнения.

На следующее утро я послал Мак-Кинлея, Хэдлея и Чэфа в Лагерь кораблекрушения. Они привезли сани Пирри, оставленные в лагере, и весь запас пеммикана, сухарей и чая.

Наша работа по прокладке пути, начатая накануне, постепенно подвигалась.

Было холодно.

Какая утомительная работа!

Каждый метр пути нужно было прорубать во льду, чтобы проложить достаточно гладкую тропу, по которой могли пройти наши сани.

В 15 часов нам удалось перешагнуть первую цепь торосов и стать на маленькую гладкую льдину.

Мы были еще далеко от противоположной стороны больших торосов, но мы усердно работали и медленно продвигались вперед. Я попросил повара сбегать в лагерь и сказать Керруку, Маллоху и Мореру, что мы заканчиваем работу, скоро вернемся и очень хотим напиться горячего чая.

Маллох и Морер настаивали, чтобы я разрешил им заняться домашними работами, но я приказал отдыхать. Только отдых и строгое выполнение режима могли ускорить их выздоровление.

Наконец мы бросили работу и отправились в лагерь. С большими усилиями преодолев трудный путь, мы зашли в хижину... где нас ждало полное разочарование, так как Темплеманн еще не вернулся, и приготовления к ужину не начинались.

Было очень темно, и меня волновало отсутствие Темплеманна, который был прекрасным поваром и старательным работником, но не был достаточно силен, чтобы бороться с морозом и льдами. Я отправил людей на поиски, мы начали стрелять, подняли шум и крик, чтобы привлечь его внимание. В конце концов я увидел Темплеманна. Временами он исчезал в снежных сугробах, потом появлялся снова. Он хотел выбраться на большую льдину, расположенную на расстоянии четверти мили от лагеря. В первую минуту мне захотелось громко выругать его за то, что он уклонился от прямого пути, но когда я увидел, как он, пробираясь по снегу, ежеминутно проваливается по пояс, но держит в руках кирку, хотя в эту минут ему было очень трудно держать ее, сердце мое дрогнуло и смягчилось.

Темплеманн извинялся, был смущен и говорил, что ему хотелось произвести небольшую разведку, но он заблудился и не сумел выполнить мой приказ.

Это наиболее опасное искушение в Арктике. Когда вы посылаете одного человека, он может заблудиться и, вместо того чтобы попробовать отыскать свои следы, он продолжает идти вперед. Я был рад видеть Темплеманна и знать, что теперь он с нами и невредим.

С наступлением дня мы со старшим механиком начали перевозить запасы по дороге, проложенной среди торосов, от лагеря к гладкой льдине. Остальная часть партии продолжала дальнейшую прокладку дороги. Мы сделали три рейса на трех санях с восемью собаками и добились недурных результатов. Нам удалось перебросить часть запасов.

В пути я заметил большое количество медвежьих следов и несколько тюленьих отдушин во льду.

Я послал Кердрилло и Катактовика проверить состояние льда. Они сообщили, что дальнейший переход будет легче, место, где мы вчера прокладывали дорогу, наминало маленькую цепь гор, а впереди лежали ровные льды.

Я всегда сожалел, что с нами не было фотографа. Когда свет был достаточно хорош и я был свободен, мой аппарат находился в лагере, а когда аппарат был со мной, я находился в пути и не располагал временем. Заниматься съемкой в пути не было возможности: затвор замерзал, и передвигка пластинок крайне затруднялась. Если бы с нами был Жорж Боруп, который сопровождал меня во время полярного путешествия с Пири, мы собрали бы огромную коллекцию фотографий.

4 марта около 16 часов мы вышли на гладкий лед. Весь день Мэмэн и Катактовик перевозили запасы из лагеря на дальнейшие пункты, и, когда дорога была готова, мы вернулись в лагерь за последними остатками груза.

Еще до 20 часов все запасы были переброшены в новый лагерь, причем последнюю поездку мы совершили в темноте.

В то время как мы занимались перевозкой, эскимосы построили три хижины. Нам понадобилось три дня, чтобы покрыть расстояние в три мили.

5 марта при дневном свете я послал Монро и его партию обратно по трехмильному пути торосистых льдов навстречу партии Мак-Кинлея, которая должна была вернуться из Лагеря кораблекрушения. Монро мог руководить партией Кинлея и помочь ей пройти трудную дорогу, с которой мы неплохо познакомились.

После ухода партии я и Катактовик пошли по направлению к берегу, чтобы осмотреть путь, по которому мы будем двигаться завтра. Мы ясно увидели остров Врангеля. Он поднимался так высоко, что мы находились как бы под ним. Воздух был исключительно чист, и казалось, земля была рядом с нами.

Партия Монро не вернулась до глубокой ночи. Они дошли до нашего последнего лагеря через торосистые льды и, не найдя Мак-Кинлея и его спутников, продолжали путь, надеясь их встретить. Они прошли так далеко, как только было возможно, чтобы, до наступления ночи, присоединиться к нам. У них не было спальных мешков, и если бы они не вернулись, им пришлось бы строить хижину и провести тяжелую ночь. Наше продвижение к острову задерживала перевозка запасов. Дорога была плохая, мы имели мало собак, передвижение на санях было очень затруднительно.

6-го, как только показался первый проблеск света, я снова послал партию Монро навстречу партии Мак-Кинлея, а сам взял Катактовика и Кердрилло и отправился вперед по направлению к острову, прокладывая дорогу. Это была труднейшая работа, за которую я когда-либо принимался. Ломая кирками лед, мы прошли семь миль и, наконец, добрались до большой и прочной льдины, которая могла быть хорошим местом новой стоянки. Здесь мы сбросили легкий груз, захваченный с собою на двух санях Пири, и вернулись в лагерь.

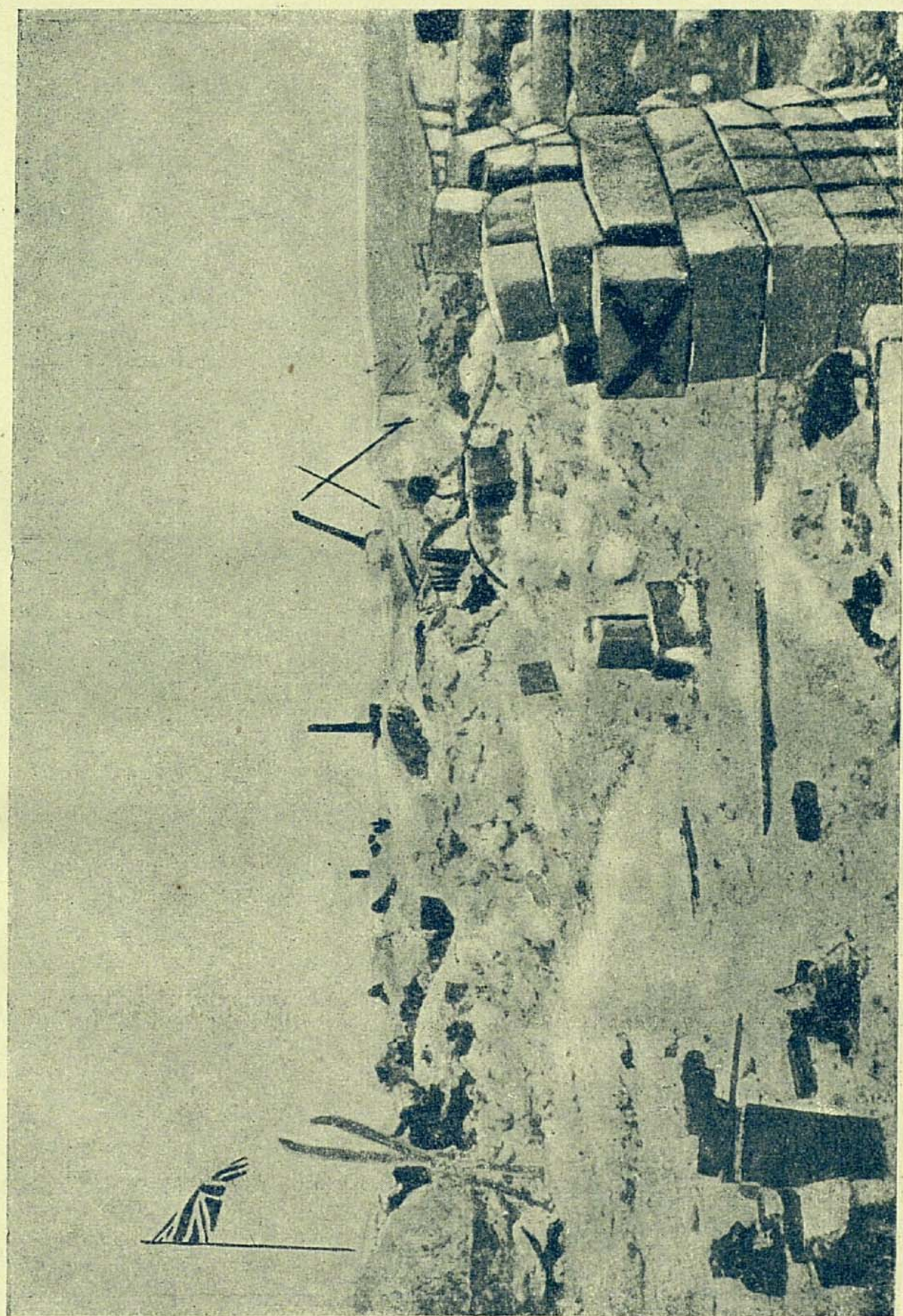
В 16 часов 30 минут явилась партия Мак-Кинлея, сопровождаемая партией Монро. Мак-Кинлей и его спутники дошли до Лагеря кораблекрушения и захватили 6 ящиков собачьего пеммикана, 16 ящиков пеммикана с Гудзонова залива, 30 галлонов газа, несколько топоров и снеговых ножей.

Но они были слишком перегружены и оставили четыре ящика андервудовского пеммикана и четыре банки пеммикана с Гудзонова залива на первой стоянке.

— Вчера после наступления темноты, — рассказал Мак-Кинлей, — мы решили, что нам не удастся до ночи добраться к большому лагерю у торосистых льдов, и остановились, чтобы засветло построить хижину. В то время когда мы резали снежные комья, подошли три медведя. Один из медведей остановился между людьми и санями, где лежали ружья. Мы подняли шум, испугали медведей и заставили их убежать, а потом схватили ружья, и медведи были убиты.

Утром я послал Мак-Кинлея, Хэдлея и Мэмэна взять медвежье мясо. Остальные были заняты переброской запасов

Лагерь кораблекрушения

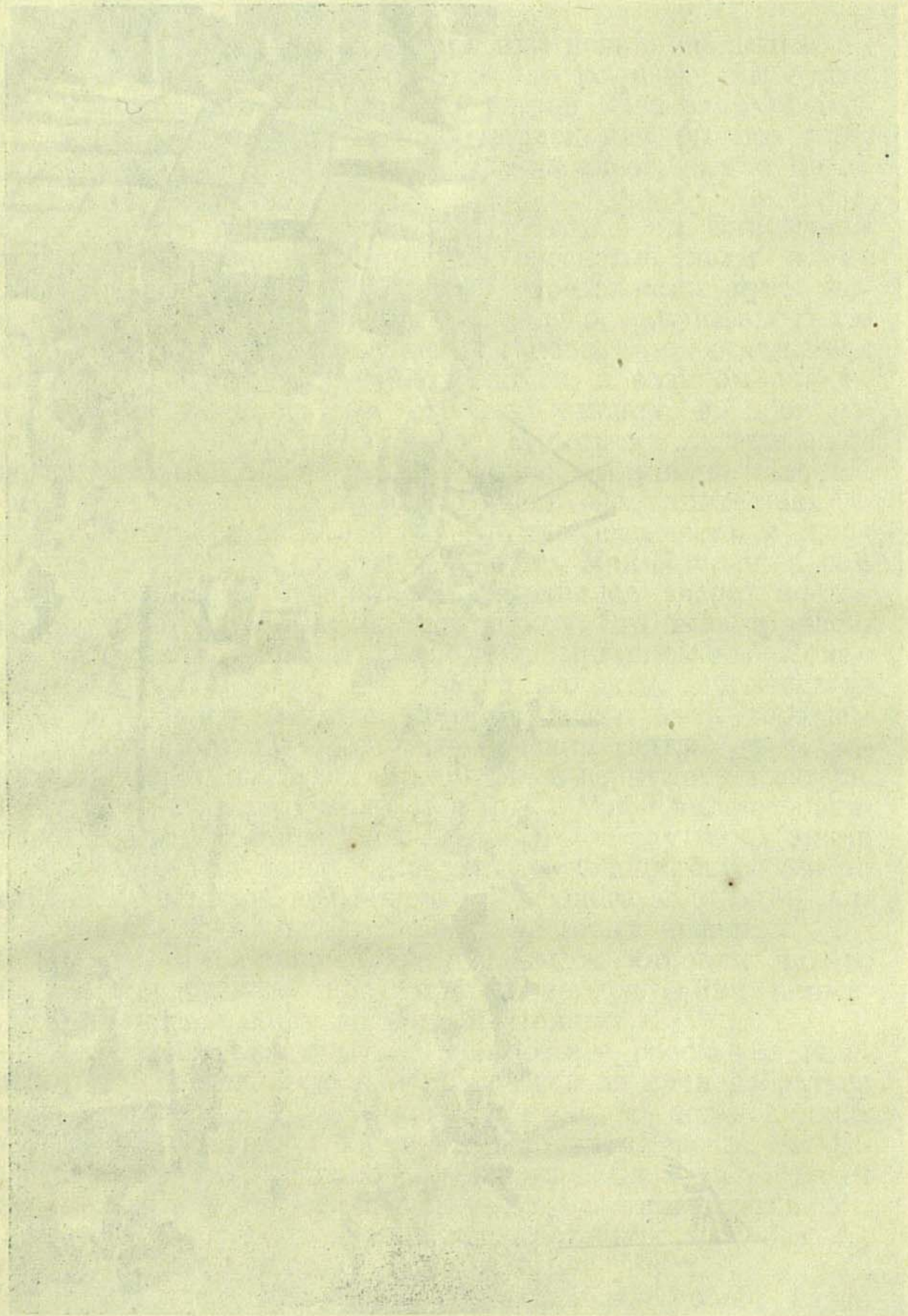

PLATE XVI

по направлению к берегу, а мы с Катактовиком ушли вперед расставлять вехи по дороге.

Установилась прекрасная погода и низкая температура, вероятно, было градусов -40° — -45° . Мы переправили значительную часть запасов к новому лагерю на большой льдине и построили там хижинны.

На следующий день работа продолжалась. Катактовик прокладывал путь. Мы передвинули запасы на 10 миль ближе к суше и вернулись на ночь в хижину на большой льдине.

В одном из временных убежищ медведи взломали два ящика с каменноугольной смолой и разбросали по льду ящики с печеньем.

Было чрезвычайно досадно доставить горючее так близко к острову и столкнуться с медведями. Наши собаки не были натренированы для погони за медведями, и преследовать их не имело смысла. У белого медведя очень острое обоняние, он слышит запах человека на расстоянии, и так как он двигается быстрее человека, ему не трудно убежать.

Медведи, убитые партией Мак-Кинлея, были освежеваны, а чтобы освободить сани от лишнего балласта, часть мяса была спрятана во льду вместе со шкурами.

10 марта мы были заняты дальнейшей переброской запасов. Работали с рассвета до темноты, одни работали кирками, другие перевозили на санях легкий груз. Дорога была очень тяжелая. Эскимосы построили хижину, и мы переправили все запасы. Я, Монро и Мэмэн явились с последним грузом до наступления темноты.

Утром, с появлением света, мы с Катактовиком поднялись, чтобы проложить путь, остальные следовали за нами с кирками и легко нагруженными санями.

Сани надо было нагрузить очень умело, потому что белый человек не может управлять упряжкой так ловко, как эскимос, а эскимосов у нас не хватало для всех упряжек, если бы мы даже освободили их от работы по прокладке пути и постройке хижин.

В течение дня мы прошли около семи миль. Временами мы взбирались с санями на гребень, метров в 15 вышины, с почти отвесным спуском по другую сторону. Подходя к таким местам, мы впрягали всех собак и помогали им, толкая сани. Подняв сани до верхушки, мы протягивали от них веревку к другим саням, находившимся внизу, и когда первые сани спускались по другую сторону, вторые поднимались наверх.

ГЛАВА XVIII

НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

12 марта на рассвете мы снова тронулись в путь.

Мак-Кинлей, Мэмэн, Катактовик, Кердрилло с семьей и я ушли вперед с легко нагруженными санями. Лед был ровным, и мы двигались так быстро, что в 13 часов вышли на Ледяную косу с северо-восточной стороны острова Врангеля.

Быть может, легче представить себе, чем описать чувство испытанного нами облегчения, когда нам снова удалось попасть на твердую землю, после двух месяцев дрейфа и скитаний по льду. Большую часть пути от Лагеря кораблекрушения переход был тяжелым, но, к счастью, после бурного шторма и отъезда передового отряда стояла прекрасная погода с хорошим дневным светом и бодрящей температурой -40° — -45° Ц.

Спустившись на берег, мы начали строить хижину. Здесь повсюду был разбросан сплавной лес. Керрук развела костер и, пока мы выстроили три хижины, вскипятила чай для нас и остальной партии, которая свободно прошла по нашему пути с легким грузом и прибыла на полтора часа позже нас.

Мы очень обрадовались найденному здесь лесу и почувствовали большое облегчение, узнав, что мы обеспечены топливом.

С косы, уходившей на значительное расстояние в океан, мы могли видеть большую часть острова. Мыс Уеринг находился на восток от нас, а мыс Эванс — на запад. Эти географические названия на острове Врангеля были установлены по имени офицеров американского парохода «Роджерс», которые обследовали остров в 1881 году.

В такой ясный день, как этот, можно было видеть на семьдесят миль кругом. Северо-восточная часть острова, где мы находились, уходила в море несколькими плоскими песчаными косами, образуя лагуны, покрытые льдом.

Близ берега тянулись долины и горы с высокими вершинами. Тут и там валялись старые бревна, выброшенные из воды. Нам попадались доски и строевой лес. Все было покрыто снегом, но выглядело не так уныло, как замерзший океан.

На другой день Чэф, Брэдли и Виллиамс отправились со всеми собаками и санями на последнюю стоянку на льду, находившуюся в пятнадцати милях от нас, и привезли оставленные там запасы.

После их ухода я послал Кердрилло за девять миль через косу Бэрри разведать, нет ли там следов партии помощника или Мэккея. Он захватил ружье, надеясь поохотиться. Вернувшись к ночи, он доложил, что не нашел следов партии, но видел следы медведя и песца.

Мы не надеялись убить медведя на острове или вблизи острова, потому что на расстоянии 25 миль от суши не встречалось ни одной тюленьей отдушины. Впрочем, одну отдушину мы видели у большого тороса, милях в сорока от нас. Позднее, летом, когда лед вскрывается у берега, тюлени выползают на сушу, и тогда появляются медведи.

Я спросил у Кердрилло, встречаются ли на острове канадские или северные олени.

— Нет, — ответил он, — здесь слишком много снега, и вряд ли олени останутся там, где так трудно добывать пищу. Вероятно, они здесь не бывают.

Я знал, что на островах Гудзонова пролива канадский олень, забежавший на лед с материка, — обычное явление, знал, что оба вида оленей часто встречаются на Сибирском побережье, и решил проверить мнение Кердрилло.

Утром я послал его на разведку, снабдив чаем и пеммиканом на целый день.

В сумерках он вернулся и сообщил, что не нашел следов канадского северного оленя, видел очень мало песцовых следов и один медвежий след, повидимому трехдневной давности, возможно след того медведя, которого мы видели раньше. Выслушав Кердрилло, я почему-то вспомнил анекдот, рассказанный одним студентом. Когда его попросили назвать пять полярных животных, он ответил: три белых медведя и два тюленя. Если мы разыщем этих животных на острове Врангеля и раздобудем их в достаточном количестве, мы сможем продержаться.

14 марта мы соорудили снежное убежище, разместились в нем и принялись сушить сапоги и чулки. За этой работой следила Керрук.

Морера и Маллоха все еще мучили ноги, а Мэмэна коленчатая чашечка, и я был рад, что они могли теперь отдохнуть.

С момента нашего ухода из Лагеря кораблекрушения мы находились в непрерывном движении, старались использовать каждую минуту дневного света, выполняли тяжелую работу и теперь все нуждались в отдыхе. Собаки тоже были утомлены. Мне хотелось всем предоставить желанный отдых. А потом... потом мы должны приступить к новой работе, так как надо было осуществить придуманный мною план пройти через пролив Де-Лонга¹ на побережье Сибири и помочь партии, оставшейся на острове.

Мы были на острове, но очень далеко от мира цивилизации. Мы не могли утонуть, но могли замерзнуть или погибнуть от голода, не получив своевременной помощи. При успешной работе промышленников все же не было надежды на то, чтобы какое-нибудь китобойное судно зашло так далеко от материка.²

Для перехода через пролив я мог взять с собой только Катактовика. Он был достаточно опытен в путешествиях по льду, привык к тяжким лишениям и знал, как надо заботиться о себе при опасных неожиданностях, которые подстерегают путника на постоянно меняющейся поверхности льда.

Приближалась весна, усиливалась опасность вскрытия льда, полыньи открывались все чаще и чаще. Мы должны были двигаться быстро и легко, чтобы успеть пройти путь до наступления южных ветров и передвижки льда.

Путешествие из Лагеря кораблекрушения на остров Врангеля было основательным испытанием наших нервов, а дорога в Сибирь во многих отношениях труднее и опаснее пройденного пути.

Главное — не терять времени, быстро добраться до материка, а потом до побережья мыса Восточного,³ там надо найти средства передвижения на Аляску, откуда я мог бы послать телеграмму канадскому правительству.

Мы привезли на остров не мало продуктов: наша партия была обеспечена полным рационом на восемьдесят дней и могла продержаться до июня, кроме того не мало запасов было оставлено в различных убежищах на пути от Лагеря корабле-

¹ Пролив, отделяющий остров Врангеля от материка.

² Автор хочет сказать, что в этом случае промышленники остались бы промыслять зверя в более южных широтах.

³ На русских картах этот мыс называется мысом Дежнева, по имени достигшего его в XVII веке русского казака.

крушения. А в июне возвращаются птицы, появляются белые медведи и тюлени и вместе с ними появляется надежный источник снабжения.

Любопытно, что, отправляясь с Катактовиком в путешествие, я знал о Сибири столько же, сколько о Марсе. Кое-какие сведения я нашел в скудной «Американской Лощи», все они были основаны на очень старых отчетах. Тем не менее я был уверен, что на побережье жили туземцы, у которых мы могли раздобыть пищу для себя и собак.

14 марта почти весь день держалась ясная погода, но к ночи с юга начали набегать облака, и я почувствовал, что погода переменится. И действительно, вскоре задул ветер, а на следующий день разыгралась буря.

Мы проводили время в наших снежных убежищах.

На острове были построены три хижины: в одной жила партия Хэдлея, в другой — партия Кердрилло, а в третьей — я.

Все были заняты подготовкой к путешествию в Лагерь кораблекрушения за оставшимися запасами. Сушка одежды, починка ее и упряжек отнимали много времени, но подвигались успешно.

Парусина, в которую мы зашивали жестянки с пеммиканом перед выступлением в поход, теперь оказалась очень полезной для починки собачьей упряжки.

Мэмэн снова вывихнул колено, и мне пришлось вправлять его. Это было очень болезненно. Бедный парень, ему так невезло!

16 марта рано утром поднялся северо-западный ветер с ослепительным снегопадом. Ветер продолжался весь день.

По случаю шторма партия не могла двинуться в лагерь. На следующее утро буря стихла, и в 8 часов люди, в разных направлениях, направились на разведку.

В этот день я предполагал выйти в Сибирь, но решил отложить путешествие до 17-го и распрощался с товарищами после отправки партии в Лагерь кораблекрушения.

Для выполнения задания были выбраны Монро, Брэдди и Виллиамс, им приготовили упряжку с 16 собаками. Они должны были отправиться в Лагерь и в два приема вывезти запасы через торосы на гладкий лед, находившийся в двадцати пяти милях от суши, а затем подвезти их на берег. Первый груз состоял, главным образом, из сухарей, второй — из пеммикана. После моего ухода Монро остался начальником партии на острове Врангеля; в отсутствие помощника он был второй по рангу в команде и очень хорошо выполнял свою роль.

Провожая Монро, я сообщил ему мои инструкции и обещал написать их и передать Мак-Кинлею перед уходом.

Во время моего отсутствия партия, по моему распоряжению, должна была разделиться на три отряда и расселиться на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы каждый отряд располагал обширной площадью для охоты. Я просил Мак-Кинлея составить инвентарный список запасов и раздать запасы отрядам под личную ответственность. Каждый отряд должен был отвечать за свою долю.

На следующее утро погода была не особенно благоприятной, но я чувствовал, что дальнейшая задержка неблагоприятна.

Проверив с Мак-Кинлеем запасы, я написал инструкцию Монро и пожелал всем сохранять мужество, жить мирно и работать так хорошо, как они могут. Все они написали письма, которые я взял с собой.

Мое инструктивное письмо Монро было таково:

*Береговой лагерь, Ледяная коса,
остров Врангеля*

18 марта 1914 года.

Дорогой Монро!

Я отправляюсь сегодня вместе с Катактовиком и семьей собаками в одной упряжке, чтобы сообщить о постигшем нас бедствии властям Оттавы.

Во время моего отсутствия вы будете начальником лагеря. Я распределил запасы между различными партиями. В партии Мак-Кинлея — четыре человека, в партии Вильямса — три человека, Хэдлей войдет в партию Кердрилло, в семье которого четыре человека, а остальные три человека будут в вашей партии.

Мак-Кинлей передал мне список запасов, и копию списка я попрошу его передать вам, когда вы вернетесь из Лагеря кораблекрушения.

Пожалуйста, отправьтесь на разведку на остров Геральда и попытайтесь найти следы партии помощника. Я со своей стороны хочу дойти по побережью до гавани Роджерса.

Важнейшим моментом является добыча дичи. В этом может быть полезен Кердрилло. Предоставьте Кердрилло его собственных собак и еще двух, чтобы ему легче было пройти большое расстояние. Остальные партии разбросайте в разных

местах, чтобы они могли охотиться. Снабдите все партии достаточным количеством собак.

Мы договорились с вами о распределении запасов, которые вы доставите. Отдайте каждой партии пропорциональную долю.

В настоящее время у нас восемьдесят дневных пайков пеммикана и нефти.

Пожалуйста, поддержите хорошее настроение в лагере.

Вы все соберетесь в гавани Роджерса, приблизительно, в середине июля, где я надеюсь встретить вас с пароходом.

Искренне ваш *Р. А. Бартлетт.*

ГЛАВА XIX

В СИБИРЬ

Нагрузив сани запасами в количестве 48 дневных пайков для нас и собак, мы пожали всем руки и вместе с Катактовиком тронулись в путь, в Сибирь. Небольшое расстояние нас провожал Мак-Кинлей.

От самой южной точки острова Врангеля до Сибири по прямой линии 109 миль. Но сначала мы должны были обогнуть берег острова, а путешествие по льду было, мягко выражаясь, не совсем по прямой линии. Переход по берегу с северо-западной стороны, а затем с западной несколько сократил бы расстояние, но Кердрилло уже прошел часть побережья с той стороны, и, отправившись на восток и юг, мы могли попутно поискать следы помощника в другом направлении.

Вскоре после того как нас покинул Мак-Кинлей, в полумиле от берега нас настиг шквал северо-западного ветра, который кружил снег и мешал нам видеть на расстоянии более ста метров. Ветер усиливался, но снег был твердый, не поддавался силе ветра, и мы продвигались по суше без особого труда.

Мы прошли по лагунам до Косы Бруч и затем по самому берегу к торосистым льдам. По пути нам попадалось большое количество сплавного леса. В 6 часов 30 минут мы остановились недалеко от острова Скелетон и построили хижину для ночлега.

Забравшись в хижину, мы поставили чайник на огонь и вдруг в дне чайника обнаружили маленькую дырочку. С этой бедой мы быстро разделались.

Я воспользовался опытом, приобретенным еще на школьной скамье, в Ньюфаундленде. Помню, однажды в субботу мы отправились за ягодами, и я захватил большой жестяной котелок, чтобы сварить обед. Когда мы налили в котелок воду, на дне обнаружилась дыра. У нас было немного ньюфаун-

длендских сухарей, бабушка намочила их и замазала котелок. Другой случай был в Лабрадоре, на моторной лодке. Стояла ранняя весна, и нам предстояло пройти значительное расстояние по пловучим льдам. Внезапно корма ударилась о льдину и образовалась течь. У меня на борту было около 26 кг сухарей. Мы устроили переборку в корме и бросили туда сухари. Из смеси сухарей с водой образовалась цементная стена, которая прекратила течь и спасла прогулку.

Когда я увидел течь в нашем чайнике, я вспомнил опыт детства, пожевал кусок сухаря, залепил дыру, — и мы снова могли пользоваться чайником без затруднений.

На следующее утро, с первыми проблесками зари, мы свернули лагерь, позавтракали и тронулись в путь. Попрежнему дул резкий северо-западный ветер. Так же, как и накануне, нас засыпал снег.

Мы шли вдоль берега, внимательно разыскивая следы потерявшейся партии.

Здесь почти не было сплавного леса. Высокие скалы нависали почти над самым берегом.

В 11 часов мы миновали знак Хуппера, сооруженный партией с американского судна «Корвин» в августе 1881 года. Знак, насколько я мог рассмотреть, был все еще невредим, хотя мне не удалось взобраться на край скалы и проверить это.

Единственными живыми существами, которых мы видели за весь день, были ворон и лемминг. Медвежьих следов мы не видели, ни старых, ни свежих.

Мы шли по дороге под высокими скалами. Временами ветер залетал в ущелье ужасными шквалами, почти сбивал нас с ног и сметал с гор огромное количество снега. Облако снега, постоянно опутывающее остров, мешало нам видеть его на нашем пути из Лагеря кораблекрушения, в то время как мы находились сравнительно близко от него. Вместе со снегом взлетали мириады песчинок и куски глинистого сланца, отскакивавшие от скал, точно срезанные ножом. Собаки тащили сани очень хорошо, и мы без труда пробирались вперед.

В 16 часов 30 минут мы построили хижину и легли спать. Когда, 20-го на рассвете мы снова тронулись, северо-западный ветер и снегопад все еще продолжались. Мы прошли только несколько миль от гавани Роджерса и, обогнув косу с южной стороны, вошли по льду в гавань и обследовали весь берег, чтобы окончательно убедиться, нет ли здесь человеческих следов. Следов не было видно.

Я хотел пройти по возможности прямо, из гавани Роджерса через пролив Лонга на мыс Северный, расположенный на Сибирском побережье, но, попав на лед, убедился, что здесь у самого берега была очень глубокая вода, и большие глыбы льда образовали огромные торосы, между которыми была навалена масса мягкого глубокого снега.

Мы потратили некоторое время, чтобы отыскать между ними дорогу и проложить путь для саней, но в конце концов решили, что для этого понадобится слишком много времени, и направились по береговой линии на запад.

В эту ночь, в полной темноте, мы построили хижину, приблизительно на расстоянии мили от мыса Хунт.

Мы находились в пути с самого утра, но добились очень немногого, только разве пришли к заключению, что в этом месте не сможем пройти по льду.

На следующий день, с ранним рассветом, мы покинули лагерь. Теперь ветер дул с востока, и облака снега кружились вокруг нас. Мы не знали, лучше ли идти по морскому льду или по земле. На берегу лежал нагроможденный лед, такой развороченный, что нам ежеминутно приходилось пускать в дело кирки, чтобы докопаться до мягкого снега, по которому собаки с трудом тащили сани, а мы на лыжах с трудом прочищали путь. Вдобавок, исследовав почву, мы увидели, что ветер нагнал снег на голые камни. Камни особенно затрудняли продвижение саней.

Собаки устали. Построив хижину, мы закончили наш тяжелый рабочий день, в котором так много моментов могло привести в отчаяние.

Несмотря на проделанную работу, казалось, мы ничуть не приблизились к Сибири, и, конечно, чем сильнее мы уклонялись на запад, пробираясь по южному берегу острова Врангеля, тем более удлинялось наше путешествие на юг.

На следующее утро мы снова сделали попытку проложить путь через снежные заносы, но около полудня были вынуждены отказаться от этого и вернулись на берег. На обратном пути мы сломали полозья саней и в течение двух часов ремонтировали их.

Добравшись, наконец, до суши, мы нашли более удобную дорогу и, пройдя некоторое время в западном направлении вдоль берега, достигли бухты Сельфридж.

Мы выбрались на прибрежный лед, где дорога была значительно легче, и нам удалось остановиться на ночлег на мысе Блоссом.

В то время как Катактовик строил хижину для ночевки, я прошел на некоторое расстояние вперед и убедился, что дальнейшая дорога еще лучше.

Утром мы пошли по льду. Вскоре после того, как мы покинули стоянку, мы снова поломали сани, но Катактовик быстро починил их. Пока он возился с санями, я пошел вперед с киркой. Мы опять потеряли дорогу и весь день шли по торосистому льду, медленно прокладывая путь. Впереди, по ту сторону торосов, в воздухе заметно чувствовалось присутствие влаги, что указывало на близость свободной воды и на то, что лед за торосами должен был двигаться от напора резкого западного ветра.

Перед самым наступлением темноты мы подошли к краю гладкого льда и очутились в пяти милях от берега. Здесь нам попался высокий торос. Он не был особенно широк, но все же задержал нас часа на два. Как только мы попали на движущийся лед, наше продвижение облегчилось, но нам предстояло выдержать немало трудностей при встречах с полыньями.

Вечером мы построили хижину на торосе.

Я носил круглые очки, и хотя даже спал в них, и глаза мои должны были привыкнуть к ним, я вдруг почувствовал сильную боль в левом глазу.

С того времени, как мы покинули мыс Блоссом, небо было облачным, падал снег, и я ни разу не видел острова Врангеля.

24-го мы тронулись в путь на рассвете и, пройдя немного по тяжелой дороге, вышли через торосы на гладкий лед.

Западный ветер поддерживал непрерывное движение льда. Катактовик это не нравилось, но нас утешало сознание того, что здесь есть полыньи, а следовательно, тюлени, а раз тюлени, значит и медведи, а и те и другие могли послужить нам пищей.

Едва я соскользнул с гребня на движущийся лед, как увидел в прогалине двух тюленей.

ГЛАВА XX

ЧЕРЕЗ ДВИЖУЩИЙСЯ ЛЕД

С этой минуты наше путешествие превратилось в непрерывную борьбу за то, чтобы обойти или пробраться через полынья, наиболее неприятное и предательское явление для всех путешественников по Арктике.

Мы подошли к полынье и, оставив собак и сани, отправились в разные стороны: Катактовик — в одну, я — в другую. Мы условились, что как только кто-нибудь из нас найдет подходящее место для переправы, он выстрелит из револьвера или, если снег и туман будут не слишком густы, даст какой-нибудь другой сигнал.

Иногда попадались места, где лед противоположных сторон полыньи почти сходился, и тогда, перебросив собак, мы ставили сани в виде моста и перебирались на другую сторону. Но иногда полынья бывала слишком широка, и мы отыскивали пловучую площадку или торчащий обломок льда, который могли разбить и использовать в качестве парома. Часто, едва нам удавалось перебраться через одну трудно-проходимую полынья, как перед нами открывалась другая. Мы тратили массу времени на переправу через полыньи и особенно на отыскивание мест переправы, часто — в каком направлении мы ни смотрели — не было надежды их найти. Когда попадались слишком широкие разводья, мы отыскивали среди них узенькую полоску тонкого льда. Приходилось призывать на помощь всю двадцатилетнюю тренировку, приобретенную мною во время плавания по Ньюфаундленду и арктических путешествий с Пири, чтобы справиться с постоянно встречающимися полыньями.

В ту ночь нам не удалось лечь спать раньше 22 часов. Несмотря на усталость после первого дня борьбы с полыньями, мы вынуждены были чинить одежду, изорванную торосистым льдом.

На следующее утро мы на рассвете двинулись в путь при завывающем ветре и ослепляющем снегопаде. Свободная вода и молодой лед под ногами отвлекали нас от правильного пути.

В течение дня сани несколько раз проваливались сквозь тонкий лед. Как-то провалились собаки, и, пока мы вытягивали их, часть наших спальных принадлежностей замочла.

Собаки очень испугались и, собравшись в одном месте, увеличивали опасность провалиться под лед.

Днем мы видели много медвежьих следов.

Где-то по пути мы потеряли маленький топорик, которым открывали жестянки с пеммиканом. Мы оставили собак, полагая, что уронили его поблизости, и пошли искать, но лед в это время значительно изменился, мы боялись отойти далеко от саней, прекратили поиски и впоследствии пользовались ножом вместо топорика.

В 16 часов 30 минут, когда мы остановились, чтобы построить хижину, выяснилось, что мы продвинулись вперед всего на четыре мили. Ветер слегка затих, мы улеглись спать, с надеждой на лучшую погоду на завтрашний день.

Действительно, когда на следующее утро мы разобрали лагерь, дул легкий восточный ветер и погода стояла прекрасная.

К концу дня ветер усилился до настоящего шторма, налетевшего с востока. Лед находился в непрерывном движении, и нам все время приходилось перебираться через полыньи. В районах открытой воды атмосфера была насыщена влагой, а свет слабый. К тому моменту, когда мы решили построить хижину, выяснилось, что в лучшем случае мы прошли пять миль.

Вскоре после полуночи ветер начал резко менять направление и в конце концов слегка утих и задул с запада.

У нас была маленькая палатка, и для экономии времени, чтобы не сооружать крыши, мы положили палатку на снежную хижину, прижали ее снежными комьями, жестянками от пеммикана и лыжами, а сверху для прочности покрыли снегом. Когда ветер переменял направление, наша парусиновая крыша взлетела и нас покрыло снегом. Мы выбежали, чтобы разыскать погребенные вещи.

Это была беспокойная ночь, и с появлением света мы с радостью выступили в поход. В пути одна из собак оторвалась от упряжки. К счастью, мы поймали ее раньше, чем она успела убежать. Среди наших собак были послушные — когда мы распрягали их, они не удирали и спокойно шли

в упряжку, когда наступало утро. Но многие собаки постоянно пытались удрать, и нам приходилось соблазнять их пеммиканом, чтобы поймать.

Наше пребывание на пловучем льду, поистине, было тяжелым испытанием для собак. Они очень устали, и только две из них могли работать.

Когда мы попадали к открытой воде, с большим трудом удавалось заставить их перепрыгнуть через полынья. Часто нам приходилось распрягать собак и перебрасывать одну за другой на ту сторону. У меня был бамбуковый шест, расщепленный с одного конца, в пути я размахивал им, и треск кончиков заставлял собак энергично работать.

Однажды вся упряжка оторвалась от саней и помчалась назад по дороге. Я очень боялся, что собаки добегут до острова Врангеля и оставят нас на полпути от Сибири. Схватив жестянку пеммикана, я стремительно открыл ее и пошел за ними. Я не решался бежать: чем быстрее бежал бы я, тем быстрее удирали бы они. Пройдя полмили, я привлек их внимание. Они насторожили уши, оглянулись, увидели жестянку с пеммиканом и, наконец, направились ко мне. Когда они очутились достаточно близко, я схватил веревку. Очевидно они испугались, что их будут бить, и после этого долгое время вели себя спокойно.

Большим несчастьем была их привычка жевать упряжку, и хотя упряжка была сделана из льняного полотна, а не из тюленьей кожи, они жевали ее постоянно. Ночью они освобождали себя таким путем, и мы с трудом ловили их.

Пища, одежда и санная упряжь хранились вдали от собак, которые иначе сгрызли бы все.

Одна из собак называлась Кайзер. Однажды утром она убежала, и я не мог поймать ее, хотя и пытался привлечь пеммиканом. Мы впрягли остальных собак и отправились в путь. Всю дорогу она шла позади нас, то оставаясь на виду, то скрываясь. Когда, в сумерках, мы остановились на привал и я накормил собак, она с рычанием подошла и остановилась. Я не обратил на нее внимания. Ее порцию я сберег, и когда она уже не в силах была сдержаться и подошла ко мне, я отдал ей пеммикан и схватил ее. Больше она не убегала, но иногда мне приходилось связывать ей морду, чтобы она не перегрызала упряжку.

В 10 часов, после неудачной охоты, мы остановились перед разводьем, около трехсот метров ширины. Полынья тянулась на восток и запад, и мы вынуждены были идти по север-

ному краю до тех пор, пока не разыскали прочного куска льда, из которого сделали паром. Наш паром примерз к краям главной льдины, но мы, отталкиваясь шестом, прыгали на льдине до тех пор, пока не откололи ее. Потом мы поместили на паром собак и сани и с помощью лыж, вместо весел, перебрались через разводье. Ледяная площадка представляла четырехугольник, около одного кв. метра величиной. Гребя с двух сторон, мы благополучно переплыли полынью вместе с собаками, толпившимися по середине, и высадились на другой стороне.

Около пяти часов мы остановились на отдых. Я занялся чисткой спальных мешков, а Катактовик резал снежные комья для хижины. Вдруг Катактовик вскрикнул. Я поднял голову и увидел рядом с ним такого огромного медведя, какого не видел за всю мою жизнь. Собаки не заметили медведя, так как они слишком устали. Я схватил ружье и выстрелил. Первый выстрел не попал в цель, второй ранил его в переднюю лопатку, а третий в заднюю лапу. Когда медведь упал и вытянул все четыре лапы, меня поразила его длина: она равнялась почти 4 метрам. Волосы у него были белоснежные и очень длинные, но не особенно толстые, — очевидно, он был стар. Я отрезал заднюю часть, все что мы могли захватить с собой. Мы поели немного сырого мяса, варить не было времени, и досыта накормили собак.

Очевидно медведь подошел к нам, услышав запах тюленя, которого мы здесь резали.

Вскоре после того, как я убил медведя, я увидел песца. Сначала я принял его за одну из собак. Я выстрелил, но было темно, и песец убежал. Его тоже вероятно привлекли куски сырого тюленьего мяса. На песца собаки обратили так же мало внимания, как и на медведя.

На следующий день продолжались сильный восточный ветер и снегопад. Небо покрылось облаками, и свет был очень слаб. Мы намечали наш путь по компасу. Температура, я полагаю, была около -26° .

В семь часов мы свернули лагерь и не успели пройти пятидесяти метров, как заметили, что в течение ночи во льду образовалась большая полынья. Как обычно, Катактовик пошел в одном направлении, а я в другом, чтобы найти хорошее место для переправы. Но поиски не увенчались успехом, и мы снова встретились у саней и решили переправиться здесь. Тонкий лед пристал к краям крепкого льда, и снег, который сдуло со льдины, покрыл полынью. Лед и снег за-

мерзли и образовали шероховатую, неопределенную массу. Я взял два шеста от палатки и вышел на молодой лед, но вскоре понял, что он недостаточно крепок, чтобы выдержать меня, и поспешил вернуться обратно. Но Катактовик был легче меня. Он положил шесты на лед и, обвязавшись веревкой так, чтобы я мог вытащить его, если бы он провалился, пополз по молодому льду и благополучно перебрался на другую сторону. Затем, разгрузив сани, я привязал к ним другую веревку. Катактовик переправил их лишь с несколькими вещами и толкнул обратно пустыми. Мы повторяли это до тех пор, пока все вещи не были переправлены на другую сторону полыньи. Кроме Кайзера, все собаки перебежали сами. Я не надеялся на него, памятуя о его склонности к бегству, — его пришлось связать и перебросить. Затем я лег вниз лицом на пустые сани, а Катактовик, с веревкой на плечах, побежал так быстро, как только мог, и перетащил меня. Лед, образовавшийся только в предыдущую ночь, провалился, и часть полозьев ушла в воду, но Катактовик бежал так быстро, что сани остались невредимы и я благополучно выбрался. Счастливый переход Катактовика был моим спасением. При его физической выносливости, он, вероятно, выдержал бы и падение в воду так же, как и я, но опыта у него было меньше, чем у меня, и если бы он провалился, то вероятно умер бы от страха.

Перебросив собак и запасы и перебравшись через полынью, мы снова нагрузили сани. Ветер продолжал дуть очень сильно, кружил снег, и мы потеряли много времени, разыскивая вещи. Кругом все было бело, спальные мешки, ящики, банки с пеммиканом — все предметы окрасились одним тоном, и казалось, что мы бродим в темноте. Наносы снега были однообразными, и мы поняли, что попали в ущелье развороченного льда, засыпанного мягким снегом, или в трещину во льду, покрытую однородной обманчивой массой.

В общем мы потеряли три часа и около десяти часов снова вышли на дорогу.

Когда мы, наконец, отправились в путь, погода улучшилась.

Перебираясь через полыньи и собирая вещи, мы замочили одежду и спальные мешки и очень обрадовались более умеренному ветру и более высокой температуре, которая к полудню приблизилась к весенней. Это, разумеется, означало близость свободной воды, но весь остаток дня мы шли по крепким старым льдинам, по хорошей дороге, с незначитель-

ным количеством прогалин. К полудню наступила ясная, спокойная погода, и мы успешно продвигались вперед. В сущности говоря, когда мы к ночи остановились и построили хижину, — можно было сказать, что это был лучший рабочий день с тех пор, как мы покинули остров.

На другой день, когда мы сидели в хижине и заканчивали чаепитие, я услышал взволнованное фыркание и подвывание. Что-то случилось. На стоянках мы всегда держали наши заряженные ружья в хижине. Просверлив дыру в стене, мы выглянули. Собаки беспокойно металась. Катактовик схватил ружье и выскочил, я побежал за ним. Медведь удра. Он, очевидно, подошел очень близко и испугался собак. Катактовик погнался за ним и дважды выстрелил, первый выстрел попал медведю в зад, второй попал в лопатку и повалил его навзничь.

Едва я успел вынести из хижины вещи, чтобы нагрузить их на сани, как Катактовик вернулся, волоча за собой заднюю часть медведя. Мы накормили собак, но не очень щедро, потому что обильная еда мешала им работать.

В 7 часов мы вышли, но вскоре остановились перед полыней, местами ее ширина достигала полумили. Глядя с высокого гребня, мы не могли найти места для переправы ни на западе, ни на востоке и пошли в восточном направлении, так как полынья постепенно уклонялась к юго-востоку.

Пробираясь вперед, мы заметили в воде большое количество тюленей. Одного из них мы убили, но разыскали его с большим трудом. Эскимос схватил тюленя и подтянул к краю льда, который в этом месте выдавался метра на полтора над поверхностью воды. Когда он подвел тюленя к самому краю, я наклонился, чтобы вытащить его, уцепившись за ледяной зубец. Катактовик держал меня за ноги, не давая мне соскользнуть в воду. Я поймал тюленя за ласты и крепко держал его. Тюлень еще не был мертв и оказывал некоторое сопротивление. Он весил около 40 кило. После ряда усилий мне удалось вытащить его настолько, чтобы захватить задний ласт в зубы, и тогда Катактовик потащил нас. Я немного приподнялся, он перебросил мне веревку, я прогрыз дыру в ласте и протянул в нее веревку. После этого я разжал зубы и вытянул тюленя на гладкий лед. Мы сняли с него кожу, разрезали на куски, дали немного мяса собакам и нагрузили на сани столько, сколько могли увезти. Здесь мы могли набить много тюленей, но захватить могли только одного. Пища наша состояла большей частью из медвежьего и тюленьего мяса, мы

ели его в сыром виде, варить не было времени. Таким образом мы сберегали пеммикан.

Около полудня мы снова перебрались через полынью, нашли на другой стороне хорошую дорогу и двигались так быстро, что вечером, когда мы построили в темноте хижину, выяснилось, что мы находимся по крайней мере девятью милями южнее той точки, откуда отправились в поход, хотя длительная переправа через полыньи в значительной степени удлинила наш путь.

ГЛАВА XXI

ЗЕМЛЯ!

30 марта, на тринадцатый день нашего путешествия, наступил первый прекрасный день.

На рассвете мы покинули стоянку, почти тотчас натолкнулись на полынью и с той минуты до самой темноты пересекали одну полынью за другой. Одна из них, около полумили шириной, была забита торосистым и подернута молодым льдом, достаточно крепким, чтобы дать нам возможность перебросить на санях несколько вещей. Мы распрягли собак и перетаскивали легко нагруженные сани, перепрыгивая с одной льдины на другую, подобно человеку, который делает зигзаги, перепрыгивая по камням реки. Чтобы перетаскать все, потребовалось пройти взад и вперед множество раз.

Во время захода солнца на горизонте не было ни одного облачка. Я посмотрел на запад, и мне показалось, что я вижу землю. Быть может, желание родило эту мысль? Дни путешествия по белой ледяной поверхности и постоянное напряжение при поисках места для переправы через полыньи привели мои глаза в болезненное состояние, и я не мог видеть так хорошо, как раньше. Я направил бинокль на облакообразную массу, видневшуюся на горизонте, но сомнение не покидало меня.

Я позвал эскимоса и спросил его:

— Это земля?

— Возможно, — ответил он.

Я дал ему бинокль и послал на высокий торос, посмотреть повнимательнее. Через минуту он вернулся и сказал, что это должно быть остров, такой же, как остров Врангеля.

После тяжело проведенного дня Катактовик находился в удрученном состоянии. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Мы не увидим земли, мы никогда не дойдем до земли. Моя мать, мой отец сказали давно, эскимос уйдет с мыса Барроу и никогда не вернется домой.

Я пытался успокоить его, говорил, что эскимосы не умеют бороться со льдом и не возвращаются, но белые люди выводят их, рассказал, что я ездил на далекие расстояния вместе с эскимосами и благополучно возвращался домой. Но его настроение не изменялось. Тогда я взял бинокль и сам отправился на торос, хотя и знал, что глаза его были в лучшем состоянии, чем мои. Я приложил все старанья, чтобы как можно лучше рассмотреть облакообразную массу, убедился в том, что я вижу землю, и позвал Катактовика.

Я долго беседовал с ним, но не мог рассеять его сомнений.

В ту ночь, когда мы готовили в хижине чай, он попросил меня показать ему карту. Я дал ему карту, указал путь, проделанный нами, и точку, где мы находились. Казалось, он начал колебаться, но все еще держался той точки зрения, что эта земля не Сибирь, а остров, не обозначенный на карте. Но, когда я настойчиво спросил его: «Ты боишься, что мы не доберемся до земли?» — он ответил достаточно неопределенно, но спал в ту ночь так же крепко, как обычно.

Следующий день занялся ясный и чистый. Мы вышли из хижины до восхода солнца, когда на горизонте было уже светло и все предметы резко вырисовывались. Во время восхода и захода солнца можно видеть на далекое расстояние. Крепкий ночной сон дал отдых моим глазам, и, взглянув в бинокль с верхушки тороса, я ясно увидел покрытую снегом землю. Я был поражен, что вижу ее так отчетливо, и попросил Катактовика подняться наверх.

— Мой видит его, мой видит земля! — воскликнул он.

— А что ты думаешь о ней? — спросил я. — Думаешь, что она настоящая?

— Может быть, может быть, — ответил он.

Он все еще сомневался в том, что это была Сибирь.

С самого утра, как только мы вышли, нам пришлось все время бороться с водой и коварным молодым льдом. В некоторых местах мы шли совсем легко, в других нам приходилось делать большие обходы.

В полдень мы остановились на северной стороне узкой полыньи, и Катактовик построил маленькую снежную хижину-убежище, где мы немного отдохнули. Он прекрасно умел обращаться с примусом и приготовил чай. Пока он занимался этим, я пошел на разведку в восточном направлении и прошел, вероятно, около двух миль, прежде чем нашел место для переправы. К моему возвращению эскимос уже приготовил чай, который очень подкрепил нас. Когда мы были го-

лодны, мы всегда ели медвежье мясо. Оно замерзало на санях, но при помощи ножа или топора мы соскабливали маленькие кусочки, а иногда отогревали его теплом нашего тела, положив мясо под рубашку.

Мы отправились на восток, к месту, которое я выбрал для переправы. Там лежал не очень крепкий молодой лед, и мы применили обычный способ, переправив несколько раз мало-нагруженные сани. Потом мы шли некоторое время, не встречая полыней, и вдруг очутились среди торосистого льда, с высокими острыми зубцами, среди массы снега, глубокого и не особенно твердого. Нам пришлось пустить в дело кирки. Собакам было трудно идти. Три собаки серьезно заболели.

К концу дня мы отчетливо увидели землю в сорока милях от нас. В сумерках, после постройки хижины, мы убедились, что в лучшем случае прошли за день десять миль, обычно наш переход был значительно больше. Но я был настроен очень жизнерадостно, надеялся через два-три дня попасть на землю и твердо верил, что вскоре все наши мученья с полынями кончатся, потому что мы приближались к береговому льду.

В конце нашего дневного перехода я упал и ударился. Глаза беспокоили меня больше обычного, потому что я разбил очки, и, хотя у меня была другая пара, я решил, что они не подходят, и не воспользовался ими.

1 апреля мы сделали хороший переход. Дорога была очень плоха, но нам посчастливилось найти крепкий молодой лед, который мог нас выдержать, и мы не потеряли времени при переправе через полыню на большую льдину, где было мягче и ровнее. Около 15 часов мы подошли к завесе из торосистого льда и глубокого мягкого снега, где нам пришлось поработать киркой. После двухчасовой работы мы проложили путь и хорошо прошли остаток дня.

На следующее утро мы вышли из хижины в 6 часов. Некоторое время тянулась хорошая дорога, но вскоре мы подошли к участку шероховатого, торосистого льда с полынями, через которые нам пришлось перебираться. Потом мы добрались к длинной полосе крепкого молодого льда и хорошо шли; позднее мы повстречались с льдинами постарше и торосистым льдом. Нам удалось обойти торосы по краю, совсем не пользуясь киркой. Это было большим облегчением, потому что нам не пришлось тратить времени на прокладку дороги. Собаки почти выбились из сил и могли работать только при непрерывном понукании. К концу дня две из них вышли из строя.

В 19 часов 30 минут мы устроили привал. Земля находилась не более чем в пятнадцати—восемнадцати милях от нас, и мы пришли к заключению, что провели очень удачный рабочий день.

На утро, когда мы еще спали, лед дал трещину около хижины и раздался на полметра. Мы тотчас выскочили из хижины, потому что трещина была так близко, что стена лопнула с южной стороны. Вскоре после нашего выхода лед начал двигаться, и нам срочно пришлось действовать, чтобы спасти собак. Часть из них была привязана, другие шли свободно. Теперь мы отпустили всех собак, чтобы дать им полную свободу, на случай если лед растрескается еще больше, надеясь их снова собрать утром. Мы вытащили все из хижины и погрузили на сани, крепко привязав кладь. Стояла великолепная, ясная ночь, с ослепительным светом звезд, ветерка не было. Все это благоприятствовало нам, хотя все же было так темно, что кругом ничего не было видно.

Мы простояли весь остаток ночи, а на рассвете поели немного пеммикана и выпили чая. Как только рассвело, мы тронулись в путь, надеясь к ночи попасть на землю. Повсюду двигался лед, и каждую минуту попадались полыньи. Было достаточно светло, чтобы знать, что надо делать, но при сгущенной асмосфере трудно было видеть на далеком расстоянии. Лед ломался и трескался во всех направлениях, вокруг нас и под ногами. Шум приводил собак в такое беспокойное состояние, что временами они становились совершенно непригодными к работе. В 15 часов свет настолько ухудшился и движение льда стало таким непрерывным, что мы больше не могли идти, остановились, построили хижину, выпили чаю и легли спать.

4 апреля в 6 часов, оставив собак и сани в хижине, мы отправились вперед с кирками, чтобы проложить дорогу через торосистый лед. Стоял великолепный, ясный день. С высокого гребня я увидел огромную полынью по ту сторону торосов, а за полынью — ледяной припай, — лед, вечно прикрепленный к земле и выходящий в море.

В 10 часов, оставив Катактовика, который продолжал прокладывать дорогу, я вернулся на стоянку, запряг собак и пустил их по проложенной нами дороге. Добравшись до полыньи, мы начали искать переправу. Наконец, мы нашли место, где пловучий лед почти касался неподвижного льда. Собаки были сильно напуганы. Мы попробовали заставить их перепрыгнуть через трещину, но они улеглись и не хотели

шевелиться. В то время как мы мешкали, трещина расширилась, и дрейфующая льдина уплыла. Я обрезал постромки, прыгнул через расширившуюся брешь и перетащил сани. Потом бросил веревку Катактову и перетянул его. Собак нам пришлось схватить за постромки и перетаскать через полынью. Вскоре полынья достигла значительной ширины. Мы очутились на ледяном поле, где не было свободной воды, а лишь торосы, снег и шероховатый лед. Я послал Катактовика по направлению к берегу исследовать местность, а сам отправился прокладывать дорогу киркой, в то время как собаки наши отдыхали у саней. Приблизительно через час Катактовик вернулся и сообщил, что за торосистым льдом начинается хорошая дорога. Мы оба занялись прокладкой пути кирками и к полудню выбрались из торосистого льда на более ровную дорогу. Я вернулся, взял собак и сани и через некоторое время догнал Катактовика, который уже пробрался через торосы. Стоял прекрасный, ясный день без малейшего ветра.

Однако, хорошая дорога продолжалась недолго, мы снова подошли к торосистому льду с глубоким, мягким снегом. Здесь нам пришлось стать на лыжи. Значительную часть дороги, при переходе с острова Врангеля, мы не могли пользоваться лыжами, потому что лед был слишком неровен и зазубрен и, кроме того, нам приходилось так много прыгать, перебираясь через полыньи, что мы не могли тратить времени на надевание лыж или бежать на них, рискуя их ломать.

В этом месте мы сбросили все запасы, оставив только однодневный паек, и с легко нагруженными санями начали прокладывать дорогу к суше.

Судя по поведению, эскимос был настроен более оптимистично. Когда мы пробили дорогу через торосистый лед, он заявил, что чувствует запах дыма, и спросил меня, не слышу ли я то же. Я не чувствовал запаха, но не сомневался в том, что он чувствует, потому что обоняние у эскимосов очень развито.

Я был уверен, что мы находимся недалеко от человеческого жилья.

Из записей американской «Лоции», которая была со мной, я узнал, что северо-восточное побережье Сибири очень слабо обследовано, и карты составлены лишь с приблизительной точностью. Первое обследование здесь провел Кук в 1778 году. Следующее обследование — адмирал Врангель в 1820 году.

Норденшельд прошел побережье на «Веге» и пробрался в северо-восточном направлении до Питлекай, где стал во льдах и зазимовал. В 1881 году побережье частично было обследовано Хуппером, на американском судне «Корвин», и описание выдающихся мест дано по отчетам этого судна.

Это была, так сказать, не совсем новая информация. В библиотеке «Карлука» был экземпляр «Путешествия на Веге» Норденшельда, но книга была написана на немецком языке, которого я не знал. Иллюстрации показывали, что леса спускаются к самому берегу и что в них живет канадский олень.¹

Мне особенно хотелось знать, каковы условия жизни сибирских туземцев, чем они питаются, и страдают ли они туберкулезом, от которого вымирают некоторые народности при благосклонном влиянии цивилизации. Со времени посещения этих мест Норденшельдом прошло более тридцати лет, и за это время произошли радикальные перемены в отношении численности населения.

Среди дня мы миновали торосы и последнюю милю шли хорошей дорогой. В 17 часов мы вышли на Сибирское побережье. Это произошло 4 апреля, — мы провели 17 дней в пути. Расстояние, которое мы прошли, составляло не менее 200 миль.

Первое, что увидел эскимос, как только мы стали на землю, — следы одиночных саней по тундре.

— Ардегар! (это хорошо) — воскликнул он. — Сюда приходят эскимосы.

Я спросил:

— Действительно ли это Сибирь?

— Да, это Сибирь.

— Куда нам идти? — продолжал я.

Ни минуты не колеблясь, он указал на восток.

Пурга началась, когда мы были еще в пути, и теперь разыгралась с невероятной силой. Мы остановились и за полчаса построили хижину и убежище для собак, которых у нас осталось только четыре. Забравшись в хижину, мы приготовили чай, сварили медвежьего мяса и поели его досыта, после чего улеглись спать. Как было чудесно снова уснуть на земле!

---

¹ Несомненное недоразумение.

ГЛАВА XXII

ВСТРЕЧА С ЧУКЧАМИ

С рассветом мы оставили нашу хижину и по проложенному пути отправились туда, где накануне оставили запасы. Плохой свет и снегопад приносили нам немало мучений, да и сама дорога была зачастую плохо заметна, но все же мы нагрузили все наши вещи и к 9 часам вернулись в хижину готовыми к походу на восток. Облачность и густой снег мешали видеть окружающую нас местность, и я просто не знал, где мы находимся.

Позднее, на мысе Восточном, разбирая с Клейстом карту, я понял, что мы высадились на мысе Яккан, в шестидесяти милях западнее мыса Северного.

Путешествие по тундре казалось нам изумительным. Мы хорошо видели дорогу, так как ветер почти обнажил землю, очистил ее от снега, и след саней, ранее проходивших по этому пути, четко вырисовывался. После долгодневного карабканья по торосистому льду и переправ через полыньи путешествие казалось таким легким, как по проезжей дороге. Наши собаки были в плохом состоянии, и только одна из них была по-настоящему работоспособна.

Около 14 часов на некотором расстоянии от нас показались какие-то черные предметы. Катактовик был впереди меня, я правил собаками. Он вернулся и сообщил.

— Эскимосские яранги.

— Очень хорошо! — ответил я и приказал ему идти вперед. Обычно он был хорошим ходоком, но теперь как будто задерживался и старался идти поближе к собакам. — Что с тобой? — спросил я.

— Эскимос увидит меня и убьет, — ответил он. — Отец мой и мать моя говорили давно: пойдет эскимос с мыса Барроу в Сибирь, и никогда не придет домой. Сибирский эскимос убьет его.

— Ты ошибаешься, — настаивал я и повторял то, что говорил раньше о гостеприимности сибирских эскимосов. — Наши мученья кончились. Теперь мы скоро найдем убежище, чтобы высушить одежду, починить ее, а быть может — достанем новую.

Но Катактовик оставался попрежнему непоколебим, даже когда я сказал, что мы достанем собак или убедим какого-нибудь эскимоса проводить нас.

Через некоторое время мы увидели людей; они бегали и, повидимому, были очень взволнованы нашим появлением.

Катактовик подскочил к собакам, и я заявил ему:

— Веди собак, а я пойду вперед.

Он принялся за это с видимым облегчением.

Наконец, я остановился метрах в десяти от эскимосов, вытянул вперед руку и направился прямо к ним, обратившись с приветствием по-английски. Они немедленно бросились к нам, горячо обняли и взволнованно затараторили. Я ничего не понял из того, что они сказали. Катактовик не понял также.

Я попытался заставить их понять, кто мы такие и откуда пришли, но они не понимали моего языка, так же как я не понимал их.

Единственное, в чем не было сомнения, то, что они рады видеть нас и ревностно проявляют гостеприимство. Прежде всего, они отпрягли наших собак и накормили их, завели наши сани в переднюю часть дома, ничего не тронув из того, что на них лежало, и поставили их на своего рода подмости, подальше от собак и непогоды.

Потом какая-то старуха схватила меня за руку и втокнула за загородку к нарам, где стояли три туземных лампы, две по краям и одна по середине. Крыша была так низка, что я касался ее головой, поэтому я сел. Женщина стряхнула снег с моей одежды снежной колотушкой, имевшей форму серпа, бросила оленью шкуру на нары, чтобы мне было удобнее сидеть, стащила с меня сапоги и чулки, повесила их сушиться и принесла пару оленьих чулок. Они были значительно короче наших и я пришел к заключению, что сибиряки носят штаны длиннее тех, которые носим мы. Наконец хозяйка сняла с меня «парку» и повесила ее сушиться, а я сам снял рубашку. Другие проделали то же самое с Катактовиком.

Поблагодарив их, мы с удовольствием уселись перед большим деревянным блюдом, наполненным мороженой олениной, и

начали есть в компании с двенадцатью или четырнадцатью гостеприимными туземцами, с которыми формально не были знакомы. Никогда мне не приходилось сталкиваться с таким благородным гостеприимством, и никогда я не испытывал большей благодарности за сердечность приема. Это было, как я потом узнал, типичным образцом подлинной человечности этих простых добрых людей.

Через некоторое время я рассмотрел ярангу. Большое квадратное помещение, в котором мы находились, напоминало по форме снежную хижину, хотя сибирские эскимосы, или так называемые чукчи,¹ не имеют представления о снежных хижинах и о том, как их надо строить. Их дома, как я потом узнал, называются «ярангами». Яранга представляет собой деревянный каркас, обтянутый моржовыми кожами, скрепленными веревками, которые пропускаются через крышу и привязываются с противоположной стороны к тяжелым камням. Размер внутреннего жилого помещения 3 метра на 2. Оно отделено от наружной части занавеской. Здесь хранятся сани и прочее снаряжение. В яранге чукчи спят на дубленой моржовой коже. Они освещают и отапливают помещение и варят пищу на лампе. Это сосуд, наполненный моржовым или тюленьим жиром, с фитилем из мха. Такая лампа совсем не коптит. Она зажигается обыкновенными спичками и, вероятно, вообще редко гасится. При трех лампах в яранге было очень жарко, смею думать, температура достигала 38°.

Наши хозяева и хозяйки составляли три семьи, жили в трех ярангах и очень любили пить чай. Они топили лед в медных котлах и бросали туда русский чай, спрессованный в плитки. В честь нашего приезда старуха вытащила красивый фарфоровый сервиз. Чашечки были очень малы и вмещали не больше одного глотка. Каждую чашку, старательно завернутую в грязную тряпку, старуха тщательно вытерла, предварительно поплевав на нее, чтобы навести чистоту. Увидев ее способ мытья посуды, я проявил невежливость и

¹ Называть чукчей «сибирскими эскимосами» — несомненная вольность. Антропологически доказано, что это две разные народности. Сходство между ними наблюдается только в образе жизни. Но Бартлетт не разбирается в антропологических вопросах, и называет чукчей попеременно то «сибирскими эскимосами», то просто «эскимосами», то «сибиряками». В настоящем переводе в большинстве случаев даны авторские названия, несмотря на их ошибочность. Необходимо помнить, что повсюду, где автор говорит о встречах с туземцами на северном побережье Чукотки, он имеет в виду чукчей.

попросил Катактовика вынуть мою кружку из саней. Когда он вернулся с кружкой, наша хозяйка очень огорчилась, потому ли, что кружка была очень велика, или потому, что я недостаточно оценил ее доброту и прекрасный фарфор.

Когда мы покончили с блюдом оленьего мяса, которое даже в сыром виде было хорошей едой, нам принесли блюдо моржового мяса. Вероятно морж был убит прошлым летом; мясо отличалось крайне неприятным запахом.¹ Из вежливости, я попробовал есть, но оказалось, что это выше моих сил. А Катактовик наслаждался. Позднее я спросил его, какой пище он отдал бы предпочтение, той, которую мы ели на пароходе, или этому вонючему моржовому мясу. Он ответил, что последнее ему очень понравилось.

После моржового мяса я выпил большое количество чая. У меня сохранилось около ста таблеток сахараина, и когда принесли свежий чай, я бросил весь сахарин в чайник.

Я заметил, что сибиряки ломали себе голову, не понимая, кто такой Катактовик. Они говорили о нем и обращались к нему. Я вполне уверен, что они не принимали его за эскимоса. Меня они, очевидно, считали купцом, хотя и не видели меня раньше на побережье.

Сани были очень крепко завязаны, и сибиряки не могли разобрать, что там лежит, и вместе с тем они были очень легко нагружены, и поэтому наши хозяева, очевидно, думали, что я распродал товары и возвращался домой. Катактовик пытался разговаривать на языке аляскинских эскимосов, но хозяева поднимали руки и прикасались к лицу, чтобы показать, что они не понимают. Потом они сами пробовали говорить с ним, и он, в свою очередь, поднимал руки и говорил «Ми но савви» (не понимаю).

Покончив с чаем, они начали знаками спрашивать, кто мы такие и откуда пришли. Я вытащил карты, показал место нашего дрейфа, место, где затонуло судно, и точку, где мы вышли на берег, отметил остров Врангеля и объяснил, что там находятся люди. Сначала я сделал судно из спичек, но меня не поняли. Чтобы показать место, где затонул «Карлук», и объяснить, что заставило его затонуть, я нарисовал корабль, окружил его черточками, изображавшими лед, захлопал в ладоши и стер весь рисунок. Теперь они поняли все, что я нарисовал. Они сообщили мне свои имена, но я не мог ни произнести их, ни написать. Мы начали нашу беседу в 14 часов

¹ Подтухшее моржовое мясо часто употребляется чукчами в пищу.

и продолжали ее весь день до поздней ночи, каждые пять минут заваривая свежий чай.

У нас все еще оставалось четыре или пять жестянок чайных таблеток. На крышках жестянок была нарисована Индия, которая вызвала восхищение всех чукчей. У меня оставалось немного непромокаемой материи, я попросил старуху сшить из нее мешок, и высыпал в него чай, а пустые жестянки с хорошенькими картинками отдал ребятам. Чайные таблетки заинтересовали старших, и я пожертвовал несколько таблеток для «званного вечера».

Развернув карту, я спросил, какой народ должен повстречаться мне на пути. Мне объяснили, что по всему побережью мы будем видеть только чукчей и что по пути на мыс Северный находятся два или три селения. Я нашел мыс Северный на карте, там было все ясно обозначено. Чукчи не понимали, что я подразумевал, произнося названия, и вдруг один из них воскликнул: «Рыркайпий».¹ Он повторял это снова и снова, и наконец я понял, что это было другое наименование того же места. Я положил большое количество спичек на карту, указывая наш путь, и тот же самый человек рассказал при помощи спичек, что на мысе Северном имеются яранги. Видя в яранге кухонные принадлежности, чай и пачки табака, я понял, что в пути мне придется встречаться с русскими купцами.

Я хотел знать, путешествуют ли чукчи и уходят ли они с побережья вглубь страны. Нарисовав на карте картинку с изображением деревьев и канадского оленя, я решил, что заставлю их понять то, что мне хотелось узнать. Они поняли меня и объяснили, что на путешествие в страну оленей тратят пятнадцать ночей.

Впоследствии я узнал, что здесь жили прибрежные эскимосы и оленеводы, последние более выносливы, чем первые. Местные жители поддерживают свое существование охотой, их основная дичь: моржи, тюлени и медведи. У некоторых туземцев есть большие байдары, на которых они объезжают значительные расстояния по побережью. Они никогда не выбирают на дрейфующий лед. Два года тому назад, как узнал Катактовик, два охотника отправились на лед и не вернулись. Теперь чукчи спрашивали, не видел ли я следов.

¹ Настоящее чукотское название мыса Северного—Рыркайпий. Два года тому назад мыс Северный переименован в мыс Шмидта.

Местные жители строят яранги поближе к воде, чтобы ловить лососей и форель и добывать вместо снега пресный лед для чая.

На побережье я встретил множество женщин и мужчин в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет. Все они выглядели значительно старше и были поражены туберкулезом, но никто из них не лечился. Когда чукчи становятся старыми, теряют способность заботиться о себе и начинают обременять других, они кончают самоубийством. Не думаю, что они роют могилы, я не видел ни одной. Вероятно, их трупы пожирают птицы и звери.

Мои сведения о туземцах, разумеется, не основаны на впечатлении от первых чукчей, которых я встретил, но безусловно это была типичная и достаточно характерная группа. Чем больше я изучал их нравы и обычаи и видел бесконечные чествования чужеземцев, тем больше я убеждался в этом.

Около 23 часов мы легли спать все вместе на нары, мужчины, женщины и дети. До этого времени ребята оставались по ту сторону занавески.

Воздух стоял жаркий и вонючий, наполненный дымом русского трубочного табака, которым пользуются чукчи. В перерывах между чаепитием они курили табак. Почти все время они мучительно кашляли. Туберкулез цепко держал их. Ложась спать, они не тушили ламп. Вентиляции не существовало. Воздух в течение ночи становился все удушливее и тяжелее. Я то-и-дело просыпался и, наконец, вовсе не мог уснуть. Воздух стоял нестерпимо тяжелый. Лампы потухли. Я чиркнул спичку, она не загоралась. Повидимому, в это время проснулись все чукчи. Они беспрерывно кашляли. Я нащупал занавеску и отдернул ее. Очевидно, это было новым событием для них. Вероятно, они испугались сквозняка, но я был гость, и они воздержались высказать неодобрение.

Мой дневник на следующий день начинается так: «Годовщина открытия Северного полюса. В Нью-Йорке клуб ученых и исследователей, наверно, чествует Пири».¹

Весь день дул сильный северо-западный ветер и бушевала пурга. Если бы мы решили двигаться, мы прошли бы очень немного, а наша вынужденная стоянка дала нам возможность высушить одежду, пропитанную соленой водой, и зачинить многочисленные дыры, сделанные острыми углами торосистых льдов. Я достал у туземцев сапоги и чулки для

¹ Северный полюс был открыт Робертом Пири 6 апреля 1909 года.

Катактовика и послал его вместе с другими эскимосами чинить сани, которые находились в самом плохом состоянии. Мы сделали несколько новых упряжек и починили старые. Я пытался купить несколько собак, но туземцы не продавали их. У них было очень мало собак.

В полдень вошел Катактовик и сообщил, что один из туземцев, кажется, собирается пойти с нами на мыс Северный, захватив с собой собаку и маленькие сани. Провожая нас по неизвестному пути, он ускорит наше путешествие.

Я захватил с собой несколько дешевеньких часов и другие мелкие вещи и сберег около дюжины бритвенных ножичков. Эти вещи я роздал туземцам. Деньги, которых у меня было немного, не имели значения. Старухе, которая стаскивала с меня сапоги, я подарил кусок мыла и несколько игло-лок, дочерям пустые коробки от чая, а двенадцатилетнему мальчику часы и перочинный нож. Сибирские женщины очень трудолюбивы. Они выполняют всю домашнюю работу, шьют и чинят кожаные вещи и, если нужно, ведут собак.

Я знал, что при благоприятных условиях передвижения по берегу я смогу теперь добраться до цивилизованных мест, организовать помощь и послать людей на остров Врангеля. Я думал и беспокоился о них все время. Мне хотелось знать, помешал ли шторм, который затруднял нашу переправу через залив Лонга, спасти запасы, спрятанные на льду по пути в Лагерь кораблекрушения, и добрался ли Монро благополучно до основной партии.

ГЛАВА XXIII

НА ВОСТОК ПО ТУНДРЕ

7 апреля утром у нас все было готово для дальнейшего путешествия. Все вещи были высушены и приведены в порядок, и мы сами и собаки отдохнули и имели возможность поесть всласть и не спеша.

Перед нашим уходом, пришла из другой яранги какая-то старуха и попросила зайти к ней. У нее было много сухой оленины, покрытой салом или жиром, которую она считала большим деликатесом. Она предложила нам поесть ее с сахаром, а потом ее замужняя дочь подала нам чай. Сибирские эскимосы пьют чай в прикуску. У нее осталось кусков восемь сахара от зимних запасов, она спросила меня, люблю ли я сахар, я ответил, что люблю, и положил немного в чай. Затем старуха подарила мне пару оленьих рукавиц, которые пришлись весьма кстати. Я дал ей несколько иголок для шпивания кожи, чем очень ее обрадовал.

Утром было прекрасное и ясное. Мы вышли в 10 часов с нашими санями и собаками; один из чукчей последовал за нами. На санях его лежала небольшая кладь, сани были маленькие и легкие, и поэтому он ехал значительную часть пути. Мы шли, как всегда, пешком, снег был недостаточно глубокий, и мы не надели лыж. Путешествие было великолепным. Солнце сияло, было безветрено, но очень холодно. Некоторое время собаки бежали очень быстро, но скоро они замедлили шаг.

После полудня мы миновали еще две яранги, в одной из них мы выпили чаю. Весь день я с трудом оберегал руки от мороза. Обычно я легко избегал отмораживания, но теперь приходилось тратить огромные усилия и постоянно соблюдать осторожность.

Температура, я полагаю, достигала -45° — -50° Ц.

Мы шли бодро весь день и к заходу солнца построили снежную хижину. Наш спутник не умел резать снежные

комья. Это не удивило меня, так как сибирские эскимосы редко рискуют путешествовать в дурную погоду, стараются попасть к концу дня в ярангу и не занимаются постройкой хижин для ночлега.

У эскимоса не было собачьей кормежки, он собирался добыть ее на мысе Северном. У меня все еще оставалось немного собачьего пеммикана. В своей яранге он покормил наших собак, и я дал немного пеммикана его собаке.

В эту ночь мы с большим наслаждением легли спать в нашей хижине. Здесь нам не приходилось дышать отвратительным, спертым воздухом, как в предыдущую ночь, и мы больше не слышали непрерывного кашля.

Когда на следующее утро мы свернули лагерь, небо было облачно и ветер дул с севера. Мы ехали тундрой и заметили, что полоса ее становится уже.

Мы приближались к мысу Северному. Наш сибирский эскимос был очень любезен и согласился запрячь свою собаку в наши сани. Его санки были немного больше американских детских саночек, и мы положили их на наши сани. После тяжелого дневного перехода незадолго до захода солнца мы подошли к селению мыса Северного. Несмотря на изменчивую погоду и сильный холод, мы проделали весь путь в 2 дня. Для меня низкие температуры не были новы, но почему-то я чувствовал холод на Сибирском побережье значительно острее чем в других местах Арктики. Нам попадались прибрежные косы.¹ Здесь северный ветер, не встречая преград, пролетал над ледяным полем, к этому холоду я был особенно чувствителен. У меня не было термометра, но, судя по состоянию каменноугольной смолы, я полагаю, температура была не выше -50° Ц.

Когда мы переправлялись через гладкий лед в маленькую гавань на мысе Северном, наш проводник указал нам ярангу против берега и знаками дал понять, что туда мы должны идти.

Становилось темно. Мы направились к яранге, и тотчас нас встретило несколько туземцев. Они решительно схватили меня за руку и потащили за собой. У порога, поджидая меня, стоял очень высокий человек, закутанный в меха. Это иностранец, — подумал я и спросил:

---

¹ Северное побережье Чукотского полуострова необычайно богато обширными лагунами, окаймленными косами из гальки и песка.

— Вы говорите по-английски?

— Немножко, — ответил он и отвернув мех, приоткрыл лицо. Я увидел, что это был русский.

— Здесь еще есть человек. Он говорит по-английски лучше меня, — добавил он.

Через минуту вышел другой русский. Он знал английский язык значительно хуже первого. Напряженно прислушиваясь к его словам, я угадывал, что он хотел сказать, и постепенно нам удалось найти общий язык. Я понял, что он был грузчиком в Сиеттле и знал, что мистер Тафт был президентом Соединенных Штатов. Он спросил меня, знаю ли я лично президента.

В то время когда мы разговаривали, к нам подошел Катактовик и спросил, что он должен делать.

— Распряги собак, — ответил я, — и ступай за мной.

От волнения при виде белого чужеземца, прибывшего так неожиданно, в первые минуты никто не подумал пригласить нас в ярангу.

Я еще раз попытался поддержать разговор с русскими, наконец ко мне подошел туземец и спросил:

— Вы старик?

Сначала его вопрос поставил меня в тупик. Потом я догадался, что он говорит на морском наречии и хочет узнать, не капитан ли я.

— Да, — ответил я.

— Пойдем в мою каюту, старик, — сказал он, указывая на ярангу.

На дворе было очень холодно, и воздух в помещении казался теплым, слишком теплым для хорошего самочувствия. Там было довольно много людей. Объяснившись с хозяином, я понял, что одно время он жил на мысе Восточном и встречался с китобоями в те дни, когда в Арктике процветал китовый промысел. Он бывал на судах и знал их названия. Когда я спросил его о «Карлуке», он ответил:

— Я знал «Карлук», я был на «Карлуке», когда он ходил на кита.

Он предполагал, что мы плавали как китобои, но я объяснил по карте, что мы пытались делать и где находились, когда затонуло судно. Он понял многое из того, что я говорил, и порой понимал «язык Катактовика».

Он был чрезвычайно удивлен, когда понял, что мы прошли всю дорогу от Лагеря кораблекрушения до земли пешком. Очевидно, это казалось ему большим подвигом. Я объяснил,

что Катактовик пришел со мною, что он строил хижины и убивал тюленей и медведей и что эскимос и белый человек могут жить на льду много месяцев.

Разговаривая, я пил чай и ел тюленье мясо. В это время вошел один из русских и пригласил нас в свою ярангу. Он угостил нас русским хлебом, семгой, чаем и молоком. Я рассказал о том, что мы делали и как потеряли судно.

— На мысе Восточном, — сообщил он, — живет мой брат, он может позаботиться о вас.

Он дал мне рекомендательное письмо к брату. Его фамилия Караваев.

Наш гостеприимный хозяин собирался отправиться с торговым судном дальше на запад на мыс Яккан. Через десять дней он думал вернуться на мыс Северный и уговаривал меня остаться до его возвращения. У него были две прекрасных собачьих упряжки, которые могли оказать нам большую помощь. Но я отклонил его предложение, я очень беспокоился и хотел поскорей отправиться на мыс Восточный, а потом в Анадырь и послать телеграмму в Оттаву с русского телеграфа, который был обозначен на моей карте. Если бы я лучше знал Сибирское побережье, я шел бы с мыса Северного в Анадырь через Чукотский полуостров, и это отняло бы не больше времени, чем переход от мыса Северного до мыса Восточного.¹

Мы великолепно провели ночь в яранге Караваева. Было слишком жарко, я снял платье и улегся на оленьей шкуре, брошенной на нарах. Мы попытались разговаривать с Караваевым, но он плохо говорил по-английски, а я говорил по-русски еще хуже, и мы получили очень мало сведений друг от друга.

Я часто удивлялся вежливости и предупредительности русских и чукчей, которых мы встречали на пути, и тому, как они бескорыстно оказывали нам приют. Они не требовали ни таможенных осмотров, ни паспортов, ни рекомендательных писем. Мы не были торговцами, но все же мы чужеземцы, на санях — странное походное снаряжение, и трудно было поверить, что мы путешествуем ради забавы. У нас были карты, но моряки на собачьих упряжках не совсем обычное явление даже в Арктике, и тем не менее мы не вызвали подозрений. По пути нас радушно встречали, не за-

¹ Можно усомниться в правильности этого мнения: внутренние области Чукотки чрезвычайно гористы и очень трудно проходимы.

давая вопросов, предоставляли удобства и провожали, не требуя расплаты. Нас можно было принять за городских кузенов, навещающих деревенских родственников.

Мыс Северный, открытый знаменитым английским путешественником капитаном Куком в 1778 году — пункт значительной важности на Сибирском побережье. Здесь в нескольких ярангах живут оленеводы, время от времени они меняют оленину на тюленей, китов и ворвань для печей.

Барон Клейст, с которым я позднее встретился на мысе Восточном, сообщил мне, что бывал в оленьих питомниках, где два человека владели четырехтысячным стадом канадских оленей. Он видел этих людей в открытом поле, где они стерегли свои стада день и ночь, каждый по 36 часов подряд, они находились в тундре без всякого убежища, и лица их были буквально сожжены морозом и ветром.

В ту ночь, перед тем как лечь спать, Караваев приготовил чай, у него был сахар и русский хлеб, и я поужинал с удовольствием.

Чукча — хозяин яранги — имел четырехлетнего внука, он ел гнилое китовое мясо, пил много чаю и в каждую маленькую чашечку чая клал четыре куска сахара.

В яранге очень жарко, вентиляции, как обычно, не было, и у меня сильно разболелись глаза. Я слегка приоткрыл занавеску и освежил их. На дворе температура упала до -45° , стоял резкий холод, значительно более резкий, чем тот, который, по словам Караваева, нам предстояло встретить у мыса Восточного.

На следующее утро, часов в семь, я высунул голову из яранги и понял, что ветер, дувший с запада, достиг силы урагана и намел огромные снежные сугробы.

— При таком ветре двигаться невозможно, — сказал Караваев, но ветер должен был дуть нам в спину, и я решил идти.

Мы завтракали в яранге другого русского, там нас угостили мороженым медвежьим мясом, лепешками и какао. Завершив все это трубкой американского табака, около десяти часов мы тронулись в путь.

Мы шли очень медленно, но постепенно небо прояснилось, ветер затих, наступил ясный, холодный день, и мы прошли большое расстояние по тундре.

К заходу солнца мы построили хижину, поели пеммикана и оленьего мяса, которое Катактовик раздобыл на мысе Северном, и легли спать. Мы долгое время питались запасом

судовых сухарей, большинство которых было попорчено соленой водой по пути с острова Врангеля.

10 апреля, при дневном свете, мы покинули хижину. К моменту нашего выхода поднялось солнце. Стоял замечательно ясный день, с легким, но очень холодным восточным ветром. Катактовик жаловался на боль в ногах и руках, у меня тоже очень болели руки. Собаки работали плохо и двигались с большим трудом, хотя сани наши становились легче изо дня в день.

К полудню мы подошли к месту, где стояли две яранги. Все мужчины ушли на сбор плавника. Я попытался объяснить женщинам, что нам нужна собака. Указав на наших собак, я поднял четыре пальца, потом взял одну из собак и положил ее на землю, чтобы показать, что три наших собаки, в сущности говоря, мертвы. Потом, я поднял палец, желая показать, что нам нужна еще одна собака. Женщины не поняли этой пантомимы, я рассердился, и мы отправились дальше, с надеждой найти другую ярангу, где, быть может, лучше поймут наши нужды.

ГЛАВА XXIV

КОЛЬТ

Вскоре после того как мы снялись с места, одна из собак, по кличке Уайти, улеглась и отказалась работать. Бедная, старая Уайти! Она отдала все, что у нее было, и дошла до полного изнурения при тяжком переходе из Лагеря кораблекрушения до острова Врангеля и оттуда через пролив Лонга до Сибири. Я отпряг ее и положил на сани.

Теперь у нас остались всего три собаки в упряжке, и наши сани подвигались довольно медленно.

Около 14 часов нам повстречались две яранги. Чукча, живший в одной из них, оказался оленеводом. Он недавно был тяжело болен и только теперь начинал поправляться. У него было семь собак, которые заинтересовали меня. Я знаками показал, что и у нас было семь собак, а осталось четыре, из которых одна уже выбыла из строя, что мы пробираемся на мыс Восточный, который я показал ему на карте, и что мне необходимо достать собак.

Хозяин яранги оказался интеллигентным человеком и понял, чего я хочу. Вместе со своей хозяйкой он приготовил чай, мы поели тюленьего и моржевого мяса и подкрепили наши силы. Катактовик ел моржа, а я оленину. Хозяин объяснил нам, что к ночи мы не дойдем до другой яранги, и предложил остаться у него. Мы с радостью согласились.

Оленеводу не хотелось расставаться с собаками. Наконец, он сказал, что ночью не будет ничего решать, а даст ответ утром.

Мы встали чуть свет и за завтраком ели пеммикан, мороженую оленину и пили чай. Потом я возобновил разговор о собаках. Эскимос заявил, что собак он не продаст, но одну из них даст заимобразно, если я пришлю ее обратно с мыса Восточного. Я подарил ему бритву и обещал прислать собаку. Тогда он показал мне ружье системы «Ремингтон»

и несколько патронов и дал понять, что у него нет патронов и что я должен заплатить ему патронами за пользование собакой. Он знал о существовании города Нома, очевидно, торговые моторные лодки заходили на Сибирское побережье. Собаку, как я понял, можно было отослать с путешественниками, направлявшимися на запад. Он рассказал мне, что на Колючинской губе живет белый человек, брат Караваева, с которым я повстречался на мысе Северном. Он заведует меховым торговым пунктом на мысе Восточном.

Оленевод был честный и доверчивый человек. Кроме кирки и бритвы, которые я подарил ему, он получил от нас только мимическое обещание, а отдал лучшую из своих собак. Я спросил у туземца, жившего в другой яранге, не может ли он сопровождать нас до Колючинской губы, и он ответил, что не может надолго оставить семью, потому что без него семья будет голодать. Я очень пожалел об этом. Меня так тепло принимали здесь, что в знак признательности я отдал жестянку керосина.

Я попытался записать фамилию туземца, которому я должен был прислать патроны, но произнести ее было невозможно. Даже эксперт по фонетике, вероятно, затруднился бы сделать это.

Позднее, когда я встретился с американским купцом Ольсеном и рассказал ему о моей сделке, он тотчас понял, с кем я имел дело, и посланные мною из Аляски патроны благополучно дошли до места назначения.

С нашей новой собакой в упряжке и Уайти в качестве пассажира мы добрались к середине дня до новой яранги, где нас встретили две женщины. Я попытался объяснить им, что мы хотим видеть хозяина дома и купить у него собаку. Вокруг яранги бегало много прекрасных собак. Женщина оказалась не очень понятливой, но все же, в конце концов, объяснила мне, что ее хозяин отлучился на сбор плавника. Мы вскипятили чай и решили ждать. Катактовик зашел в ярангу и вернулся, чтобы сказать мне, что у женщины есть мука, часть которой она охотно соглашается отдать нам. Я не совсем представлял себе, что мы можем с ней делать, и сказал об этом Катактовичу.

— Я сделаю лепешки, — ответил он.

Катактовик взял немного муки, замешал ее на талом снегу, потом смазал крышку чайника моржевым жиром, поставил ее на примус и поджарил с полдюжины лепешек. Они показались мне очень вкусными, и с этого времени всякий

раз, когда мы доставали муку, Катактовик жарил лепешки. К сожалению, случаи эти бывали очень редко.

Выпал прекрасный ясный день, мы любовались местностью, которая напоминала побережье Земли Гранта, где я бывал на «Рузвельте» во времена моих путешествий с Пири.

Вскоре вернулись мужчины, отец с сыном. Я спросил хозяина о собаке. Он ответил, — мы, разумеется, разговаривали мимикой, — что у него самого только семь собак и он не может с ними расстаться. У меня был бинокль, который я предложил ему, но соблазнить его не удалось, он очень вежливо отказался от торговли. У меня сохранился новый со-рокалятикалибровый кольт с 83 патронами, из которого я обычно стрелял тюленей. Сын хозяина следил за нашим разговором. Я дал ему заряженный револьвер и знаками показал, чтобы он выстрелил. В тридцати метрах от дома в снегу торчала палка. Мальчик выстрелил в нее и попал с первого раза. Он почувствовал огромную гордость, просил, чтобы ему разрешили выстрелить еще раз. На этот раз он промахнулся, но следующим выстрелом расщепил сук надвое. Он был хорошим стрелком, попасть в палку не так легко, особенно если раньше вы никогда не видывали револьвера.

Повернувшись к мальчику, я взял собаку одной рукой, а револьвер другой и знаками показал, что за собаку я отдам револьвер.

Отец начал колебаться, мальчик отвел его в сторону, чтобы обсудить вопрос, наконец они вернулись, и отец объяснил, что он согласен на сделку. Катактовик осмотрел предложенную собаку, и мы решили, что она недостаточно хороша. Указав на другую собаку, я сказал, что выбрал именно ее.

Старик покачал головой и объяснил, что согласится отдать собаку в том случае, если в придачу к револьверу я отдам бинокль. В ответ я тоже покачал головой, взял у мальчика патроны и револьвер и приготовился уходить. Тогда старик уступил и передал нам собаку и упряжку.

Я вернул мальчику револьвер и патроны, запряг собаку, и мы снова тронулись в путь. Новая собака — маленький белый пес — оказалась сильной и хорошо бежала. Наша старая Уайти достаточно окрепла, чтобы шагать за санями, но работать еще не могла. Теперь вместе с Уайти у нас было уже шесть собак.

Около 15 часов мы покинули ярангу старика и в 19 часов, при заходе солнца, встретили партию чукчей с тремя собачьими упряжками, направлявшуюся к мысу Северному. Мы

остановились на несколько минут, и я понял из разговора, что они шли с мыса Онман от устья Колючинской губы. Они объяснили нам, что часа через полтора попадут в ярангу, из которой мы вышли. Нам удалось пройти это расстояние за четыре часа, но мы шли пешком, а в каждой упряжке сибиряков было по 16 и даже по 22 собаки, и они могли ехать с большой скоростью.

Вскоре после этой встречи мы остановились и построили хижину. Пришлось обсудить, как нам быть с двумя новыми собаками. Мы не знали, лучше ли их привязать снаружи или взять с собой в хижину. Я побоялся оставить их и вместе с упряжкой взял в хижину. Ложась спать, мы связали постромки и легли на них.

После длинного и утомительного рабочего дня мы быстро заснули. Температура воздуха стояла около -45° . Среди ночи я проснулся от сильного холода. В одной из стен хижины была проделана большая дыра. Собаки освободились от упряжки и убежали. Мы выпили чаю, и, как только стало достаточно светло, я послал Катактовика обратно в ярангу, где мы достали последнюю собаку, названную Кольтом. Мы полагали, что другая собака тоже там.

Я попросил Катактовика заставить старика впрячь собаку в свои сани и для экономии времени приехать вместе с ним. Через несколько часов Катактовик вернулся с Кольтом и его прежним хозяином, и мы снова впрягли Кольта в нашу упряжку. Но другую собаку они не нашли. Я дал старику коробку пеммикана за беспокойство, и мы поехали дальше.

Много времени спустя, после захода солнца, мы построили хижину. Я решил, что Кольт больше не сбежит, и, связав ему морду, чтобы он не жевал упряжки, поместил его вместе с нами в хижину. Но каким-то образом он перегрыз упряжку, освободился, выскочил из хижины и исчез. Теперь расстояние было слишком далеко, чтобы снова посылать за собакой, и я потерял надежду когда-нибудь видеть ее вновь.

Оставшись снова с четырьмя собаками, из которых две были мало пригодны, мы отправились в 5 часов дальше. Днем нам повстречался какой-то старик с мальчиком, они собирали крупные бревна, выброшенные морем. Я спросил старика, что он собирается с ними делать, но не понял его ответа. Быть может, он собирался построить дом или лодку. Жил он в палатке и намеревался, как я понял, уйти в тот день на восток.

Мы разожгли костер из сучьев, вскипятили чай и отправились дальше. Катактовик сообщил мне, что, насколько он понял, старик собирался догнать нас и подвезти. И, действительно, часа за два до захода солнца он догнал нас и предложил ехать на его санях. Шел мягкий и пушистый снег, я весь день шагал на лыжах. Из-за снега собаки двигались с трудом. Я принял предложение старика ехать на его санях, но через несколько минут понял, что сидеть на санях слишком холодно, надел лыжи и снова пошел.

В сумерках мы расположились в палатке старика. Северо-западный ветер усилился и нанес снежные сугробы. Я разжег примус, вскипятил для всех чай, и мы поели пеммикана. У старика с сыном еды не оказалось.

Как только мы кончили ужинать, к нам подошли люди с тремя упряжками, с этими людьми нам уже пришлось встретиться три дня тому назад. Они побывали на мысе Северном и возвращались обратно. Мы снова разожгли примус, приготовили им чаю и дали поест пеммикана. Через некоторое время они сообщили, что белая собака Кольт находится у них. Старик отослал ее. Я был необычайно удивлен, и было бы мало сказать, что я был очень рад. Ничто не восхищало меня так, как честность и великодушие сибиряков. Однажды старик привез сбежавшего Кольта, а теперь он снова прислал его нам.

Мы забрались с новыми гостями в палатку и пытались поддержать разговор. Они были очень общительны и дружелюбны, но почему-то Катактовик не мог преодолеть дурного предчувствия. Мы с трудом заставляли их понимать нас, и временами я начинал волноваться и пытался говорить громко и выразительно. Это усиливало беспокойство Катактовика, и он уговаривал меня: «Ты не должен так говорить». Он боялся, что гости не поймут моей горячности и примут ее за угрозу.

14-го начался сильный западный ветер. Люди с тремя собачьими упряжками вышли раньше нас. Они объяснили, что собаки наши очень медлительны, а они торопятся. Я попытался купить у них за бинокль собаку, но они не согласились.

Оставив старика с сыном в палатке, мы тронулись в путь и хорошо шли весь день.

К полудню мы добрались до яранги и выпили чаю. Потом снова двинулись и к 17 часам подошли к другой яранге. Поблизости стояла палатка. Мы направились к ней, и через несколько минут из яранги появился старик и знаками предложил нам чаю. Он вошел в хижину и принес новенький

медный котелок, вмещавший около двух галлонов. Старик разрешил нам воспользоваться котелком и предложил наполнить его снегом, если мы хотим развести огонь и приготовить чай. Но на приготовление чая потребовалось бы слишком много времени, и мы решили идти дальше. Старик показался мне очень бедным, и я дал ему немного пеммикана и чаю.

К ночи мы построили хижину. Я взял Кольта к себе, завязал ему морду и закрутил половину упряжки, так что он не мог перегрызть ее. Потом раза три крест-накрест я привязал один конец веревки к упряжке, а другой прикрепил к своему поясу. Ночью собака вела себя беспокойно, и я не мог спать. Этим методом я воспользовался в последний раз, потом я привязывал Кольта с остальными собаками.

ГЛАВА XXV

ДАЛЬШЕ НА ВОСТОК

Следующий день начался прекрасным, ясным рассветом. Мы вышли рано, двигались очень хорошо и к полудню добрались до яранги, выстроенной недалеко от Ванкарема. Здесь нас очень гостеприимно встретили и угостили чаем. Прощаясь, я подарил хозяевам несколько чайных таблеток.

В 17 часов мы попали на мыс Ванкарем. Мыс этот расположен не очень высоко. Там мы нашли четыре яранги.

В дверях одной из яранг стоял старик, он дал нам знак войти. Едва мы переступили порог, как за нами начала ухаживать старуха. Сняв с нас сапоги и чулки, она вывернула их и повесила сушиться под печкой. Потом принесла фарфоровый сервиз и подала чай с сахаром. У нее были две престелстные дочери, они помогали ей ухаживать за нами. В яранге было исключительно чисто, стены были украшены шкурами. Очевидно, хозяин дома был довольно зажиточный человек.

Мы покончили с чаепитием, и старик знаками дал нам понять, что хочет посмотреть нашу карту; вероятно чукчи, побывавшие здесь накануне, рассказали о нас. Я вытащил карту. Старик тщательно осмотрел ее и отметил место гибели «Карлука», потом подошел к ящичку и вынул несколько журналов — номеров десять, двенадцать приблизительно, двухлетней давности. Дневной переход по холодному ветру, следовавший после многих утомительных переходов, и ослепительное солнце тундры окончательно подорвали мое зрение. В эту минуту, кроме усталости и желания спать, мне больше всего хотелось дать отдых глазам, а не заниматься чтением. Я с трудом разбирал напечатанное, глаза сильно болели, жестиами я объяснял это хозяину, он понял меня и положил журналы в ящик.

В это время в ярангу вошел другой старик, очевидно старый друг хозяина, они начали играть в карты, как два старых ветерана, играющих в клубе.

Через некоторое время я уснул и прекрасно освежился. Когда я проснулся, картежники все еще играли. Немного погодя, они закончили игру, и наш хозяин вытащил какой-то ящик. По форме он напоминал граммофон. Потом старик вынул сверток из другого ящика, достал пластинки, и я понял, что это был действительно, граммофон.

Старик держался как настоящий американский хозяин, который с гордостью ставит для вас последние пластинки Карузо или Джона Мак-Кормана. Он угостил нас широчайшей концертной программой из сорока двух номеров. Половина песен была русских, остальные — английские. Как настоящий любитель музыки, он проиграл все сорок две пластинки. Старуха чинила в это время наши вещи. Мне так хотелось спать, что я засыпал во время концерта множество раз, но все же получил удовольствие.

Через некоторое время старик подал мне пивной стакан, ложку и бутылку с патентованным средством. Потом он подвел ко мне мальчика лет пятнадцати и знаком попросил меня дать мальчику лекарство. Стакан, ложка и бутылка были тщательно завернуты, и я понял, что он так же дорожит этим лекарством, как исследователь Арктики медалью. Наставления были напечатаны по-английски. Насколько я мог понять, в последний раз мальчик принимал лекарство предыдущим летом. Очевидно, оно давалось ему только тогда, когда кто-нибудь мог прочесть наставление. Я взял бутылку и стакан и отмерил точную дозу, добавил воды и передал лекарство моему пациенту с очень серьезным видом, как будто я был настоящим врачом. Не думаю, чтобы оно принесло мальчику облегчение.

Я проспал ночь с таким наслаждением, какого не испытывал с тех пор, как покинул Лагерь кораблекрушения. Утром старуха подарила мне пару оленьих рукавиц. Я дал ей гребенку. Мальчику я подарил компас, а ленту разделил между двумя девочками. Как только забрезжил свет, мы выехали. Отношение к нам этой чукотской семьи навсегда осталось у меня в памяти.

Старик, повидимому, понял, что мы очень торопились, и вызвался проводить нас до следующей яранги, находившейся милях в девяти-десяти отсюда. Это была большая подмога. Мы двигались очень быстро и прошли все расстояние к 21 часу.

В следующей яранге мы встретили четырех русских золотоискателей, пробиравшихся с мыса Восточного на мыс Се-

верный, близ которого есть золотая руда. Это были хорошо снаряженные путешественники. У каждого имелись отдельные сани и по двенадцати прекрасных собак в упряжке. Они угостили нас черным хлебом, маслом, чаем, сахаром и сардинами. Один из них говорил по-английски, — он написал свое имя на клочке бумаги, к сожалению, я его потерял.

У нас осталось два ножа для резки снега и, прощаясь со старым эскимосом, который был так добр ко мне, я подарил ему один из ножей, моток лески и пару стальных сверл, которыми мы пользовались для просверливания дыр в санных полозьях.

Пробыв в пути весь день, мы добрались после захода солнца до места, где стояли три яранги. Русский золотопромышленник говорил нам о них, предполагая, что мы попадем туда к ночи. Две яранги стояли рядом, а третья на отлете. Здесь народ оказался менее гостеприимным, чем тот, с которым мы встречались раньше, — они не прогоняли нас, но и не приглашали войти. Было темно, мы прошли большое расстояние, и я не был в состоянии потратить час, чтобы построить убежище на ночь. Я подошел к яранге; оттуда вышел молодой человек. Знаками я объяснил ему, что мы хотим здесь остаться. В конце концов, я вошел в ярангу и понял, почему эти люди так неприветливо встретили нас. Очевидно, у них были плохи дела и мало пищи. В то время как Катактовик кормил собак, я разжег примус, вскипятил чай и предложил всем поесть пеммикана и выпить чаю.

В этой яранге лежала больная женщина с грудным ребенком. Ребенок, как говорится, «беспокоился». Мать нянчила его, но когда он снова принялся кричать, она, к моему удивлению, рассердилась и начала неистово качать его. Потом она пожалела ребенка и пробовала напевать, но как только он начинал кричать, она возобновляла укачиванье.

За все мое длительное знакомство с эскимосами я ни разу не слышал, чтобы женщина обратилась с бранным словом к ребенку. Быть может, эта повздорила со своей свекровью и вымещала теперь злость на ребенке. Надо сказать, что старая свекровь имела свирепый нрав. Совершенно не зная этого, я лег на ее место и заснул. Вскоре после полуночи меня разбудила легкая пощечина. Мне так хотелось спать, что я не обратил на нее внимания, но вдруг проснулся, почувствовав ногу женщины на своем лице. Она пыхтела и ворчала. Молодая мать слегка напевала и разговаривала с ребенком. Я оделся, разбудил Катактовика и вышел.

Мы соорудили небольшое снежное убежище, поели пеммикана с чаем и в 2 часа выехали. Весь день путешествие было тяжелым. Дул сильный северо-западный ветер, бушевала снежная буря, мы плохо видели дорогу. На мысе Онман нас постигло разочарование, мы не нашли ни одной яранги, лишь в одном месте был поставлен каркас. Позднее мы узнали, что люди ушли на остров Колючин. Мы двигались по дикой дороге, которая, к нашему удивлению, отдалила нас от берега и привела к широкому входу в Колючинскую бухту. Вскоре мы попали на остров Колючин, похожий на перевернутое вверх дном судно.

Здесь мы обнаружили десять—двенадцать строений и явные признаки зажиточности. Из яранги вышел какой-то молодой человек и заговорил с нами.

— Мой говорит по-английски, — заявил он. — Мой знает Ном. Хорошо знал купца. Долго был мыс Восточный. Идите в яранга. Мой много поговорит. Много получит кушать.

Мы вошли в благоустроенную ярангу, в которой жили два молодых человека с семьями. Люди эти были оленеводами и имели прекрасные стада оленей в двадцати милях отсюда, в глубине тундры. Нам дали чаю и мороженой оленины. Потом женщина сварила тюленьего мяса, которое показалось мне замечательно вкусным.

Эти люди, очевидно, знали о нас, знали о нашем желании попасть на мыс Восточный. После трапезы к нам подошел эскимос и сказал: «Я поведу вас на мыс Восточный». Потом он спросил, сколько мы заплатим, а я спросил, сколько у него собак. Он ответил, что у него хорошая упряжка, и посулил доставить нас на мыс Восточный через пять дней, если мы тотчас тронемся в путь.

У меня было сорок пять долларов. Я взял их у Хэдлея, когда уходил с острова Врангеля. Конечно, мне хотелось подольше сохранить эти деньги. Но возможность попасть на мыс Восточный через пять дней заставила меня расстаться с деньгами.

— Сколько дадите? — снова повторил человек.

— Сорок долларов, — ответил я. Я думал, что путешествие стоило этих денег. Но это была ошибка. Мне надо было сказать двадцать: сорок было настолько большой суммой, что эскимос усомнился в том, что я располагаю такими деньгами. Он был продавец оленьих и песцовых шкур и знал, как совершаются сделки.

— Ладно, — ответил он, — покажи деньги.

— Нет, — ответил я.

— Может быть у тебя нет денег, — настаивал он.

— У меня есть деньги, — заявил я.

Катактовик боялся, что чукчи начнут с недоверием относиться ко мне и вмешался в наш разговор, но я прервал его.

Постепенно чукча успокоился. Мы решили оставить здесь почти все наше имущество и на санях оленевода двинуться в путь.

В Колючинском заливе мы собирались встретиться с американским купцом Ольсеном, о котором я слышал не раз. Оленевод сопровождал нас до Ольсена, Катактовик ехал на его санях.

19 апреля Катактовик начал жаловаться на боль в ногах и захотел один день провести в яранге.

Ночью наш проводник снова заговорил о деньгах. Очевидно, он беспокоился и был настороже.

— Скоро ты увидишь Ольсена, — твердил он. — Белый человек! Может он скажет: не плати много денег. Ты не будешь платить.

— Что бы ни сказал Ольсен, ничего не изменится, — ответил я и попрежнему отказывался показать деньги, хотя он очень хотел посмотреть на них. — Не веришь мне, не поверю тебе, — сказал я.

Тогда он завопил как дикарь, проклиная белого человека.

— Белый человек украл от другой человек, — кричал он. — Белый человек обещал дать вещи за песцовые шкуры, не дал. За медведя не дал! Белый человек ничего не дал! Белый человек уехал. Вернуться забыл.

Я ничего не отрицал, но повторил свои обещания заплатить деньги, когда он привезет меня на мыс Восточный.

Наступило молчание, потом он заявил, что доведет дело до конца.

ГЛАВА XXVI

МЫ ПРИЕЗЖАЕМ НА МЫС ВОСТОЧНЫЙ

На следующее утро мы двинулись дальше с двумя упряжками.

На каждые сани приходилось по два человека. Один должен был ехать, другой итти. Сани, употребляемые чукчами с мыса Северного, имеют 5 м длины, 75 см ширины и 30 см высоты. Остов их легкий и очень грубо сделанный. Полосья 10 см ширины. На твердом снегу чукчи не пользуются стальными набойками. У них всегда хранится спрятанная бутылка воды и кусок медвежьей кожи. Через небольшие промежутки времени они льют воду на медвежью кожу и натирают полосья. Вода быстро замерзает, и на полосьях образуется ледяной слой, уменьшающий трение. Чукчи пользуются стальными набойками только при достаточно мягкой погоде перед оттепелью.

Чукчи редко употребляют кнут. Вместо кнута берут палку, около метра длины, с тяжелым острым наконечником. Вдоль палки висит множество колокольчиков, которые звенят и гремят и заставляют собак увеличивать скорость. Кроме того, палкой они пользуются, как тормозом, при спуске саней с горы, прикрепляя ее так, чтобы острый конец, застревая, задерживал сани. Этим они предупреждают переброску саней через собак. Имея всегда большие упряжки, они быстро несутся.

Мы прошли через Колючинскую бухту к мысу Онман и повернули по берегу к пункту, находившемуся в 15 милях от жилища Ольсена.

Часа за два до того, как мы прибыли в ярангу, где должны были провести ночь, мой проводник остановил сани и заявил, что не пойдет на мыс Восточный. Затем он сказал, что другой человек проводит нас до Ольсена.

— А как относительно сорока долларов? — спросил я.
— Ты не хочешь их получить?

— Я все обдумал, — ответил он. — Сейчас в тундре большие запасы оленьих шкур, которые я хочу захватить, раньше чем это сделают другие.

Деньги, которые я должен заплатить, объяснил он, не могут возместить риска, на который он идет, потому что если он пойдет до самого мыса Восточного, то вернется слишком поздно. Все дело было в том, что, как он прекрасно понял, сорок долларов, были слишком высокой ценой за работу, на которую он согласился, и он боялся, что, попав на место назначения, я поговорю об этом с белыми людьми, пойму это и откажусь платить. Очевидно, он питал малое доверие к слову белого человека.

Я выслушал объяснение относительно оленьих шкур и сказал:

— Ладно, мы согласны на это.

Мы прибыли на стоянку на западном берегу Колючинской бухты к концу дня. Из яранги вышел живущий там человек и пригласил меня войти. Вскоре я заметил, что все лежавшее на санях было принесено в ярангу, пять наших собак накормлены и взяты на попечение. Едва я успел стащить чулки и сапоги, как вошел человек с острова Колючина и сказал:

— Мой хочет получить деньги.

— Ни одного сента, — воскликнул я.

Он молчал. Тогда я решил показать, что могу быть добрым малым и предложил пять долларов. Я вынул сорок пять долларов и сказал, что, если он доставит нас до мыса Восточного, он получит четыре десятидолларовых бумажки.

— Ни за что, — ответил он, взял пять долларов, и, не поблагодарив нас, уехал. Мы остались без саней.

В ту ночь я уговорился с другим эскимосом доставить нас к Ольсену, предложив ему в уплату снежный нож, маленькую кирку и два стальных бурава.

На рассвете мы тронулись в путь и около полудня приехали к мистеру Ольсену. Ольсен был натурализованный американец, лет тридцати восьми, купец, известный по всему побережью. Он был агентом Олафа Свенсона из Сиэттла, который впоследствии сыграл такую большую роль в спасении наших людей.

Предыдущим летом он узнал о нашей экспедиции от Свенсона и других людей, приехавших в Колючинскую бухту с товарами. Мое появление вызвало в нем огромное удивление. Гостеприимство его было безгранично. Все, что у него имелось, было в нашем распоряжении. Он тотчас уго-

стил нас чаем с хлебом, таким замечательным, какого я никогда не едал. Мне стыдно вспомнить, какое количество хлеба я съел. Никакой рождественский пирог или плум-пудинг не могли бы равняться по вкусу с ним. После еды я наслаждался замечательным табаком, а потом мы залегли спать. Мистер Ольсен уступил мне собственную постель, и я хорошо поспал.

Человек, сопровождавший нас, уехал обратно, и на следующее утро Ольсен с трудом нашел другого с санями и собачьей упряжкой. За исключением Кольта, все наши собаки были утомлены. Большинство жителей Колючинской бухты уехало на своих упряжках. Мистер Ольсен использовал свое влияние, и мы выехали на хороших санях с сильными собаками.

Днем мы проехали мимо Питлекай, места, где судно Норденшельда «Вега» замерзло во льдах, на пути к мысу Восточный, 28 сентября 1878 года, на расстоянии пятидневного перехода от Берингова пролива и менее шести миль от свободной воды и освободились только 18 июля 1879 года.¹ К счастью, «Вега» не пришлось столкнуться с ужасающим ветром, который в сентябре 1913 года погнал «Карлук» на запад.

В течение дня мы несколько раз останавливались в ярангах и пили чай. В шесть часов мы подошли к острову Идлидья. Теперь мы прошли полпути от Колючинского залива до мыса Сердце-Камень. Сопровождавший нас старик получил очень немного, я подарил ему два пакета табаку и выполнил распоряжение мистера Ольсена, выдав ему на 15 долларов продуктов. Теперь я роздал все, что у нас было при отъезде с острова Врангеля.

Прекрасно отдохнув ночь и позавтракав, ранним утром 22 апреля мы пошли на мыс Сердце-Камень. За небольшую плату я нашел туземца с санями и собаками, а на сани другого, отправлявшегося в это время на восток, усадил Катактовика. Это соглашение дало возможность усестись по-двое на сани и двигаться с большой быстротой.

Стоял великолепный день. Температура была чуть-чуть ниже точки замерзания, и солнечные лучи попрежнему грели.

¹ Адольф Эрик Норденшельд — первый, прошедший на корабле вдоль северных берегов Европы и Азии, родился в 1832 году. Из своего замечательного путешествия Норденшельд извлек вывод, что относительная удача его в огромной мере зависела от случайно благоприятного состояния погоды летом 1878 года. Оценка роли случайности и пессимистический взгляд Норденшельда на проходимость Северо-восточного прохода в настоящее время целиком опровергнуты практикой советских экспедиций.

Солнечный свет, смешиваясь с блеском снега, раздражал мои глаза. На острове Колючин я попросил одну эскимоску сделать мне шапку из непромокаемой материи с трехдюймовым забралом из тюленьей кожи. Я надевал капюшон вокруг шапки и мог поворачивать забрало в любом направлении. Это принесло моим глазам некоторое облегчение.

В 15 часов мы приехали на мыс Сердце-Камень. Там нас встретил мистер Волл, норвежец, лет сорока, инженер-электрик по профессии. Он бывал в Соединенных Штатах и знал в Бостоне и Нью-Йорке некоторых моих знакомых. Он жил в очень благоустроенной яранге, но у него были больные, и поэтому, извинившись за невозможность пригласить нас, он направил нас в ярангу к эскимосу, по имени Кориган, лучшему охотнику в Сибири. Кориган показал мне некоторые трофеи своей сезонной охоты, пятнадцать или двадцать шкур белых медведей и большое количество песцов.

Это был самый состоятельный туземец, какого я когда-либо встречал. Мистер Волл прислал нам хлеба, чаю и замечательного печенья.

С помощью Волла я уговорил Коригана проводить нас до мыса Восточного, — расстояние приблизительно около девяноста миль. Мы оставили все, что не могло нам пригодиться, потому что знали, что скоро сможем добыть все необходимое. Кроме одного дня, во время нашего путешествия с мыса Северного стояла прекрасная погода.

Кориган — смелый и способный калор, он управляет санями так, как капитан управляет судном. У него было шестнадцать собак, все лучшего качества, и по удобной дороге мы ехали очень быстро. Закадычный друг Коригана вел часть собак. Катактовик ехал в санях этого человека.

Во многих местах нам встречались яранги, расположенные на склонах скал, торчащих на высоте 35 м над берегом. В некоторых случаях трудно было понять, как жители поднимаются в яранги. Они напоминали мне домики горных жителей, которые я видел на картинках. Эскимосы забираются на такие высоты, чтобы жить на побережье, поближе к моржам и тюленям, и не могут найти другого, более удобного места.

За день мы прошли 50 миль. Теперь было светло почти круглые сутки, и мы могли двигаться по 19 часов.

Такое длительное пребывание на санях в сидячем положении, к чему я не привык, вызвало боль в спине, она болела так сильно, что я совершенно не мог спать. Я провел очень мучительную ночь. В яранге было слишком жарко.

На следующий день, чуть занялся рассвет, мы двинулись дальше. Дорога была тяжелая. Во многих местах мы должны были держаться под самыми скалами. Был теплый день, температура стояла на точке замерзания. Там, где солнечные лучи ударялись о скалы, стекала вода. В сущности говоря, проходить под скалами было очень опасно, потому что солнечная теплота освобождала каменные глыбы, которые вытеснил зимой мороз, и теперь они скатывались по откосу скалы прямо на нашу дорогу.

Путешествие под согревающими лучами солнца было более радостным, чем то, которое мы совершали раньше. Время от времени мы пытались разговаривать с Кориганом. Он очень плохо говорил по-английски, а я хотя и запомнил несколько фраз, не мог говорить на туземном языке так, чтобы он меня понимал. Он считался отважным человеком на побережье Северной Сибири, и молва о нем была такова, что Кориган не бьет медведя только тогда, когда медведь плох. Мистер Волл рассказал Коригану о нашем путешествии, кораблекрушении и дальнейших испытаниях, и в пути Кориган попытался рассказать о своих подвигах. Но мне удалось уловить только отдельные слова, когда он описывал охоту на моржей и белых медведей. Он увлекался все больше и больше, я совсем перестал понимать его и механически кивал головой. В конце концов он убедился в моем полном невежестве и пришел в отчаяние. Он закинул руки на голову, ужасно волновался и сердился, потому что никто из нас не может рассказать о его подвигах. Меня это очень забавляло.

После нескольких остановок в ярангах, попадавшихся нам по пути, в 18 часов мы, наконец, попали в поселок Эмма (Уэлен), расположенный в нескольких милях от мыса Восточного.

Итак, 24 апреля вторая часть нашего путешествия с острова Врангеля закончилась. Мы пробыли тридцать семь дней в пути и, вероятно, прошли около семисот миль. Кроме последней части пути, мы все время шли пешком. Теперь надо было разрешить вопрос о переправе на Аляску и чем скорее, тем лучше.

ГЛАВА XXVII

В ГАВАНИ ЭММА

В поселке Эмма я разыскал брата Караваева, с которым встречался на мысе Северном. Я передал ему рекомендательное письмо и был радушно принят. Караваев учился во Владивостоке. Он поддерживал со мной разговор на прекрасном английском языке и великолепно понимал меня. Он пригласил меня пожить у него. Я поблагодарил и сказал, что должен торопиться на американский берег.

Мы обсудили все способы переправы. В Беринговом проливе вскрылся лед, и перебраться через него на санях не было возможности. Позднее можно было бы, сообщил он, достать китобойную лодку и попросить какого-нибудь эскимоса доставить меня на остров Диомиды, чтобы оттуда на другой китобойной лодке добраться до мыса Принца Уэльского. Но это можно было осуществить приблизительно в мае, что зависело от количества льда в проливе.

Теперь стояла распутица, — время, слишком позднее для саней и слишком раннее для лодок. Суда могли зайти на мыс Восточный не раньше июня.

Мне казалось, что для ускорения сношений с Оттавой¹ лучше всего отправиться на юг, в Анадырь, и оттуда послать телеграмму. Но Караваев склонен был думать, что лето так быстро приближается, что я не сэкономлю времени, отправившись этим путем, потому что лед может вскрыться в реках, которые мне необходимо пересечь, и, кроме того, говорил он, телеграфная линия в Анадыре может быть выключена и мое путешествие окажется безрезультатным.

— В гавани Эмма, в заливе Провидения, — сообщил Караваев, — живет мистер Томсон, у которого имеется шхуна с газолиновым мотором.

В июне он должен был отправиться в Ном и мог захватить меня.

¹ Оттава — столица Канады.

THE NOME DAILY NUGGET

Telephone Main 24

WEDNESDAY, NOV. 25, 1942

Telephone Main 24

PRICE 15 CENTS

1000 GO DOWN ON BOAT STRUGGLE FOR THEIR LIVES KARLUK SINKS—CREW ALL SAFE

EMPRESS OF IRELAND SINKS ABOUT 1000 PEOPLE PERISH

London, Nov. 25.—The Empress of Ireland, a Canadian passenger liner, was sunk by a German submarine off the coast of Ireland today. The ship was carrying 1,460 passengers and crew. The submarine was sighted by the ship's lookouts at 11:30 p.m. and fired a torpedo which struck the ship's bow. The ship sank in less than 15 minutes. The Canadian government has ordered a full investigation into the sinking. The ship was en route from Montreal to Liverpool. The sinking is the deadliest maritime disaster in Canadian history.

The Empress of Ireland was a 29,000-ton passenger liner built in Canada. It was carrying 1,460 passengers and crew. The ship was sunk by a German submarine off the coast of Ireland today. The ship was carrying 1,460 passengers and crew. The sinking is the deadliest maritime disaster in Canadian history.

The Empress of Ireland was a Canadian passenger liner. It was carrying 1,460 passengers and crew. The ship was sunk by a German submarine off the coast of Ireland today. The ship was carrying 1,460 passengers and crew. The sinking is the deadliest maritime disaster in Canadian history.

EXPLORING SHIP KARLUK SINKS —CAPT. BARTLETT ARRIVES

St. Michael, Nov. 25.—The exploring ship Karluk, commanded by Captain Bartlett, was sunk by a German submarine off the coast of Alaska today. The ship was carrying 100 crew members. The submarine was sighted by the ship's lookouts at 11:30 p.m. and fired a torpedo which struck the ship's bow. The ship sank in less than 15 minutes. The Canadian government has ordered a full investigation into the sinking. The ship was en route from St. Michael to Nome.

The Karluk was a 1,000-ton exploring ship. It was carrying 100 crew members. The ship was sunk by a German submarine off the coast of Alaska today. The ship was carrying 100 crew members. The sinking is the deadliest maritime disaster in Canadian history.

S.S. CORWIN

Will have for us quite a large shipment of fresh goods from almost every part of the world, and will offer the following specials:

Zanzibar Crab large cans	3 cans for \$1.00
Alaska Crab large cans	3 cans for \$1.00
Shad Tuna large cans	per can 25c
Shad Roe (only a few left)	per can 25c

For luncheon these goods cannot be equalled. Also they can be prepared in numerous ways.

Polets Stores

Wholesale and Retail. Specialties in Fresh Produce.

GERMANS LAND CARGO OF AMMUNITION AT PUERTO

St. Michael, Nov. 25.—The Germans have landed a large cargo of ammunition at Puerto. The cargo was sighted by the ship's lookouts at 11:30 p.m. and fired a torpedo which struck the ship's bow. The ship sank in less than 15 minutes. The Canadian government has ordered a full investigation into the sinking. The ship was en route from St. Michael to Nome.

THE NEWS OF CAPTAIN BARTLETT'S ARRIVAL AT ST. MICHAEL'S REACHES NOME

Обдумав положение вещей, я решил, что путешествие в Анадырь не слишком рискованно. Если бы даже телеграфная линия была выключена, я мог бы оттуда перебраться в Ном.

На следующий день, с помощью Караваева, я сделал все приготовления, чтобы отправиться с несколькими туземцами на мыс Индиан. Там я хотел захватить еще нескольких туземцев, которые должны были сопровождать меня в Анадырь. Мы решили выехать через день, и я считал, что все уже готово, как вдруг ночью у меня распухли ноги, я почувствовал себя инвалидом и вынужден был воспользоваться гостеприимством Караваева.

У моего хозяина был русский слуга, по фамилии Кошмуров, он неумоимо ухаживал за моими ногами, энергично массировал их по указанию Караваева и наполнил теплой водой большой боченок, в котором я принял первую ванну со времени моего выхода из Лагеря кораблекрушения. Затем он остриг остатки моих волос. Постоянное ношение шапки очень скверно отразилось на моих волосах, большинство которых выпало, и прошло много времени, пока они выросли вновь. Я побрился и, взглянув в зеркало после бритья и стрижки, с трудом узнал себя.

Мое пребывание здесь доставило мне удовольствие. Зрение пришло почти в норму, и я начал читать журналы, которые принес мистер Чарльс Карпендаль, австралийский купец, проживавший на той же станции, что и Караваев. Журналы были присланы из Номы прошлым летом, и, пожалуй, не могли бы называться «последними номерами», но все же они доставили мне удовольствие, как и всем купцам, бродившим по побережью.

На третий день моего пребывания в гостях у Караваева, я сидел один в комнате, как вдруг вошел русский человек, пожал мне крепко руку и отрекомендовался по-английски бароном Клейстом, исследователем Северной Сибири. Потом он вышел поискать моего хозяина и вскоре вернулся с ним. Мы уселись и начали разговаривать. Я показал Клейсту мои карты.

Клейста я искал уже несколько дней, потому что знал, что он выехал из гавани Эмма вскоре после нового года и проехал, как инспектор через Колючинский залив по восточному побережью. Теперь он возвращался домой. Он слышал обо мне в Колючинском заливе от мистера Ольсена, который сообщил, что мне приблизительно 55 лет.

— Я вижу, что вы значительно моложе, чем мне сказали, — заявил он.

Позже в период нашего приятного знакомства, когда начали сказываться результаты отдыха и сытой жизни, он отметил:

— Вы молодеете с каждым днем. Теперь уже в нашем с вами возрасте разница невелика.

Сам он был человеком лет сорока, всего на несколько лет старше меня.

Он рассказал мне все новости. Они были двухмесячной давности, но я не получал вестей из цивилизованного мира в течение года. Ничего необычного не произошло, или казалось, что не произошло. Мир царил повсюду. Он рассказал мне об открытии в прошлом году земли вблизи полуострова Таймыр капитаном Вилькицким,¹ который путешествовал на судне «Таймыр». Достижение, которым он, как русский, гордился.

Клейст обсудил со мной способ обращения к Канадскому правительству. Он собирался 10 мая отправиться в гавань Эмма и просил меня поехать вместе с ним и погостить у него. Ко времени приезда Клейста с мыса Северного на мыс Восточный явился Караваев, и я попросил его захватить меня в гавань Эмма.

Таким образом, все было устроено. Мы отправились втроем, Катактовик остался на мысе Восточном. Мы хотели доставить его на мыс Барроу, но он решил добраться до мыса Хоп.

Кориган уехал обратно на мыс Сердце-Камень. Перед отъездом он очень просил меня отдать ему бинокль, и я отдал бинокль с условием, что он никогда не будет с ним разлучаться. Он это искренно обещал.

Отдых постепенно вернул мне силы для путешествия. Вначале я был беспомощен как дитя. Потом глаза перестали беспокоить меня, но ноги болели мучительно. Мы оба очень похудели, я потерял 16 кг, а Катактовик был совершенно изнурен.

Не успел я разделаться с опухолью, как меня скрутил приступ ангины. Такое несчастье случилось впервые за все

---

¹ Борис Андреевич Вилькицкий (род. в 1885 г.) был в 1913 году начальником «Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана». Открытая им в 1914—1915 годах земля в настоящее время получила название Северной Земли.

мое пребывание в Арктике. У Клейста был термометр, он показал, что у меня температура значительно выше нормальной. Горло мое было изъязвлено и воспалено, но от употребления перекиси водорода и квасцов инфекция быстро исчезла.

Клейст стремился уехать, так как лето приближалось, в любой момент могла начаться оттепель и вскрытие льда в реках, и они помешали бы путешествию. Ноги мои окрепли и хотя ходить как обычно я еще не мог, мы решили тронуться в путь.

Катактовик проводил меня. Мы должны были расстаться. Я поблагодарил его на прощанье и сказал, что горячо обязан ему за постоянную помощь, преданность и доверие. Деньги, которые я был ему должен, я обещал прислать по возвращении в мир цивилизации.

Я попросил Карпендаля рассказать чукчам, какой замечательный человек Катактовик, отдал ему ружье и некоторые другие вещи. Мы горячо пожали друг другу руки и расстались.

День выдался не особенно холодный. Термометр стоял на точке замерзания, держался значительный туман, вследствие чего продвижение было не таким легким, как могло быть, но мы имели хороших собак и каюров, и так как мы отложили отъезд и выехали поздно днем, снег уже успел затвердеть и нам удалось проехать значительное расстояние.

Только к 22 часам мы остановились в яранге, чтобы поесть и выпить чаю. Затем мы снова находились в пути, до 4 часов. Было достаточно светло, чтобы двигаться круглые сутки.

Добравшись до другой яранги, мы улеглись спать. Мы хотели пройти до следующей яранги, но снег был настолько мягок и туман так силен, что было трудно сказать, где мы находимся, и мы решили не рисковать при такой неблагоприятной погоде и пока есть возможность — остановиться.

Выпив чаю, мы легли спать. Около 11 часов проснулись и позавтракали запасами, захваченными на мысе Восточном. Шел сильный снег, трогаться в путь было бессмысленно, и мы решили выждать ночи.

Карпендаль дал Клейсту несколько книг, и когда мне не спалось, я занимался чтением. Помню, в то время меня увлекала «Белла Донна» Роберта Хиченса. Яранга освещалась очень слабо, я закутывался в мех и усаживался в наружном помещении среди собак, так как там было светлей.

Моих собак я оставил с Караваевым на мысе Восточном. Он обещал содержать их до тех пор, пока они не понадобятся мне.

Нам говорили, что прокормить собак по дороге к гавани Эмма будет очень затруднительно. Так и случилось. В сущности, Клейст все время об этом беспокоился. Приближалось лето, и запас мяса, который туземцы заготовили в начале зимы, начал истощаться.

В ночь на двенадцатое снег перешел в дождь, мы не могли двигаться. Горло мое постепенно поправлялось, но все еще было воспалено и сильно болело. Мы прекрасно поужинали великолепно приготовленной Клейстом олениной и легли спать.

Вскоре после полуночи дождь прекратился и ветер, изменивший направление на северо-запад, очистил воздух и понизил температуру, образовался наст, и дорога стала очень хорошей. 13 мая около двух часов мы вышли и некоторое время чувствовали себя хорошо, но вскоре ветер переменял направление на юго-восток, нагнав сильный дождь с Берингова моря. На мысе Восточном я пытался достать непромокаемое пальто, но не мог подобрать нужный размер. Моя меховая одежда быстро промокла насквозь, и, хотя дождь был очень теплый, я боялся возобновления ангины. Чтобы согреться, я попытался тащить сани, но мои все еще слабые ноги не поспевали за собаками, и мне пришлось снова ехать. По мере того как падала температура, дождь переходил в пургу, сопровождавшуюся густым туманом. Мы с трудом различали дорогу и руководились компасом.

Отправившись к оленеводческому поселку, находившемуся на полпути от северной стороны залива Лаврентия, мы через некоторое время пришли к месту, которое, как показалось эскимосам, было им знакомо. Осмотревшись, они убедились, что впервые попали в эти места. Медленно продвигаясь вперед, мы наконец выбрались на береговой откос залива и остановились. Эскимосы подняли спор, они старались решить, где мы находимся, но Клейст сказал мне впоследствии, что все выяснилось внезапно, когда начали суетиться собаки. Я уцепился за сани и не успел перевести дыхания, как мы полетели под откос с головокружительной скоростью. Собаки почуяли оленя и без размышления бросились за ним в погоню. Как мы не разбились о булыжники, разбросанные на нашем пути, и не были убиты, — я не могу понять до сих пор, — но мы долетели до подножья откоса, и

остались совершенно невредимы. Здесь мы пересекли дорогу и попали в олений питомник.

Я впервые увидел канадских оленей в Сибири. Они проводили зиму в глубине страны, но вначале весны выходили на побережье. Два человека, которым они принадлежали, красивые и высокие молодые люди, чем-то напомнили мне североамериканских индейцев. Зимой, во всякую погоду, они жили со своим стадом на открытом воздухе, иногда по три дня подряд, и лица их были сожжены почти до черноты холодом и непогодой. Они были очень гостеприимны. Перед тем как мы легли спать, они сварили оленину и угостили нас очень вкусным блюдом. Мой аппетит начал восстанавливаться, и горло, несмотря на туман и дождь, вполне поправилось.

Мы освежились, отдохнули и снова отправились к югу через льды залива Лаврентия. Потом вышли на берег и, пройдя несколько миль, перешли на лед у устья Мечигменской бухты. Это путешествие было чрезвычайно интересно. Большую часть времени я ехал и восторгался дикой страной, по которой мы двигались. Расстояние от мыса Восточного до гавани Эмма почти равно расстоянию от Нью-Йорка до Бостона. Мы шли в среднем пять-шесть миль в час. У нас были искусные каюры, прекрасно знавшие дорогу.

Один из них был около полутора метров ростом. В англо-саксонском обществе он вероятно прослыл бы за Голиафа, но среди сибиряков назывался «Малыш». На мысе Индиан у него имелась моторная лодка, и если бы я не застал парохода в гавани Эмма, «Малыш» мог бы отвезти меня в моторной лодке до Аляски, потому что сам он стремился попасть в Ном. В том и в другом случае, я оказался бы мореплавателем, возможность, которая меня очень увлекала.

«Малыш», как медведь Артомуса Варда, был «забавный паренек». Он понимал английский жаргон¹ и очень этим гордился.

От бухты Мечигмен мы прошли небольшое расстояние на запад, а затем через устье бухты повернули на южный берег. Проехав по берегу около двадцати миль, мы отправились в Нигчэн. Все время стоял туман, и когда мы приблизились к группе домиков в так называемом Мечигмене и остановились на ночлег, я промок до костей.

¹ Pidgin English, английский жаргон, употребляющийся при торговых сношениях между китайцами и европейцами. Прим. пер.

Ярангу мы заняли теплую и удобную, я снял одежду, закутался в оленью шкуру и лег спать.

В 18 часов мы тронулись дальше. Погода прояснилась, и поверхность снега затвердела, дорога была великолепная. Некоторое время мы двигались по морскому льду, но должны были сделать небольшой обход, чтобы миновать значительную полосу свободной воды.

По пути мы один раз останавливались в яранге и пили чай. К четырем часам мы пришли в Элюк, отдыхали до 6 часов, а затем шли дальше всю ночь.

Теперь нам остался еще один последний перегон, собаки знали это и бежали с большой быстротой.

На следующий день эскимосы сообщили нам, что на мысе Индиан прибило китобойное судно Педерсона.

Судя по описанию, это судно не было «Эльвирой», которой управлял Педерсон в тот момент, когда «Карлук» покинул Ном. Позднее мне стало известно, что прошлой осенью, во время штормов, когда мы дрейфовали на «Карлуке», «Эльвира» потерпела аварию и затонула близ северного побережья Аляски. Капитан Педерсон отправился по суше в Фэрбенкс, а оттуда переехал в С. Франциско и принял управление судном «Герман».

Миновав льды Чукотии, мы отправились к гавани Эмма. Между гаванью Эмма и заливом Провидения над высокими горами полуострова низко свисал туман. Время от времени ветер разгонял его и обнажал остроконечные вершины, суровые и неприветливые. Подъем на хребет был крут, и мы карабкались с трудом. Поднявшись на вершину, я взглянул вниз на гавань Эммы и увидел свободные воды залива Провидения. Земля была покрыта снегом, и береговой лед не был нарушен, а на белой его поверхности свободная вода казалась черной, как каменноугольное масло. Мы спустились вниз, по другую сторону хребта, с ужасной быстротой. Собаки бежали свободно, а сани с работающими без усталости тормозами бросались из стороны в сторону так стремительно, что человек чуть ли не терял сознание.

16 мая в 7 часов мы добрались до гавани Эмма и попали в дом Клейста. Шесть дней мы шли с мыса Восточного, и два месяца миновало с тех пор, как я расстался с людьми на Ледяной косе острова Врангеля. Если все пойдет хорошо, я должен увидаться с ними через два месяца. Я надеялся, что они выдержат испытание и будут в хорошем состоянии. Конечно, их очень беспокоила неизвестность, они до сих пор

не знали, добрался ли я до Сибири, попал ли я на Аляску и будут ли они спасены.

Клейст жил в гавани Эмма в прекрасном доме. Дом был сооружен из материалов, доставленных пять лет тому назад из Владивостока. Теплый и удобный, он стоил около пятнадцати тысяч долларов. Клейст оказался прекрасным хозяином и угостил нас изысканным завтраком, который был приготовлен почти мгновенно после нашего прибытия. Домашний врач Клейста, доктор Головков, который провел с ним почти всю русско-японскую войну, осмотрел мои ноги и горло и взял меня под свое наблюдение. Вскоре от моих болезней не осталось и следа.

В гавани Эмма я встретил мистера Томсона, у которого был там торговый склад. Балтийский уроженец, он стал с юных лет мореплавателем, служил на немецких, французских и английский кораблях и прекрасно говорил по английски. Он рассказал мне, что капитан Педерсон находился по соседству на новом судне «Герман». Я разыскал чукчу и отправил письмо капитану, в письме я сообщил, где нахожусь, и просил, если возможно, захватить меня и перевезти на американский берег.

Брат Караваева, живший на мысе Индиан, явился со своей торговой станции повидаться с нами. Он прожил дня два и, возвращаясь, захватил с собой письмо капитану Педерсону. Я послал еще несколько писем через чукчей, чтобы как-нибудь поймать капитана, и, таким образом, мое желание встретиться с ним стало известно жителям побережья.

ГЛАВА XXVIII

Я ОПЯТЬ СВЯЗАН С МИРОМ

Утром 19 мая эскимос, которого мы послали в залив Джона Голланда, вернулся и сообщил, что «Герман» был там, но отправился к мысу Беринга. Я послал туда записку, но капитан уже узнал от туземцев о моем пребывании в гавани Эммы, и днем 21-го я с радостью увидел дым «Германа».

Судно прибыло за мной, я тотчас отправился на борт. Капитан гостеприимно приветствовал меня и ни одной минуты не возражал, когда я сказал ему, как важно мне возможно скорей попасть на берег Ном. Нет слов, чтобы выразить мою горячую признательность капитану и его команде, — ведь для них путешествие в Ном означало отсрочку торгового путешествия и влекло за собой соответствующие потери для людей, которые, по установленному обычаю, работали исключительно на паях.

Капитан рассказал мне, что погода со времени его прибытия на побережье очень плоха, он без конца принимал туземцев на судне, совершал с ними торговые сделки и выжидал весенних ветров и возможности сняться с якоря, чтобы со всей скоростью выбраться в море.

Я попрощался с Клейстом и другими добрыми друзьями, и мы отправились в Аляску. Расстояние через Берингово море в этом месте было около 240 миль. Когда мы достигли ледяной кромки у города Ном, мы увидели, что не можем подойти к суше так близко, чтобы я мог спуститься на берег. Оставалось стать в двенадцати милях от него и надеяться, что лед вскрыется и даст возможность судну приблизиться к берегу. В Номе нет гавани, это просто открытый берег, не безопасный для кораблей в дурную погоду, и условия должны быть безукоризненными для того, чтобы судно рискнуло подойти.

Мы стояли там в течение трех дней, и мое терпение выдержало суровое испытание. Мне оставалось только читать журналы и смотреть на берег, лежавший в двенадцати милях от нас.

Наконец, 27-го днем, капитан решил идти в С. Михаэль. Мы снова тронулись в путь и поплыли через пролив Нортон. Рано утром следующего дня мы подошли к С. Михаэлю, но густой туман заставил нас стать на якорь.

В 6 часов туман рассеялся, мы подошли ближе к берегу и остановились на расстоянии мили. Лед в гавани все еще был очень крепок, но мы спустили лодку, подплыли к краю льда и выбрались пешком на берег. Было около 20 часов, когда с чувством глубокого облегчения я ступил ногой на американскую почву.

Капитан Педерсон снабдил меня американской одеждой, и я расстался с мехами, которые носил в течение нескольких месяцев. Он проводил меня до телеграфной станции, мы обнаружили, что она закрыта, и пошли по направлению к городу. По пути я встретил Хюга Ж. Ли, маршала Соединенных Штатов. Я встречался с ним в Номе предыдущим летом впервые после разлуки в 1896 году. Он участвовал вместе с Пири в ледяном походе в Гренландию в 1892 году и в 1896 году, плавая на «Надежде», попал на Лабрадор в Турнавик — рыболовную станцию моего отца, где я проводил летний отпуск. С крайним удивлением он встретился со мною в С. Михаэле и пожелал узнать, что я здесь делаю. Краткое объяснение познакомило его с положением вещей. Я почувствовал в нем хорошего друга.

Ли отвел меня к агенту Северной торговой компании, имевшей большой торговый дом в С. Михаэле, и я получил хорошую комнату в зимней гостинице, где жили служащие компании.

Летняя гостиница была закрыта. Мы просидели с Ли до поздней ночи, беседуя о дрейфе «Карлука».

На следующий день, рано утром, я отправился на телеграф, являвшийся военной станцией армии Соединенных Штатов. У меня осталось очень мало денег, а сержант отказался отослать телеграмму в Оттаву без оплаты депеши. Я не ожидал этого.

Сотни миль я прошел, чтобы добраться до телеграфа, и теперь столкнулся с таким препятствием. В это время вошел Ли и объяснил положение вещей. Наконец сержант разрешил отправить мою телеграмму:

С. Михаэль, Аляска

29 мая 1914 года.

*Морское Управление.
Оттава.*

Сжатие льдов затопило «Карлук» 11 января в шестидесяти милях севернее острова Геральда. Зимняя подготовка дала возможность команде благополучно выбраться на лед. 21 января посланы первый и второй помощники с двумя матросами и вспомогательной партией, обеспеченные провизией на два месяца, на остров Врангеля. Вспомогательная партия вернулась, оставив их у острова Геральда. Они предполагали высадиться на остров, как только тронется береговой лед. 5 февраля Мэккей, Меррей, Бэша, матрос Моррис покинули нас, пользуясь для проталкивания саней исключительно человеческой силой. Потом были посланы на остров Геральда трое саней, двадцать собак, пеммикан, сухари и нефть. Свободная вода помешала высадке. От людей нет сведений. Предполагалось, что они уйдут на остров Врангеля. Возвращаясь, оставили запасы на пути. Вскоре после возвращения восточный ветер оттолкнул нас на запад. 24 февраля я покинул лагерь. 12 марта на остров Врангеля сошли: Монро, Виллиамсон, Маллох, Мак-Кинлей, Мэмэн, Хэдлей, Чэф, Темплеманн, Морер, Брэдди, Виллиамс и семья эскимосов с восьмидесяти шестидневным запасом на каждого человека.

Семнадцатого марта Монро, еще два человека и четырнадцать собак отправились за запасами в Лагерь кораблекрушения. На острове много плавника и дичи. 18 марта я покинул остров и высадился в Сибири, в восемнадцати милях от мыса Северного. Двадцать первого мая капитан Педерсон китобойного судна «Герман» явился в гавань Эмма, отклонившись от своего пути, и захватил меня с собой.

Измерения глубины, метеорологические наблюдения, драгирование поддерживалось непрерывно. Успешно проведено исследование жизни животных на глубине 2100 метров.

Необходим фонд для оплаты счетов в Сибири и здесь. Телеграфируйте Северную торговую компанию Сан-Франциско пять тысяч долларов. Распорядитесь перевести по телеграфу С. Михаэль.

Капитан Бартлетт.

Мое срочное задание было выполнено. Ответственность за дальнейшее несли другие.

ГЛАВА XXIX.

В ОЖИДАНИИ

Со времени моего переезда в С. Михаэль я был очень занят. Мне необходимо было выяснить, какими пароходами можно воспользоваться для путешествия на остров Врангеля тотчас после открытия навигации. До середины лета условия были неблагоприятными и период свободной воды мог быть очень коротким, в этом мы убедились еще на «Карлуке».

Я получил огромное количество писем из Ньюфаундленда от семьи, из Бостона, от друзей, из газет и от властей из Оттавы. Я даже получил телеграмму из отдела объявлений одного предприимчивого американского журнала. «Пожалуйста телеграфируйте за наш счет разрешение использовать вашу фотографию с трубкой во рту для табачной рекламы. Какую марку вы курите?»

Из Оттавы я получил телеграмму, выражавшую успокоение властей после полученного известия о «Карлуке», которого считали погибшим со всеми людьми на борту, и просьбу дать подробные указания и соображения об организации спасения людей, а также просьбу сообщить, при каких условиях льда можно будет взять людей с острова. На этот вопрос я ответил.

С. Михаэль, Аляска
30 мая 1914 года.

Г. Дж. Дебаратс.
Морское Управление, Оттава, Канада.

Русские ледоколы «Таймыр» и «Вайгач» в ближайшее время отправляются в ежегодное исследовательское путешествие на северное побережье Сибири. Настойчиво советую вам договориться с русским правительством об использовании этих пароходов для спасения людей. Суда зимуют во Владивостоке, но возможно уже отправились на север. Кроме этого,

другой русский ледокол «Надежный» в настоящее время бездействует и может быть использован. Еще одна возможность: таможенный катер Соединенных Штатов «Медведь» находится сейчас в Беринговом море. Необходима договоренность с американским правительством. «Медведь» может сопровождать русские ледоколы. Других годных судов для здешних вод нет. Мое мнение таково: наиболее благоприятный момент в июле или августе до тех пор, пока не замкнется лед вокруг острова Врангеля, хотя сезон меняется. При изобилии птиц и разных животных на острове и при хороших охотниках-эскимосах, недостаток в пище невозможен. Я сам хочу участвовать в спасении. Русские пароходы имеют телеграфное оборудование, могу снестись с ними, если они уже в море.

Капитан *Бартлетт*.

Как я уже упоминал, «Медведь» был одним из судов, участвовавших тридцать лет тому назад в спасении оставшихся в живых сотрудников экспедиции Грили. Я ни разу не плавал на нем, но знал характер этого судна.

Построенное в Шотландии в семидесятых годах для ньюфаундлендских тюленеловов, оно считалось отличным охотничьим судном и совершило много удачных путешествий.

В 1883 году правительство Соединенных Штатов организовало экспедицию, возглавлявшуюся командиром Шлей. Она направилась спасать Грили и его товарищей. В то время «Медведь» и «Тэтис» были готовы к отплытию из С. Джонса на охоту за тюленями, но они оказались единственными судами, годными для спасения потерпевших крушение, и правительство Соединенных Штатов купило их. Оно уплатило не только крупную сумму за каждое судно, но и компенсировало потери, которые понесли офицеры и команда в связи с отменой охоты. Многие думали, что это судно дала Англия. Ошибочное предположение было вызвано тем, что королева Виктория отдала Соединенным Штатам судно «Алерт», которое вместе с экспедицией Нэрс провело зиму 1875/76 года близ Фло-Берг-Бич, на Земле Гранта. Мой родственник Виль Норман, из моего родного города Бригус, выехал в качестве проводника по льдам на судне «Тэтис», отправленном для спасения сотрудников экспедиции Грили, а капитан Аш, из Ньюфаундленда, который потом был начальником судов Красного креста, курсирующих между С. Джонсом и Нью-Йорком, был ледовым лоцманом на «Медведе».

Зная качество парохода и его славное прошлое, не говоря уже о нынешней работе у берегов Аляски, я не сомневался в том, что «Медведь» доберется до острова Врангеля, если вообще это возможно. Мне сказали, что капитан Кохран не побоится поставить судно в лед, потому что он ранее служил под руководством бесстрашного человека, капитана Жервис. В общем, мне казалось, что судно «Медведь» будет заинтересовано в спасении оставшихся в живых людей судна «Карлук», как оно было заинтересовано тридцать лет тому назад в спасении партии Грили на другой стороне континента.

Русские пароходы «Таймыр» и «Вайгач» тоже пользовались хорошей славой. Я уже упоминал о замечательном плавании капитана Вилькицкого, который в 1913 году на судне «Таймыр» открыл Северную Землю. Я знал, что оба судна были в стальной броне, как и все суда, которыми пользуются ньюфаундлендские охотники на тюленей, что они очень устойчивы и снаряжены мощными машинами.

Во время пребывания в С. Михаеле мне посчастливилось побывать у талантливого доктора Фенрбау, и я быстро восстановил свои силы. Он был очень внимателен ко мне, принимал на дому и относился как к родному брату. Сотрудники телеграфа любезно разрешили мне читать черновики телеграмм, и я имел представление о том, что делается на свете. Агенты Северной торговой компании тоже были очень гостеприимны и обращались со мной, как со своим человеком.

В тот момент, когда я добрался до С. Михаеля, «Медведь», выйдя из С.-Франциско, уже приближался к Ному для передачи почты и выполнения обычной летней работы, — это был первый пароход, попавший в Ном в этом году. Льды, окружавшие Ном, задержали почтовое судно «Викторию» из Сиеттла, которая обычно перевозила почту из Номы в С. Михаил, и «Медведь» дошел до С. Михаеля и сам сдал почту. Я отправился на борт судна и обсудил с капитаном Кохраном и командой положение людей, находившихся на острове Врангеля. Они выразили желание отправиться на остров и спасти людей. К этому времени они не успели получить распоряжений из Вашингтона, но по пути к Сибирскому побережью был получен приказ по телеграфу.

Во время стоянки «Медведя» в С. Михаеле я впервые познакомился с лордом Виллиамом Перси, сыном герцога Нортемберского. Он совершал летнюю экскурсию на «Медведе» для изучения уток аляскинских вод. Он был большим специалистом в этой области. Моя первая встреча с ним прои-

зошла на нижней палубе «Медведя», в углу, среди ящиков и бочек, наваленных ножей, ножниц и другого снаряжения, необходимого для препарирования птиц. Он передал мне привет от моих друзей, с которыми встречался в Бостоне и Нью-Йорке. Позднее я участвовал с ним в нескольких орнитологических экспедициях и узнал от него многое о жизни уток. С одного взгляда он мог определить пол и вид птицы. А ведь для обыкновенного человека и даже для исключительно опытного охотника утка — это просто утка.

На «Медведе» я встретил другого орнитолога — большого энтузиаста, Херши, который через некоторое время покинул нас и отправился к устью Юкона.

В конце июня я выехал в Ном, чтобы там дожждаться «Медведя». С каждым днем я чувствовал себя лучше и мечтал попасть через несколько недель на остров Врангеля.

В Номе я был гостем мистера Иафета Линдерберга, золотоискателя и пилота, которого во многих отношениях можно назвать Сесилем Родс Аляски. Не было границ его доброте и щедрости по отношению ко мне. Он имел огромное состояние в золотых приисках, очень много работал и вникал во все детали этого дела. По его указанию, был сооружен канал в сорок две мили длиной, по которому подавалась вода к его шлюзам. Этому каналу он неустанно уделял внимание и очень часто бывал там, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Рабочий сезон в Номе чрезвычайно короток, и издержки по эксплуатации шахт очень велики. Все необходимое должно быть сделано между серединой июня и серединой сентября, а без воды можно сделать немного.

Я имел удовольствие принимать участие в его многочисленных инспекторских обследованиях. Однажды к нам присоединился майор Мак-Манус, с которым я прибыл на моторной лодке из С. Михаеля. Майор ездил с инспекторскими полномочиями по проверке военных постов, был типичным солдатом в лучшем смысле, деятельным, сильным и очень хорошим спутником. Верхов он мог ездить без усталости. На этот раз он ездил верхом на лошади мистера Линдерберга, а я на армейской лошади. Стоял типичный летний день, с ярким солнечным светом, без единого атома прохлады. Склоны отдаленных гор были зелены, и их остроконечные вершины с коронами вечного снега, сверкая, тянулись к ясному, голубому небу, в то время как вдали вздымалась синеватая дымка, какую я множество раз видел в горах Новой Англии, в начале осени, перед наступлением листопада.

Проезжая верхом по берегу, мы попали к излучине реки, и мистер Линдерберг слез с лошади, чтобы проверить глубину воды. Моя подруга ослабла; в ожидании Линдерберга, занятого вычислениями, я слез с седла и подтянул ее. Потом набил трубку и начал ее разжигать. В это время спутники мои тронулись. Я раскурил трубку и последовал за ними. На пути оказалось много поворотов, мои спутники ускакали, и скоро я потерял их из виду. Лошадь шла шагом, я дал ей волю и с восторгом наблюдал изумительное зрелище: ни звука кругом, — только пение птиц. Я сидел, или вернее полулежал в седле и грезил. Внезапно меня вывело из задумчивости нечто реальное — на дороге лежала тачка, перевернутая вверх дном. Лошадь увидела тачку раньше меня, свирепо возмутилась и кинулась вскачь. Я опомнился только в ледяной воде, которая в этом месте достигала 2-х метров глубины. Шалка моя всплыла, а трубку я продолжал держать во рту.

Выбравшись из воды, я разразился неудержимым хохотом. Я стоял и хохотал, хохотал, хохотал. Пробежав некоторое расстояние, лошадь остановилась. Я сбросил одежду, выжал ее, затем снова оделся, вскочил в седло, выехал на дорожку и быстро согрелся, так как солнце грело довольно сильно. Я не торопил лошадь, пустил ее шагом, и к тому времени, как я догнал остальных, мой левый бок успел высохнуть.

Как только я приблизился к ним, майор услышал мой смех и захотел узнать причину моей необузданной веселости, а я старался подальше скрыть мой правый бок, и они никак не могли понять, что случилось. Время от времени я опять начинал смеяться, пока наконец, сойдя с лошади у дома одного из людей, которые сторожили канал, я не сжалился и не удовлетворил их любопытства.

Было уже около полуночи, солнце только что скрылось за вершинами гор, и мистер Линдерберг заявил, что ему хочется половить форелей. Мы согласились, но вскоре я потерял интерес к этому спорту, — тучи moskitov роились вокруг нас. Я боролся с ними различными способами, но они были совершенно неустрашимы. Борьба продолжалась недолго, хотя мои спутники не беспокоились и даже забавлялись моим поведением, я был вынужден признать себя побежденным аляскинскими москитами. Очевидно я представлял грустное зрелище. На следующее утро мое лицо, шея и руки распухли. в то время, как у майора и моего хозяина не было заметно ни единого следа укусов.

В горных районах близ Нома бывают внезапные штормы, сопровождаемые сильнейшими ливнями, поэтому выезжая на лошадях, мы всегда привязывали к седлам клеенчатые пальто. Во время одной из прогулок, мы заметили приближение шторма и понадеялись, что он пройдет мимо. Но он зацепил нас, и мы попали под проливной дождь и холодный ветер. Мне не хотелось слезать с лошади и отвязывать пальто. Но как только начался шторм, я его отвязал и попытался надеть. Только что я начал просовывать руки в рукава, как ветер подхватил пальто и оно взлетело, как воздушный шар. Это испугало лошадь, она внезапно повернула назад и помчалась к воде. Потом так же стремительно изменила свое решение и бешено бросилась вниз по склону насыпи, в то время как я размахивал руками, пытаясь попасть в рукава пальто. Наконец, мне удалось высвободить руку, я наклонился и прижался к крупу лошади, и когда она поскакала меж низких кустарников, я соскочил, несколько не поцарапавшись. Это событие чрезвычайно взволновало всех, потому что они были уверены, что, падая, я разбился о камни до смерти.

В Номе, хотя меня и очень беспокоил вопрос организации экспедиции для спасения людей, я провел время очень приятно и приобрел множество друзей. Я жил в гостинице «Золотые Ворота» и обедал в клубе Лог Кэбин. Заведующим клуба был японец, по имени Чарли, замечательный человек — истинное чудо: у него можно было пообедать так, как в любом хорошем отеле Сан-Франциско. В Номе клуб был местом живых политических дискуссий.

Я мог бы написать целую книгу об интереснейших людях, которых я повстречал в Номе. Там был доктор Нейман, автор интереснейших книг о жизни эскимосов.

Джим Шварцель, хозяин отеля «Золотые Ворота», типичный аляскинец, с открытой душой. Ни один мужчина и ни одна женщина, приходившие к нему за советом, не уходили без результатов.

В Номе я видел дом, где жил Рекс Бич, и встречал людей, которых он описывал в своих рассказах и жизнь которых казалась мне сказочной.

ГЛАВА XXX

СНОВА НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

Время от времени приходили слухи о приближении лета и сообщения о количестве льда на побережье. Это волновало меня. Я разговаривал с капитанами пароходов, которые покидали Ном, отправляясь в северные моря на моржовую охоту или по торговым делам, и просил их, если они будут поблизости от острова Врангеля, посмотреть, нет ли где-нибудь наших людей.

В начале июля я все больше и больше беспокоился и стремился выбраться в путь. «Медведь» побывал на севере и сообщил, по возвращении, что лед крепок, а пак все еще очень плотен. Промышляющий моржа «Кит» прибыл с севера Берингова пролива с такими же сведениями. Новости эти были далеко неутешительны, хотя я знал, что лед может вскрыться в течение нескольких часов, так же как и вновь замерзнуть. 10 августа мы должны были попасть на остров Врангеля; раньше люди и не могли меня ждать.

Наконец 13 июля «Медведь» отправился со мною на борту. По пути на север он должен был заходить во множество мест в качестве почтового парохода и перевезти учителей и миссионеров с места на место.

Я почувствовал огромное облегчение, получив возможность что-то делать. Мои мысли были непрерывно сосредоточены на потерпевших кораблекрушение, и мне страстно хотелось знать, что с ними происходило, начиная с середины марта.

У нас на пароходе была приятнейшая компания. Я спал в капитанской каюте; на левой стороне, на висячей койке спал доктор Хар, который сопровождал нас до миссионерского пункта на мыс Хоп; на другой койке—мистер Шильдс, инспектор просвещения с Аляски, молодой, способный человек, который творил чудеса просвещения, хотя в его распоряжении были весьма скромные средства. Он знал каждый

закоулок и каждую щель от Номы до мыса Барроу и повсюду завоевал уважение и любовь эскимосов. На штирборте помещались Хэрти и Е. Свифт Трэйн, занимавшиеся кино съемкой и сбором полезных материалов для школ. Посредине парохода была кают-компания. Лучшего подбора офицеров, чем на судне «Медведь», я не встречал. Дверь у них всегда оставалась нараспашку. Я пользовался привилегией, посещал штурманскую рубку в любое время и получил редчайшую возможность добыть от морского офицера, лейтенанта Демпвольфа, обширные сведения об аляскинских и сибирских водах.

Нашей первой остановкой была оленеводческая станция острова Лаврентия. Потом мы отправились на другую станцию того же острова, оставили там значительные запасы для школ и затем двинулись в залив Лаврентия на Сибирское побережье и остров Литке. Оттуда мы добрались до поселка Эмма и захватили лорда Перси, собиравшего коллекцию птиц на острове Литке. Он подплыл к нам в байдаре с эскимосами.

В поселке Эмма я снова встретился с Караваевым, доставившим меня в гавань Эмма. Брат его уехал во Владивосток. Я отдал Караваеву мой денежный долг. Несколько из оставшихся собак все еще находились здесь, но только две из них были работоспособны, остальные еще не достаточно отдохнули. Мне хотели вернуть собак, но я сказал моим добрым друзьям, чтобы они оставили их себе, если они могут им пригодиться.

Я оставался там до тех пор, пока толстый слой снега не покрыл все окружающее. Какой необычный вид имела природа в этот прекрасный июльский день!

В поселке Эмма лорд Перси взял вещи, и мы поплыли вдоль побережья мыса Восточного, а затем на некотором расстоянии от Уэлена.¹ Отсюда мы отправились в Теллер на Аляскинское побережье и посетили много поселков.

В Порту Кларенс, на оленеводческой станции, я снова встретился с мистером Врэвиком, которого уже видел в прошлом году, до кораблекрушения. Он снова очень внимательно отнесся ко мне. Здесь мы остановились, потому что мистеру Шильдсу и лейтенанту Демпвольфу надо было обследовать в глубине залива некоторые поселки.

---

¹ Уэлен — поселок близ мыса Дежнева. В настоящее время здесь работает мощная полярная радиостанция.

4 августа во время нашего пребывания в заливе Коцебу мы получили телеграмму о том, что объявлена война между Германией и Францией и между Германией и Англией. Можно себе представить, какое впечатление произвела на нас эта удивительная новость, дошедшая таким странным путем в такой отдаленный уголок мира. Сначала, конечно, нам было трудно поверить, но сомнений в правильности не могло быть. Офицер британской армии Перси немедленно покинул нас, чтобы иметь возможность поскорее вернуться в Англию.

Мистер Шильдс сошел на берег Коцебу вместе с лордом Перси, чтобы в округе выстроить новое эскимосское поселение. На мысе Хоп нас покинул доктор Хар.

На этом же мысе я снова встретил Катактовика, которого доставил с мыса Восточного на судне «Герман» капитан Педерсон. Я выплатил ему жалованье как члену экспедиции судна «Карлук» и выдал полный комплект одежды, который обычно выдавало Канадское правительство каждому члену партии. Он пожелал принять участие в нашем путешествии на остров Врангеля. Чувствовал он себя хорошо и, повидимому, собирался жениться.

С мыса Хоп мы направились на мыс Барроу. Недалеко от мыса Ледяного мы встретили первые льды, и вскоре началась борьба за завоевание пути. Очевидно, навигация еще не открылась. Нас сопровождали маленькое промысловое и торговое суденышко «Король и Крылья» под управлением Олафа Свенсона и канадская шхуна, нагруженная запасами для караульной полиции острова Гершель. Шхуна сидела очень глубоко в воде, не имела ни обшивки, ни металлического носа и, совершенно очевидно, не была приспособлена для работы во льдах. Я сомневался даже в том, сможет ли она добраться до мыса Барроу. Но судно «Король и Крылья» было в меру нагружено балластом, чтобы пробивать лед, мало кренилось и хорошо слушалось руля.

Лед, через который мы прокладывали наш утомительный путь, был не слишком обилен, но очень плотен. Было странно смотреть, как хороший добрый «Медведь» нападает, извивается и поворачивается. Глубоко погруженный в воду, он мог с огромной силой дробить края и углы льда и пробивать себе дорогу. Я с восторгом стал бы на мостик и направлял бы через льды такое судно. Но на этот раз я был пассажиром.

Близ Медвежьей бухты мы обнаружили на берегу застрявшую четырехмачтовую шхуну. «Медведь» безуспешно пытался вытащить ее, она сидела на мели и была сильно нагружена.

Нам удалось только снять с нее груз. Пока мы стояли, лед начал сжиматься, и, повернув судно, мы поплыли на юг, изменив курс и оставив шхуну. Когда мы вернулись сюда через несколько дней, шхуна уже всплыла.

Вечером 21 августа мы достигли мыса Барроу. Здесь я встретил Мак-Коннеля, прибывшего на маленькой шхуне с востока. Он рассказал мне, что случилось со Стефанссоном, после того как «Карлук» был отброшен штормом от берега.

Партия, покинувшая «Карлук» 20 сентября 1913 года, как я упоминал раньше, состояла из Стефанссона, Дженнесса, Уилкинса, Мак-Коннеля и двух эскимосов Пайюрака и Асатсяка, которые попали на судно на мысе Хоп. С ними были двенадцать собак и двое саней; с таким снаряжением они могли успешно осуществить цель, которая привела их на берег; если вы помните, Стефанссон решил две недели охотиться на канадского оленя в районе, лежавшем за мысом Бичи, с тем, чтобы обеспечить суда запасами мяса на зиму. Им пришлось поработать дня два, сообщил Мак-Коннель, чтобы пробраться до одного из островов Джонса, находившегося в шести милях от мыса Бичи. Когда они, наконец, достигли острова, обнаружилось, что лед между ними и материком не безопасен для ходьбы, и им пришлось выждать, пока он замерзнет покрепче. Стефанссон решил послать Мак-Коннеля и Асатсяка обратно на «Карлук», чтобы захватить несколько необходимых вещей. Однако, в эту ночь дрейф отбросил их от берега, и стало очевидно, что идти по льду было очень опасно.

После трехдневного шторма море в значительной степени очистилось ото льда и судно стало видимым с берега. Куда оно направлялось, никто не знал. До 28-го, пока партия Стефанссона не достигла мыса Бичи, ей не удавалось высадиться на берег. В этом округе они простояли несколько дней и занимались охотой. Эскимосы начали волноваться, пищи было очень мало, и кроме того эти культурные эскимосы не привыкли жить вдали от поселка. В конце концов 3 октября партия отправилась на запад к мысу Барроу. В течение трех дней они проделали путь в 175 миль.

На мысе Барроу они на некоторое время остановились, чтобы достать меховую одежду и продовольствие, сани и собачью упряжку. 8 ноября они снова пошли на восток. В конце месяца, добравшись до мыса Халькетт, они встретили опытного охотника-эскимоса, по имени Ангупкан, иначе «зайка», который сообщил, что в конце октября ему удалось

отчетливо рассмотреть в бинокль судно, находившееся во льду. Стефанссон был уверен, что это «Карлук». Ангупкан рассказал, что он наблюдал за судном в течение трех или четырех часов. Затем на три дня спустился туман, но когда туман рассеялся, он больше не видел судна.

Оставив Дженнесса на мысе Халькетт для проведения этнологической работы, Стефанссон, Уилкинс и Мак-Коннель снова отправились на восток и в середине декабря достигли острова Флаксмен. Здесь они встретили Леффингвелла, прибывшего на шхуне «Мэри Сакс» для проведения работы, которую он начал год тому назад. Он прожил зиму один, — впрочем, недалеко от него жила семья эскимосов.

14 декабря, простившись с Леффингвеллом и пройдя тридцать миль в восточном направлении, вечером того же дня Стефанссон добрался до зимней стоянки южной партии, стоявшей в форту Коллинсон. Здесь они провели зиму. Позднее Стефанссон сделал вылазку, отклонившись еще более на восток, с одним из членов партии и дошел до острова Гершель и форта Макферсон. Там он собирался наметить план путешествия, которое предполагал предпринять по льду весной. В конце февраля Мак-Коннель побывал на мысе Барроу, чтобы отправить почту, и вскоре после Стефанссона вернулся на мыс Мартин с партией в количестве семи человек, направленной 22 марта на север по льду. Мак-Коннель догнал их на следующий день, и они шли вместе больше двух недель, пока, наконец, 6 апреля, не достигли границы материкового рифа, открытого Миккельсоном и Леффингвеллом во время экспедиции на судне «Герцогиня Бэдфорд» в 1907 году. Отсюда Стефанссон отправил дополнительную партию обратно, а сам с шестью собаками пошел на север, имея при себе сани и сорокадневный запас продовольствия, два ружья и 360 патронов. Он захватил с собой двух помощников, — Стуркера Стуркерсона, помощника капитана судна «Герцогиня Бэдфорд», который занимался охотой в различных местах побережья, и Оль Андерсона, тоже очень опытного человека. Стефанссон рассчитывал на пятнадцатидневный поход и надеялся, пробравшись через льды, чего не удалось «Карлуку», открыть новую землю в направлении 141 меридиана. В дальнейшем, сообщил Мак-Коннель, он потерял Стефанссона из виду. По его соображениям, при сложившихся обстоятельствах, партия могла направиться на Землю Бэнкса.

На мысе Барроу «Медведь» встретил многочисленную команду, потерпевшую кораблекрушение и выжидавшую воз-

возможность перебраться на юг. Мы сдали почту и другие вещи, привезенные нами для станции, убедились, что сидевшая на мели шхуна, о которой я упоминал, уже уплыла, и взяли курс прямо на остров Врангеля. Я все больше надеялся на то, что какое-нибудь русское судно или китобойный баркас уже успели побывать там и взяли людей.

Прошло много времени, и через несколько недель лед мог окружить остров и сделать его недоступным для парохода. Но не только эта опасность волновала меня. Волновало меня сознание того, что чем дольше люди оставались на острове, тем сильнее была их тревога и тем труднее им было сохранить спокойствие. Если до сих пор никто не явился спасти их, думал я, они не могли знать, добрался ли я до Сибирского побережья. А каждый день тревоги должен был усиливать их мысли и думы о том, что им придется прожить на острове Врангеля еще зиму, и предположение это могло убить их.

Все это пугало меня, особенно потому, что при создавшихся обстоятельствах я не мог поторопить дела. «Медведь» должен был выполнить свою работу. И можно себе легко представить чувство облегчения, которое я испытывал, очутившись, наконец, на пути к достижению моих стремлений.

23 августа при попутном северо-восточном ветре мы отправились напрямик в гавань Роджерса. Чем сильнее дул ветер, тем больше я радовался, потому что ветер ускорял наше путешествие. Меня страшило одно — возможность появления густого тумана и снегопада. Они задержали бы нас на неограниченное время.

24-го днем мы встретили отдельные дрейфующие льдины, какие я уже видел на южной стороне острова, во время похода с Катактовиком. Погода испортилась, поднялся туман, которого я так боялся. Паруса были убраны, и мы медленно поплыли на северо-запад. В 20 часов машина была застопорена, и судно взяло курс на юго-восток.

Днем появилось бесчисленное количество птиц, которые возвещали близость земли.

На следующий день судно снова медленно потянулось к острову, а в 10 часов мы опять наткнулись на большие дрейфующие льдины. Теперь мы находились на расстоянии пятнадцати-двадцати миль от острова, и если бы рассеялся туман, мы бы очень быстро попали туда и взяли людей.

25-го весь день держался туман, но на расстоянии мили мы все-таки могли видеть и шли довольно свободно. Наконец в 20 часов судно легло в дрейф.

На следующий день ветер изменил направление на северо-восток, и мы начали дрейфовать, удаляясь от острова, по направлению к Сибирскому побережью.

27-го в 4 часа 12 минут капитан Кохран решил отправиться в Ном за новым запасом угля. Легко себе представить мои переживания в этот момент. Эти дни были испытанием человеческого мужества.

Ко всему этому, мы направились не прямо в Ном, а на мыс Сердце-Камень, пытаюсь разыскать там пропавший катер д-ра Хора, который унесло у мыса Хоп предыдущим летом.

Я высадился на берег с Демпвольфом и попытался выяснить, не заходили ли русские пароходы на остров Врангеля. От Коригана я узнал, что русский пароход отправился на запад, но возвратился ли он, ему известно не было. Мы выяснили, что пароход этот направился на остров Колючин с углем и что ледоколом он отнюдь не был. Я подарил Коригану несколько трубок и табаку.

От мыса Сердце-Камень мы пошли на мыс Восточный, и я вышел на берег порасспросить о русских ледоколах Караваева. Карпендаль сообщил мне, что, по имеющимся сведениям, «Вайгач» находился на расстоянии десяти миль от острова Врангеля 4-го августа и был направлен вместе с «Таймыром» в Анадырь. Мне оставалось только надеяться, что, попав в Ном, мы узнаем, что другое судно уже побывало на острове и сняло людей.

ГЛАВА XXXI

СПАСЕНИЕ ЛЮДЕЙ С ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ

30 августа, в 19 часов 30 минут, мы стали на якорь близ Номы. Рано утром на следующий день пришла баржа с углем. Пока мы грузились, поднялся юго-западный ветер, и мы вышли в море, оставив около пяти тонн угля на барже. Около 11 часов ветер стих, нам удалось вернуться назад и стать на якорь.

Я заплатил мистеру Линдербергу, связанному с компанией по снабжению углем, и он принял все меры, чтобы ускорить погрузку.

В сумерках налетел новый шторм, и нас снова отбросило в море.

2 сентября около полудня мы вернулись и застали баржу на месте. На следующий день к 4 часам мы покончили с погрузкой, но так как штормом выбросило несколько барж с углем на берег, а почтовое судно «Виктория» из Ситтла должно было разгрузиться и нуждалось в баржах, единственной баржей, которую можно было использовать, оказалась именно та, которую мы только что разгрузили.

Я позавтракал с Линдербергом. Он знал, что меня очень волнует длительная отсрочка, и сообщил, что решил послать на остров Врангеля судно «Корвин». Линдерберг ранее служил на таможенном катере, как я уже говорил, и проделал интересное путешествие на остров Врангеля в начале восьмидесятых годов.

Повидавшись с Линдербергом, я побежал к Свенсону, капитану парохода «Король и Крылья», на склад Гоггинса, место свиданий в Номе, и узнал от него, что он собирается выехать на Сибирское побережье на тюленью охоту и в торговое путешествие. Я попросил его, проходя поблизости от острова Врангеля, разузнать, не увезли ли оттуда людей. Свенсон обещал сделать. В Оттаву я послал телеграмму, со-

общив властям, что «Корвин» отправился к острову, а «Король и Крылья» будет недалеко от острова и, если сможет, также проберется туда.

4-го «Медведь» закончил погрузку угля и, набирая воду, потратил еще несколько часов. К 13 часам задул береговой ветер, и я поднялся на пароход. Мы вышли в 14 часов 10 минут.

Следующий день мы провели в Порту Кларенс в поисках пресной воды, но я чувствовал себя несколько спокойнее, потому что Свенсон отправился прямо на остров, а «Медведь» мог туда и не попасть.

6-го с наступлением дня мы прошли близ мыса Йорк. Сильный ветер гнал нас на всех парусах. Вскоре после полудня мы обогнули мыс Восточный, а в сумерках — миновали мыс Сердце-Камень.

На следующее утро начал дуть северный и северо-западный ветер, море было спокойно и предвещало близость льда. Условия не менялись весь день, а в 19 часов 45 минут мы увидели лед.

«Медведь» находился на расстоянии 131 мили от гавани Роджерса, мы подошли к самой кромке льда и решили выждать наступления дня.

8 сентября с ранним рассветом мы полным ходом пошли в пловучих льдах. С палубы я заметил на некотором расстоянии от парохода плотный пак. В первую половину дня мы прошли более пятидесяти миль и находились, приблизительно, в 75 милях от нашей цели.

Завтрак только что кончился. Я стоял в штурманской рубке и вдруг увидел впереди подгоняемую ветром шхуну. Мы навели на нее бинокли и увидели, что это «Король и Крылья». Я хотел верить, что шхуна побывала на острове, иначе она не могла бы так быстро вернуться обратно. Потом я со страхом подумал, что, быть может, она сломала винт и теперь пользовалась попутным ветром, чтобы добраться до пролива Беринга или Аляски.

Я следил за ней, а она подходила все ближе и ближе. Когда шхуна поравнялась с нами я внимательно осмотрел всех людей, находившихся у нее на палубе. Экипаж был велик, но вскоре я увидел Монро, Мак-Кинлея, Чэфа и, конечно, семью эскимосов и понял, что наши поиски закончились.

С «Медведя» спустили лодку под управлением лейтенанта Миллера. Я получил от капитана разрешение спуститься

в лодку и скоро оказался на палубе судна «Король и Крылья», в рядах партии «Карлук».

— Все, все здесь? — был мой первый вопрос.

— Нет, — ответил Мак-Кинлей, — Маллох, Мэмэн и Брэдди умерли на острове.

Больше не о чем было спрашивать. Я не мог представить себе, что партия помощника и партия Мэккея выберутся на безопасное место и не рассчитывал видеть их, но еще печальнее было узнать, что три человека, благополучно добравшиеся до острова Врангеля, скончались. Всех троих можно было горячо пожалеть. Брэдди был осторожный и деятельный работник. Мэмэн — прекрасный спутник, преданный и полезный товарищ. Он был великолепен в атлетическом спорте, где требуются бесстрашие и выдержка. Одно время я предполагал послать его вместе с Катактовиком на Сибирское побережье, и если бы коленная чашечка не мешала ему, он бы или довел дело до конца или умер. Маллох был незаменимым человеком в таких экспедициях, как наша. Он был не только вооружен знанием своей специальности, но он был одним из тех самоотверженных людей, которые, не думая о себе, подчиняются только одной мысли и одному стремлению — быть полезным.

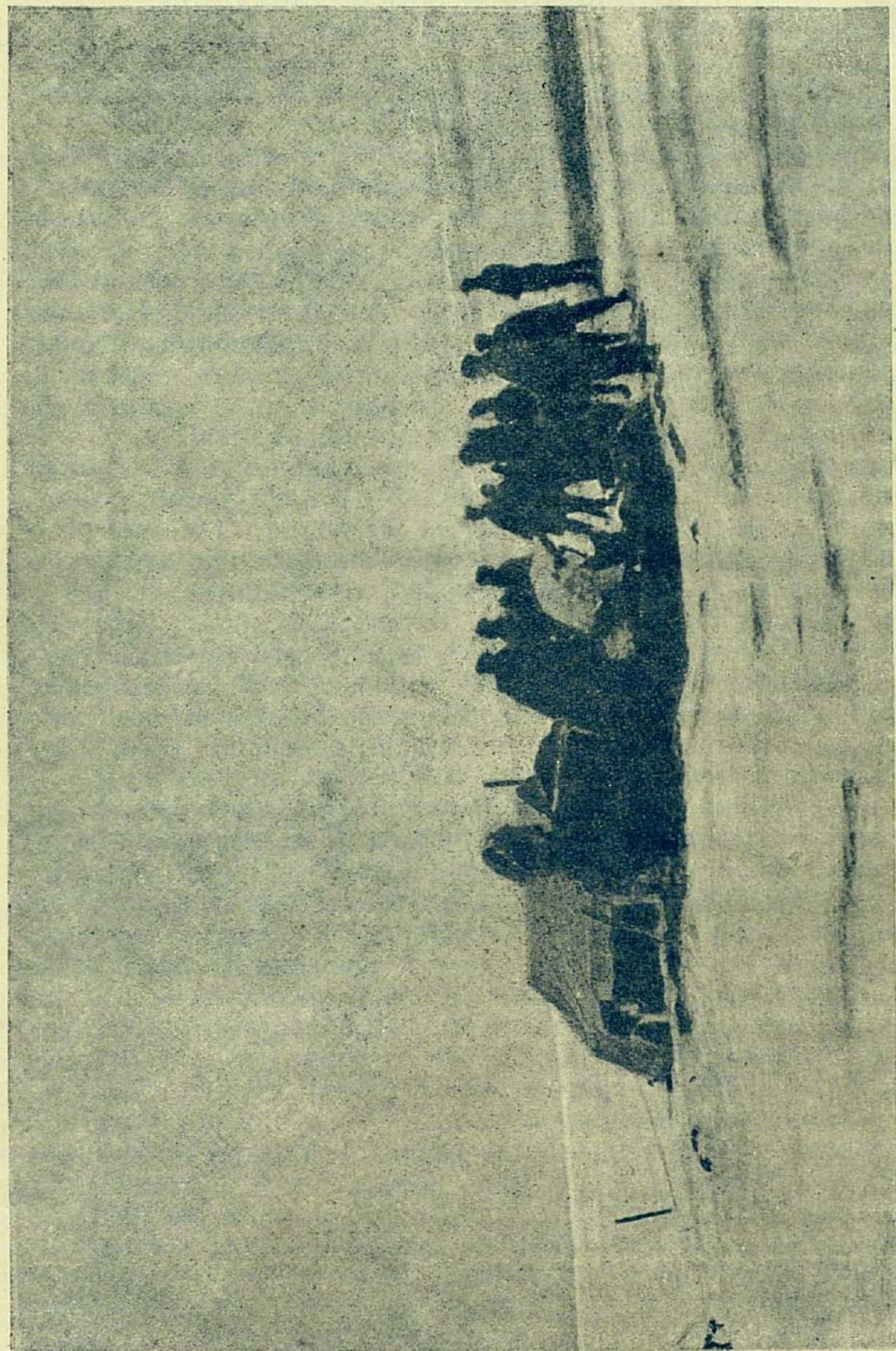
Я пожал руки товарищам, а затем Свенсону и капитану Иохимсону, храброму шкиперу судна «Король и Крылья», и поблагодарил их от имени канадского правительства за спасение людей. Потом я попросил разрешения Свенсона перевести нашу партию на судно «Медведь». Там им могла быть оказана медицинская помощь, в которой они нуждались. На судне «Король и Крылья» врача не было. Кроме того, не было более повода отказываться Свенсону от моржовой охоты, которую он отложил, отправляясь спасать людей с острова Врангеля. Мак-Коннель, который также был на судне «Король и Крылья», отправился с остальными на борт «Медведя».

Чтобы перебросить всю партию и часть имущества на «Медведя», потребовалось около часа. Затем мы простились со шхуной и направились к острову Геральда, чтобы попытаться найти там партию помощника и доктора, хотя было мало вероятно, что мы найдем их следы.

В сумерках лед заставил машину замедлить ход.

На следующее утро 9 сентября, в 8 часов мы находились в 12 милях от острова Геральда. Лед не подпускал нас ближе. После того как мы приложили все старания, чтобы отыскать путь во льдах, капитан Кохран решил вернуться в Ном. Мистер Свенсон подошел на своей шхуне к острову Геральда

Спасение партии на мысе Уоринг (остров Врангеля)

так близко, как это было возможно, и не нашел там ни единого признака человеческого пребывания.

Несколько месяцев тому назад, вскоре после моего ухода с Катактовиком в Сибирь, Мак-Кинлей и Монро отправились через льды по направлению к острову Геральда и подошли достаточно близко, чтобы убедиться, что там никого не было. Как я узнал позднее, судно «Корвин», высланное согласно обещанию Линдерберга, обошло остров кругом и не заметило никаких человеческих следов. Было совершенно очевидно, что обе партии погибли. Признать погибшими людей, с которыми я провел так много времени, людей, перед которыми было будущее, очень тяжело.

От острова Геральда «Медведь» подошел к мысу Сердце-Камень, и в 6 часов на следующий день мы стали на якорь близ стоянки мистера Волла. Сам мистер Волл все еще отсутствовал, мы простояли недолго и пошли вдоль побережья к следующей стоянке — на мыс Принца Уэльского.

Я не пристаивал с расспросами о том, что случилось на острове. Люди пережили слишком много и нуждались в отдыхе. Лучше было выждать время, пока история будет рассказана без принуждения. Мак-Кинлей частично уже рассказывал мне некоторые моменты, и в общем разговоре всплывали отдельные подробности.

Мы с Катактовиком, как я уже упоминал, покинули остров 18 марта. Партия Монро отправилась накануне в Лагерь кораблекрушения и продвигалась с относительно небольшими трудностями до тех пор, пока не перешагнула через огромный гребень, который так долго задерживал нас. Перебравшись на другую сторону, они подошли к полынье и вынуждены были вернуться на остров.

После этого они несколько раз пытались пробраться в Лагерь кораблекрушения. Однажды Виллиамс отморозил себе большой палец ноги так сильно, что пришлось его ампутировать, чтобы спасти всю ногу. Виллиамсон был хирургом. Он уже показал свое искусство, вправляя коленную чашечку Мэмэну в Лагере кораблекрушения. Вместо инструментов, он пользовался перочинным ножом и ножницами. Вероятно в Арктике никогда не совершалось более примитивной и болезненной операции, хотя капитаны китобойных судов часто упражнялись в легких и тяжелых операциях. Виллиамсон хорошо провел операцию, и пациент проявил редчайшую выдержку, поэтому результат был вполне удачный.

Согласно инструкции, они разделились на маленькие пар-

тии, чтобы расширить друг другу поле охоты, причем Мэмэн, Маллох и Темплеманн расстались с основной партией на Ледяной косе и направились по юго-восточному берегу острова к гавани Роджерса. Здесь они разбили палатку и собирались построить дом из сплавного леса, — план, который по различным обстоятельствам не удалось осуществить.

В конце мая Маллох и Мэмэн заболели воспалением почек и умерли, сначала Маллох, а через несколько дней Мэмэн. Темплеманн оставался один до тех пор, пока не встретился с Монро и Морером, после чего они жили все вместе до самого спасения. Питались они птичьими яйцами и тюленями, а позднее, летом, песцами, попадавшими на пути.

Раннею весною партии удалось убить на Ледяной косе медведя и запастись свежим мясом. С приближением лета они тронулись на побережье к мысу Уеринг, где условия добычи птиц казались более благоприятными, чем на плоской бесплодной Ледяной косе. Здесь они снова раскинули палатку, а Виллиамсон, Чэф, Виллиамс и Брэдди — другую. Через некоторое время случайно застрелился Брэдди, это была третья смерть на острове. Хэдлей и Кердрилло охотились ежедневно, и, так как близилось лето, им удавалось убивать тюленей и уток и, таким образом, получать достаточное количество пищи.

К началу июня истощились запасы, привезенные из Лагерь кораблекрушения. Большое количество пищи не удавалось запасти, лето подходило к концу, от меня вести не приходили, и перед ними в перспективе была еще одна зима, внушающая дурные предчувствия.

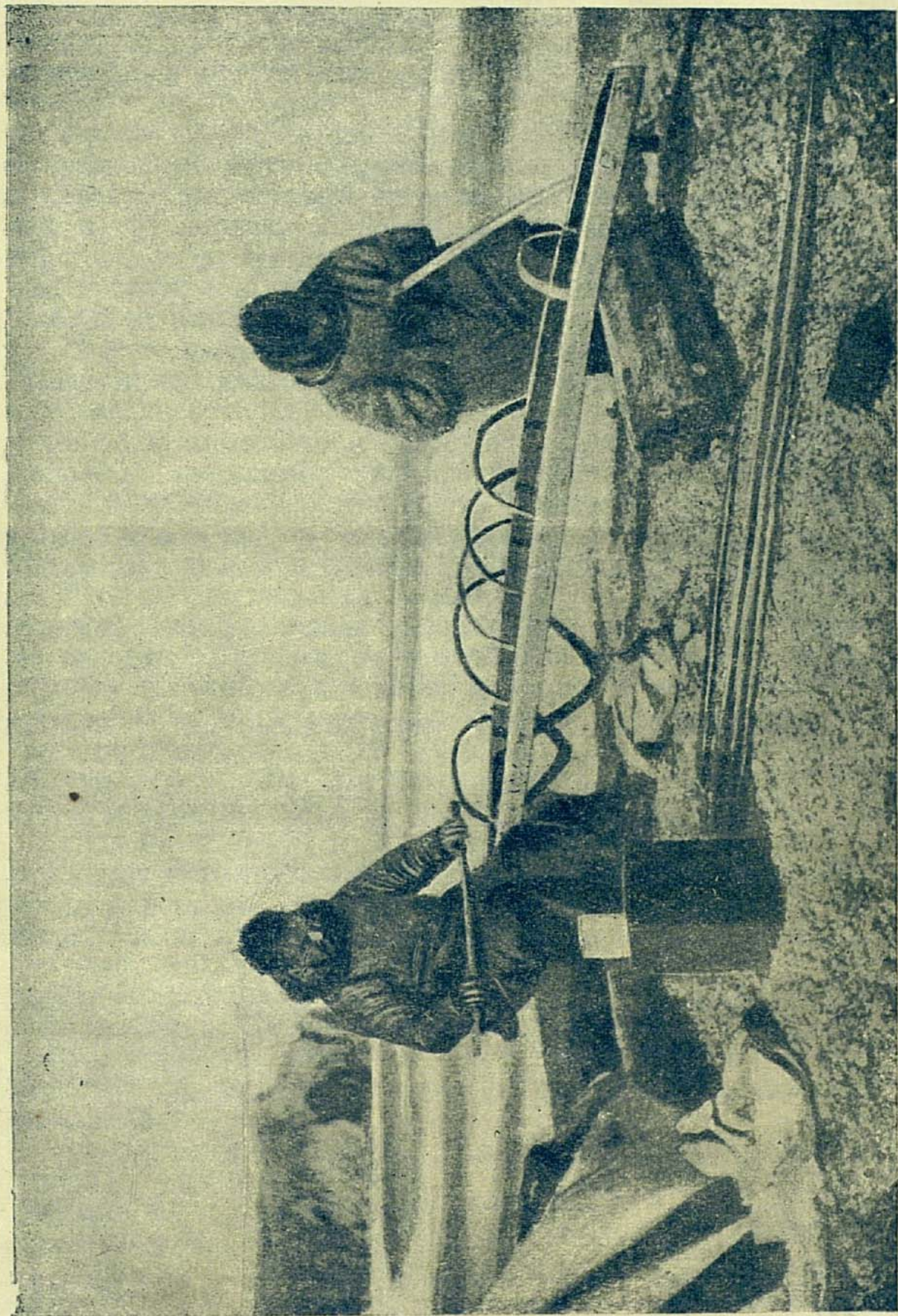
Хэдлей и Кердрилло соорудили примитивный эскимосский каяк — поставили раму из сплавного леса и обтянули ее оленьими кожами. После вскрытия льда Кердрилло великолепно использовал это сооружение для тюленьей охоты.

И в гавани Роджерса и на мысе Уеринг тревога о том, что нам не удастся добраться до Сибирского побережья и оказать помощь, еще более усилилась.

Не требовалось особого воображения с моей стороны, чтобы представить силу облегчения, которое почувствовали люди, когда утром 17 сентября в палатку, стоявшую в гавани Роджерса, донесся сигнал шхуны «Король и Крылья».

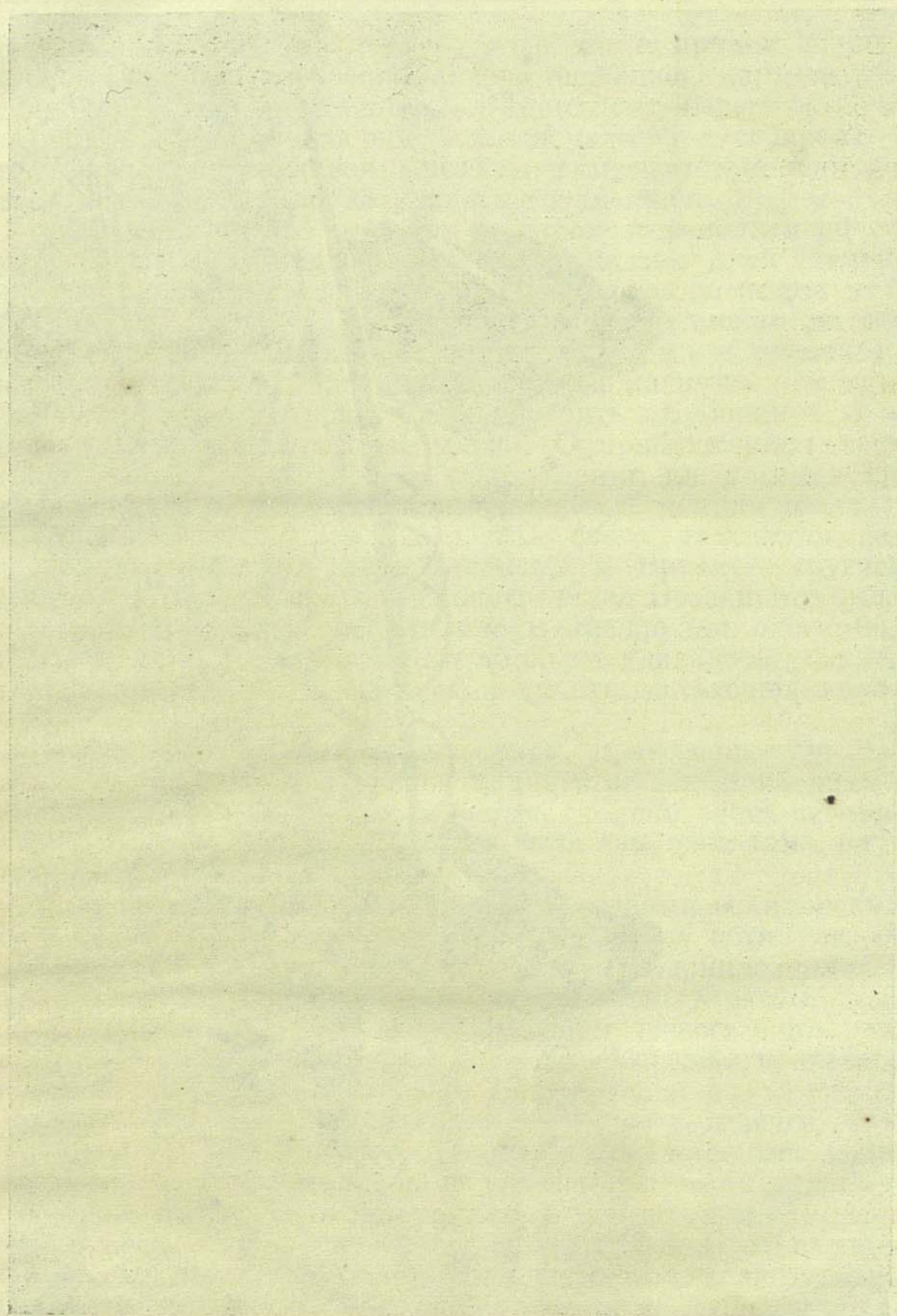
Спасители помогли спасенным собрать некоторое имущество, имеющее ценность или интерес, а затем, оставив запись для могущих зайти сюда паромов, заинтересованных в поисках людей, все отправились на борт шхуны. Там их ожидала

Сооружение каяка на острове Врангеля

ванна, чистое белье и обильный завтрак. Палатку оставили на острове, но британский флаг, так долго развевавшийся на мачте, взяли с собой.

Вместе со спасенной партией в гавани Роджерса шхуна направилась к мысу Уеринг. Лед помешал им приблизиться к берегу. Они остановились на расстоянии двух миль. Свенсон и его партия, сопровождаемая Мак-Коннелем, пошла на берег по льду. Их встретил Кердрилло. Под его руководством они прошли остальное расстояние к берегу и множество людей выбежало им навстречу.

Лагерь на мысе Уеринг находился в плохом состоянии. Палатки изнашивались, продовольственные запасы истощились и оставалось только сорок патронов для добычи дичи к наступающей зиме. Чтобы сберечь патроны, они по возможности питались птичьими яйцами, рыбой, вылавливаемой из-под льда, и чайками, которых они снимали со скал специальными крючками, — особый способ охоты на птиц без оружия. Спасение здесь и в гавани Роджерса пришло во время.

Оставив письмо на случай прихода какого-нибудь судна, партия с мыса Уеринг встретила со своими товарищами из гавани Роджерса на судне «Король и Крылья», и таким образом завершилось спасение. Маленькая девочка-эскимоска принесла на борт парохода черного кота, который испытал так много превратностей судьбы, что его спасение можно было считать чудом. Партия погрузила трех оставшихся в живых собак и трех щенков.

Шхуна «Король и Крылья» направилась, как я сказал, к острову Геральда. Она прошла уже значительное расстояние вдоль берега, но большие льдины не подпускали ее подойти ближе, и, в конце концов, чтобы не замерзнуть на зиму, Свенсон решил взять курс на Ном. Усталые и измученные люди «Карлука» наслаждались пищей, гостеприимством и возможностью выкупаться и надеть чистое белье. Бороды, украшавшие их лица, были сняты, и на следующий день, взглянув на палубу «Медведя», я увидел преобразившуюся компанию.

13 сентября «Медведь» прибыл в Ном. Наше прибытие вызвало огромный восторг и волнение, хотя моряки, потерпевшие в Арктике кораблекрушение, достаточно обычное явление в Номе.

Спасение считается делом местного значения, и множество людей и пароходов, принимавших участие в этом, известны по всему побережью Аляски.

Гостеприимство аляскинцев неограничено, в чем я уже имел случай убедиться. Но мне казалось, что людям лучше остаться на борту «Медведя» два-три дня, потому что они были еще очень слабы.

Через несколько дней люди настолько оправились, что я разрешил им выйти на берег.

Кердрилло с семьей отправился на север домой.

Удивительно быстро восстановили люди здоровье и силы. У Чэфа и Виллиамса были отморожены ноги. Самым больным оказался Темплеманн, и он очень долго не мог поправиться. Монро, Мак-Кинлей и Хэдлей, которому было 58 лет, были в хорошем состоянии и, вероятно, благополучно прожили бы на острове еще зиму.

Мы пробыли в Номе 19-го, затем отправились на юг, сделав первую остановку в С. Михаеле. Благоразумнее было оставить людей на «Медведе» и не перевозить их на другое судно. Люди чувствовали тепло, уют и хороший уход. По пути в С. Михаель мы узнали по телеграфу, что пароход «Корвин» сел на мель близ мыса Дуглас. Он вышел с острова Врангеля в Ном, получив по телеграфу сообщение о том, что люди спасены. Около 8 часов мы его увидели на некотором расстоянии от нас. Большая осадка судна мешала нам подойти ближе чем на полмили, поэтому мы спустили лодку, и третий лейтенант отправился к нему на борт.

«Медведь» послал несколько человек из команды помочь стащить судно. Сами мы отправились принять воду в одно оленеводческое селение близ Порты Кларенс. Поздно днем 23-го мы снова подошли к судну «Корвин», и наши люди вернулись. «Корвин» вышел в путь несколько позже.

На следующий день мы вернулись в Ном, чтобы захватить эскимосов, живших на Королевских островах. Они прибыли в Ном на больших байдарках месяца два тому назад, для распродажи разнообразных вещей, которые они выпиливали из клыков моржей. Они вырезывали изумительные вещи: пароход, доски для игры в крибидж,¹ дома, человеческие фигурки мужчин, женщин и детей.

Палуба «Медведя» имела первомайский вид. Эскимосы явились в Ном летом. Теперь лето уже близилось к концу, и погода стала неустойчивой, поэтому они не хотели задерживаться здесь дольше. Кроме того, и Ному не особенно хотелось принять на себя заботу о лишних двухстах эскимосах в те-

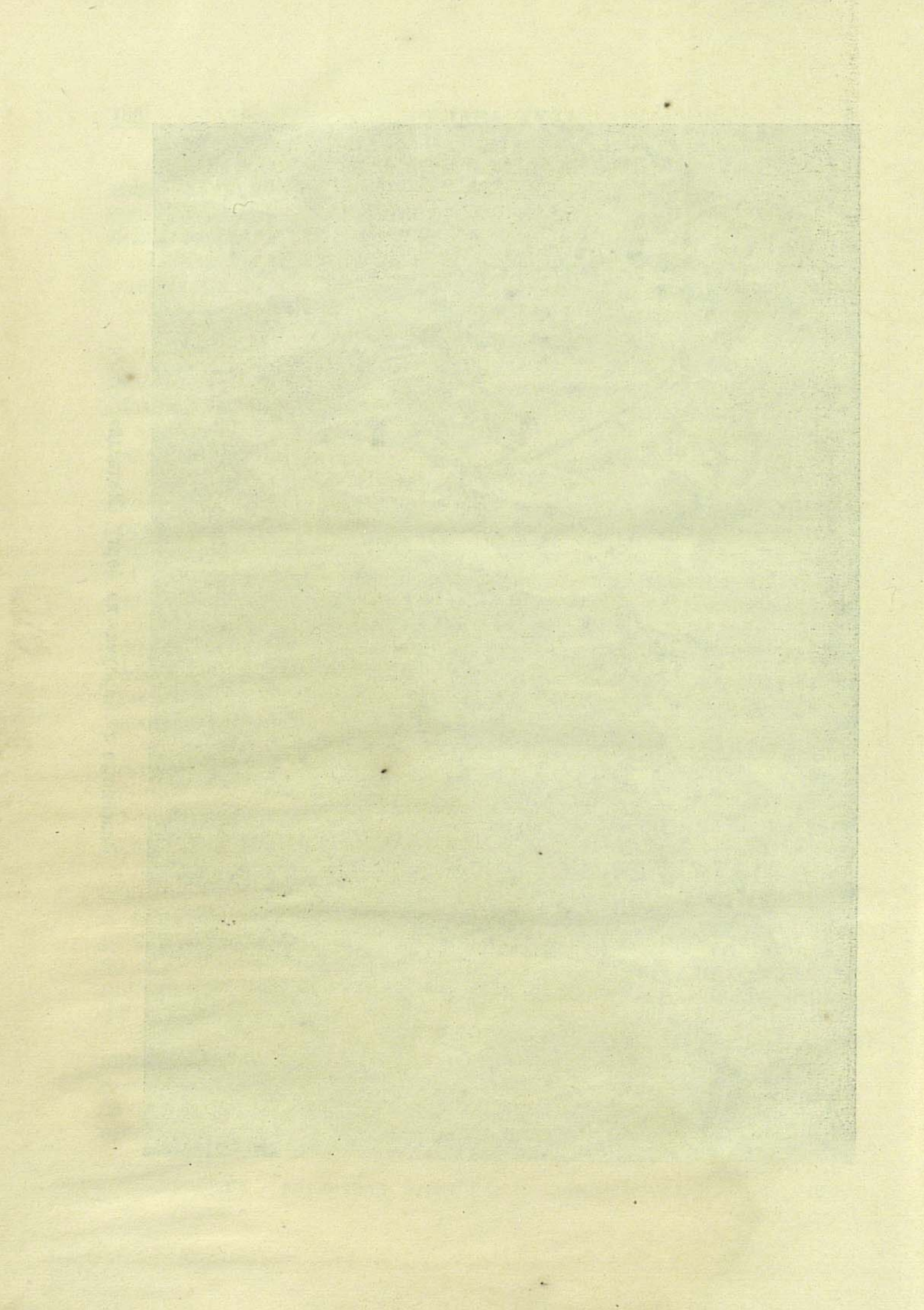
¹ Крибидж — карточная игра.

Спасенные с «Карлука» на борту «Медведя»

чение зимы, поэтому лучшим выходом из положения было попросить «Медведя» взять их на борт и отвезти домой, на Королевские острова, находившиеся в 70 милях отсюда.

Высадившись в Номе, мы увидели, что эскимосы живут в пещерах горных утесов. Они были настоящими горными жителями.

Покидая Королевские острова, мы попросили учителя с острова Лоренс принять почту и продовольственные запасы, привезенные из Номы. Продукты были очень кстати, потому что малый рацион вошел здесь в обычай последних дней. Обогнув остров с запада, по гладкому морю, при ослепительном солнечном свете, мы, наконец, взяли курс на юг.

24-го нас гнал сильный юго-восточный ветер, но на следующий день он затих, и утром 1 октября мы стали в док Уналашки, который в настоящее время является местом стоянки таможенных катеров, где они берут уголь и другие запасы. Уголь приходит из Австралии, тонна стоит 12—13 долларов. Здесь офицером по охране станции был Райнольдс, в восьмидесятих годах он плавал на судне «Корвин», которое добралось тогда до острова Геральда. Райнольдс прочел мне свой дневник, где он описывает высадку на остров и экскурсию на вершину. Он утверждает, что жить там никто не может и остров доступен только в одном месте.

«Медведю» пришлось простоять в Уналашке несколько дней, чтобы отремонтировать котлы. Мы занимались ловлей форелей и поднялись на Баллиху.

На вершине Баллиху лежит тетрадь, и каждый, кому удастся взобраться на эту гору, должен вписать в тетрадь свое имя. Я поднялся вместе с лейтенантом Баркером и Демпвольфом.

В Уналашке заболел Мак-Кинлей. Мы отправили его в госпиталь Джесса Ли, где его здоровье скоро восстановилось. Я был рад, что он поправился. У меня всегда оставалось о нем представление, как о мужественном и талантливом человеке. Он был одним из самых молодых членов экспедиции и очень ученым человеком. При всех обстоятельствах, требующих решительных действий, он сохранял выдержку. В таком щепетильном деле, как проверка и дележ продовольственных запасов, он оказывал нам большую помощь. Он прекрасно понимал человеческую натуру, — быть может, опыт учителя помог ему в этом. Я поручал ему улаживать все недоразумения, возникавшие в различных группах на острове Врангеля. При всех затруднениях он оставался невозмутимым и осторожным. Из

шести ученых, находившихся на судне «Карлук» после отъезда Стефанссона, в живых остался только Мак-Кинлей.

Приблизительно в это время таможенный катер «Маннинг» был отправлен на мыс Шотландский, на остров Унимак, чтобы вывезти оттуда тяжело заболевшего сторожа маяка.

Был сильный прилив. Лодка благополучно добралась до маяка и уже возвращалась обратно вместе со сторожем, как вдруг опрокинулась, и доктор утонул. Мы все остро переживали эту потерю.

В Уналашке я встретил Миллера, капитана берегового судна научно-геодезического общества «Паттерсон», которое проделало этим летом большую работу близ Унимак Пасс. Это был очень умный человек. Меня интересовали его работы, и мы провели с ним много часов вместе. Через несколько месяцев ему было суждено погибнуть на «Лузитании».

14 октября мы отошли от пристани Уналашка и отправились на всех парусах в последнюю часть нашего длинного путешествия, начатого в июне прошлого года, когда мы впервые взяли курс на север.

Путешествие на юг прошло без всяких событий, и 24 октября 1914 года «Медведь» высадил нас на берег у военного порта Эскимо.

На следующий день по распоряжению канадского правительства я распустил команду. Вскоре они разъехались по домам, а я отправился в Оттаву с заключительным докладом о последнем плавании на судне «Карлук».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Цель экспедиции	7
Глава II. Путешествие начинается	13
Глава III. Мы встречаем лед	17
Глава IV. Мы замерзаем	21
Глава V. Мы начинаем дрейфовать на запад	24
Глава VI. Отъезд Стефанссона	29
Глава VII. Гонимые штормом	32
Глава VIII. Мы удаляемся от суши	36
Глава IX. Зимняя стоянка	44
Глава X. Ночь в Арктике	49
Глава XI. Гибель «Карлука»	53
Глава XII. Наш дом в Лагере кораблекрушения	60
Глава XIII. Путешествие на санях	67
Глава XIV. Солнце возвращается	73
Глава XV. Возвращение Мэмэна и отъезд партии доктора	76
Глава XVI. Через льды к острову Врангеля	82
Глава XVII. По торосистым льдам	91
Глава XVIII. На острове Врангеля	98
Глава XIX. В Сибирь	104
Глава XX. Через движущийся лед	108
Глава XXI. Земля!	115
Глава XXII. Встреча с чукчами	121
Глава XXIII. На восток, по тундре	128
Глава XXIV. Кольт	134
Глава XXV. Дальше на восток	140
Глава XXVI. Мы приезжаем на мыс Восточный	145
Глава XXVII. В гавани Эмма	150
Глава XXVIII. Я опять связан с миром	160
Глава XXIX. В ожидании	163
Глава XXX. Снова на острове Врангеля	169
Глава XXXI. Спасение людей с острова Врангеля	176

Редактор серии *М. М. Смирнов*.
Технический редактор *А. Соловейчик*.
Сдано в набор 15 ноября 1935 г.
Подписано к печати 15 января 1936 г.
Бум. 62×94 см. 76 000 тип. зн. в бум. л.
Объем 1₁₆ бум. л.; 12¹/₈ п. л.; 11¹/₂ авт. л.
Тираж 10 000 экземпляров. Изд. № 82.
Ленгорлит № 1176. Заказ № 2124.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЗУ
им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1.